

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 2 · 2011

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

2-2011

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет
Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Подписано в печать 29.06.2011
Уч.-изд. л. 10,96. Усл. печ. л. 11,25
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У);
Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); **Бабешко В.А.**, д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); **Бодалев А.А.**, д-р психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З.А.**, д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); **Знаков В.В.**, д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); **Иванов А.Г.**, д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. н., проф. (РАО); **Латфуллин Г.Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); **Марьин М.И.**, д-р психол. н., проф. (МВД РФ); **Никовская Л.И.**, д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); **Романова А.П.**, д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); **Рябикина З.И.**, д-р психол.н., проф. (Кубанский ГУ); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос.н., проф. (СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист.н., проф. (Пермский ГУ); **Шабров О.Ф.**, д-р полит.н., проф. (РАГС); **Шпак В.Ю.**, д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора); **Белоконь Т.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В.В.**, канд. тех.н., доц.; **Ждановский А.М.**, канд. ист.н., проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. н., доц.; **Кольба А.И.**, канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лаврова Т.Г.**, канд. эконом. н., доц.; **Лузаков А.А.**, д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Мясникова Т.А.**, канд. эконом. н., доц.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол.н., проф.; **Остапенко А.Н.**, д-р пед.н., проф.; **Савва Е.В.**, канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю.В.**, канд. эконом. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. н., проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

2-2011

Содержание

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Карпинский К.В. Дезинтеграция смысла жизни как предпосылка кризиса в развитии личности 4

Танасов Г.Г. Фактор пола в обуславливании переживаемых состояний и поведения субъекта деловых переговоров 17

ДИСКУССИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Кимберг А.Н., Улько Е.В. Феномен ситуации в пространствах человеческого бытия: проблемы теории и методологии исследования 34

Толочек В.А. Сопряжённая профессиональная карьера субъекта: контексты и измерения. 48

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кардовская Е.К. Развитие профессионального самосознания студентов направления «Социальная работа» 62

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Никовская Л.И. Гражданское общество как ресурс модернизации в России. 70

Молокова М.А. Социальное партнёрство и профсоюзы в системе задач политической модернизации 85

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Чернова Ж.В. Семейная политика в современной России: «пятый нацпроект». . 100

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кокорхоева Д.С. Институциональная трансформация органов власти республик Северного Кавказа в 2000-х гг. 113

Кудактина А.И. О возможностях использования исследований политической социализации в изучении политической картины мира 124

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 134

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 135

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА КРИЗИСА В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

К. В. Карпинский¹

В статье смысл жизни анализируется как системное психическое образование, имеющее многоуровневое строение и поликомпонентный состав. Обсуждаются сущность и различные виды дезинтеграции смысла жизни. На эмпирическом материале доказывается гипотеза о том, что содержательное несовпадение осознанных смысложизненных ориентаций с реально действующими смысложизненными ценностями детерминирует психологический кризис в развитии личности.

Ключевые слова: смысл жизни, смысложизненный кризис, неоптимальный смысл жизни, дезинтеграция смысла жизни.

In article the meaning of life is analyzed as system phenomenon with a multilevel and polycomponental structure. Different kinds of disintegration of the life meaning are discussed. On an empirical material is proved that substantial discrepancy of conscious meaning of life orientations with unconscious, but really significant and acting values determines psychological crisis in development of the person.

Key words: meaning of life, meaning of life crisis, nonoptimal meaning of life, disintegration of meaning of life.

В современной психологии актуальной проблемой является изучение механизмов и закономерностей поиска, обретения и реализации личностью смысла жизни, а также его дифференциальных свойств и возрастных особенностей. Перспективной линией в разработке данной проблематики выступает психологический анализ феноменологии, механизмов и закономерностей смысложизненного кризиса в развитии личности. С самых общих позиций этот кризис понимается как длящееся состояние, которое обусловлено неразрешимыми или неразрешенными противоречиями в поиске и практической реализации смысла индивидуальной жизни. Он характеризуется специфической феноменологией, служит источником деформаций личности как субъекта жизни и дизрегуляции ее повседневной жизнедеятельности [5].

¹ Карпинский Константин Викторович — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь, г. Гродно). Эл. почта: karpkosta@tut.by

Систематизация сложившихся представлений о путях и факторах возникновения смысложизненного кризиса позволяет выделить две его этиологические разновидности: кризис бессмысленности, который наступает из-за отсутствия смысла в жизни и невозможности его отыскать, и кризис смыслоутраты, порождаемый потерей смысла жизни в критической ситуации и невозможностью его восстановить. Несмотря на существенные различия в детерминации названных видов кризиса, их сближает общий этиологический фактор — дефицит ценностей, которые организовывали, структурировали и наполняли бы индивидуальную жизнь смыслом. В случае кризиса бессмысленности можно констатировать первичный дефицит смыслообразующих ценностей, а в случае кризиса смыслоутраты — вторичный дефицит, которому предшествовало относительное смысложизненное благополучие.

Однако отсутствием и потерей смысла этиологические факторы смысложизненного кризиса в развитии личности не исчерпываются. На протяжении ряда лет нами проводится цикл теоретико-эмпирических исследований, направленных на раскрытие закономерностей возникновения и протекания личностных кризисов, спровоцированных принятием и попытками осуществления «неоптимального» (В.Э. Чудновский) смысла жизни. В ходе этих исследований выявлены различные его виды, в том числе бездуховный, нереалистический, конфликтный, неконгруэнтный смысл жизни, каждый из которых обнаруживает высокую кризисогенность в развитии личности. *Цель* настоящего исследования — теоретически проанализировать еще одну психологическую разновидность, именуемую дезинтегрированным смыслом жизни, и эмпирически изучить ее взаимосвязь с переживанием личностью смысложизненного кризиса.

В общенаучном значении дезинтеграция рассматривается как нарушение функциональной и структурной целостности системы, вследствие которого последняя утрачивает специфические свойства и функции либо распадается и прекращает свое существование, т. е. подвергается дисфункции или деструкции. В реальных условиях она проявляется на функциональном и структурном уровнях одновременно, и лишь в целях научного анализа можно абстрагировать функциональную и структурную дезинтеграцию системы как две относительно независимые формы. Первая выражается в функциональном несоответствии, рассогласовании элементов и компонентов системы при сохранении структурных взаимосвязей между ними. Вторая выражается в разрыве или ослаблении структурных связей между элементами и компонентами системы, в результате чего она «раскалывается» на несколько более примитивных систем, которые могут функционировать как слаженно, так и противоречиво.

Чтобы спроецировать данные общие положения на смысл жизни, необходимо учитывать, что это сложная, поликомпонентная, многоуровневая психи-

ческая система. Не вдаваясь в подробный анализ отдельных составляющих, отметим, что в структуре смысла жизни четко разграничиваются две подсистемы, одна из которых залегает на неосознанном уровне, а вторая — развернута в сознании.

В первую очередь смысл жизни должен быть охарактеризован как особое образование смысловой сферы, которое лежит за пределами индивидуального сознания и для осознания которого от личности требуется специальная рефлексивная работа, направленная на свой внутренний мир или жизненный путь. По мере становления смыслового подхода в психологии смысл жизни отождествлялся с различными смысловыми структурами — глобальным личностным смыслом, обобщенной смысловой диспозицией, иерархически высшим мотивом, личностной ценностью и т. д. В настоящее время понимание смысла жизни как монолитного, односоставного образования постепенно уступает свои позиции системной трактовке. В ее свете смысл жизни представит как динамическая система разнопорядковых смысловых структур и процессов, организованных по принципам иерархии и гетерархии и совместно обеспечивающих смысловую регуляцию автобиографического познания, связанного с конструированием субъективной картины жизненного пути, и практической деятельности, направленной на преобразование индивидуальной жизни в соответствии с ее смыслом для личности. Системообразующими, ядерными компонентами смысла жизни выступают наиболее устойчивые, обобщенные и значимые ценности личности. Их роль в поддержании структурной и функциональной целостности смысла жизни настолько велика, что зачастую понятия «личностная ценность» и «смысл жизни» сливаются и поглощают друг друга. Например, Б. С. Братусь определяет личностные ценности человека как «наиболее общие, генерализованные смыслы его жизни» [3, с. 105]. В. Э. Чудновский квалифицирует смысл жизни как «идею, присвоенную человеком и ставшую для него ценностью чрезвычайно высокого порядка» [10, с. 193]. В зарубежной литературе по смысловому жизненной проблематике применительно к ценностям нередко используется термин «источники смысла жизни» («sources of meaning in life»).

В индивидуальном сознании смысл жизни презентирован как комплекс феноменов мотивационной, аффективной и когнитивной природы. Мотивационный компонент составляют субъективно переживаемые побуждения, стремления и притязания, которые обусловлены реально сформировавшимися и необязательно осознаваемыми смысловыми ценностями личности. Аффективный компонент образуют эмоциональные переживания, сопровождающие процесс практической реализации личностью смысловых ценностей. Когнитивный компонент представлен смысловыми ориентациями — осознанными представлениями личности о содержании и взаимосвязях, абсолютной и относительной значимости тех ценностей, кото-

рые она считает главными в своей жизни. В совокупности эти представления складываются в более или менее целостное, структурированное понимание личностью смысла собственной жизни.

В рамках настоящего исследования особое внимание привлекает когнитивный компонент, поскольку понимание личностью объективно сформировавшегося, реально действующего смысла собственной жизни не всегда адекватно и достоверно. Действительный смысл жизни может заслоняться ошибочными смысложизненными представлениями и убеждениями. В психологических исследованиях установлена общая закономерность, согласно которой любое смысловое отношение к действительности, выраженное на языке «значащих переживаний» (Ф. В. Бассин), т. е. непосредственных эмоций и побуждений, более аутентично и достоверно по сравнению с любыми формами его вербализации и осознания. Эта закономерность в равной мере справедлива и для смысла жизни как частного случая смыслового отношения к действительности. Д. А. Леонтьев, к примеру, отмечает, что «с психологической точки зрения главным является не осознанное представление о смысле жизни, а насыщенность реальной повседневной жизни реальным смыслом» [6, с. 249]. Таким образом, смысложизненные ориентации и представления, формирующиеся вследствие специальной рефлексивной работы, в гораздо большей степени подвержены искажениям, чем эмоциональные и мотивационные феномены, являющиеся формами непосредственной презентации смысла жизни в сознании.

Предварительно обрисовав контуры смысла жизни как системного (разнородного и сложносоставного) психического образования, вернемся теперь к обсуждению вопроса о сущности и проявлениях его дезинтеграции. Внутренняя целостность смысла жизни зависит от того, насколько его подсистемы и компоненты интегрированы вертикальными и горизонтальными связями, координирующими их совместное функционирование. Дезинтеграция смысла жизни может проследиваться и в вертикальном, и в горизонтальном измерениях. Дезинтеграция по вертикали, или межуровневая дезинтеграция, наблюдается тогда, когда субъективные представления личности о своих смысложизненных ценностях и их значимости существенно расходятся с реально действующими в ее жизни ценностями и их объективно установившейся иерархией. Дезинтеграция по горизонтали, или внутриуровневая дезинтеграция, проявляется двояко: во-первых, в разобщенности смысловых структур и процессов, конституирующих смысл жизни на уровне смысловой сферы личности; во-вторых, в рассогласовании представленных в сознании смысложизненных ориентаций, переживаний, побуждений и реальной смысловой направленности повседневной жизнедеятельности личности.

В рамках настоящего исследования основное внимание уделяется межуровневой, вертикальной дезинтеграции, которая определяется как степень содержательного несовпадения сознательно формулируемого, известного и объектив-

но сложившегося, реально действующего смысла жизни. Сложный характер взаимоотношений между осознаваемым и неосознаваемым уровнями смысловой регуляции поведения личности лучше всего изучен на материале несоответствия имплицитной и эксплицитной мотивации, известных и реально действующих мотивов, личностных ценностей и ценностных представлений личности. Что касается психологических исследований смысла жизни, то здесь сама идея о возможности диссоциации, дезинтеграции его осознанных и бессознательных компонентов звучит весьма непривычно. Обусловлено это тем, что в подавляющем большинстве работ сложная, многомерная феноменология смысла жизни необоснованно упрощается и преподносится в сильно урезанном виде. Как правило, она редуцируется к сознательно выработанным личностью устремлениям (жизненным целям, планам, программам и т. д.), а тот неосознаваемый мотивационно-смысловой фундамент, на котором основывается смысл жизни, выпадает из поля зрения исследователей. Такая редукция — логическое продолжение распространенного подхода, выдающего смысл жизни за продукт исключительно когнитивных (мыслительных, рефлексивных) процессов. Следует согласиться с И. Э. Бекешкиной, по мнению которой в сфере психологических исследований смысла жизни «проявляется не изжитый еще предрассудок классического рационализма, что жизнь создается человеком целиком на рациональных началах, где наглядно связаны цель и средство, результат и действие, замысел и его реализация... В результате создается впечатление, что основополагающие смысловые ориентации личность избирает с помощью логического анализа, «взвешивая» на весах «этической арифметики» все «*pro*» и «*contra*», анализируя соответствие той или иной возможной модели жизненного пути сути человеческого бытия в мире, «измеряя» его мерками этических категорий и т. д.» [2, с. 137].

Вопреки этой непрогрессивной, но пока еще доминирующей тенденции, некоторые исследователи подчеркивают несводимость смысла жизни к чисто интеллектуальным, логическим конструкциям. Тем самым они прямо или косвенно допускают возможность дезинтеграции выработанных рациональным путем смысловых убеждений и реально сформировавшегося неосознанного смысла жизни. А. Адлер, например, полагал, что индивидуальный смысл жизни окончательно складывается к 3–5-летнему возрасту в форме бессознательного обобщения жизненного опыта. Он задает устойчивый стиль поведения и общую схему субъективной интерпретации личностью собственной жизни и не всегда гармонизирован с сознательно поставленными жизненными целями («фикциями») [11]. С точки зрения В. Франкла, жизнь человека не теряет смысла ни при каких обстоятельствах, так как она всегда к чему-то интенционально устремлена. Другое дело, что ценностное содержание, выступающее источником этой интенциональной направленности, не всегда адекватно высвечивается в сознании. Но это все равно не повод для сотворения смысла жизни в интеллектуальном акте. «Смыслы обнаруживаются, а не придумываются»

ся», — настаивает В. Франкл [9, с. 292]. Ю. В. Александрова, считая, что «смысл жизни представлен не только в сфере осознаваемого, но и — неосознаваемого», анализирует феномен «раскола» смысла жизни, при котором «объективный смысл не совпадает с субъективным» [1, с. 140]. Развивая эти идеи дальше, мы вводим представление об особом индивидуально-психологическом параметре, который описывает степень внутренней связности и характер функционального соотношения структурных (одноуровневых или разноуровневых) компонентов смысла жизни. Это биполярный параметр «интеграция — дезинтеграция», который заметно влияет на функциональность, действенность смысла жизни как психического регулятора индивидуальной жизнедеятельности. Причем интеграция присуща полноценно функционирующему, оптимальному смыслу жизни, а дезинтеграция характерна для дисфункционального, неоптимального смысла жизни.

На основе изложенного была сформулирована *гипотеза* о том, что дезинтегрированный смысл жизни, будучи специфической разновидностью неоптимального смысла жизни, обуславливает переживание личностью смысловизненного кризиса. Приступая к ее эмпирической проверке, следует принять во внимание, что онтологическая сложность (многоуровневое строение и многокомпонентный состав) смысла жизни как психического феномена объективно требует использования полиметрического подхода для его эмпирического изучения. Отталкиваясь от данного положения, в одной из предыдущих работ мы выделили и проанализировали семь методических подходов к эмпирическому исследованию смысла жизни: психометрический, экспериментальный, психосемантический, проективный, биографический, нарративный, феноменологический [4]. Каждый из них спрофилирован на изучение определенного уровня и компонентов определенной модальности в системной организации смысла жизни. Настоящее исследование представляет собой как раз тот случай, когда применение полиметрического подхода наиболее целесообразно, поскольку перед исследователем стояла задача диагностики как осознаваемых, так и неосознанных компонентов дезинтегрированного смысла жизни.

Эмпирическое исследование было спланировано по корреляционному дизайну. В нем приняли участие 96 испытуемых в возрасте от 19 до 54 лет, имеющих разный семейный, образовательный и профессиональный статус, в том числе 47 женщин и 49 мужчин. Сбор эмпирического материала осуществлялся с помощью авторского опросника смысловизненного кризиса — стандартизированного личностного теста, который диагностирует выраженность у испытуемого негативных переживаний, связанных с противоречиями и затруднениями в поиске и практической реализации смысла жизни. В обследованной выборке распределение баллов по опроснику смысловизненного кризиса характеризуется следующими параметрами: $M = 105,36$, $\sigma = 18,73$, $\min = 61$, $\max = 154$.

Диагностика индивидуального уровня интеграции/дезинтеграции смысла жизни испытуемого потребовала применения полиизмерительного подхода и была разделена на несколько этапов. На первом этапе с помощью авторской методики «Источники смысла жизни», тяготеющей к психометрическому подходу, определялись смысловые ориентации испытуемого, т. е. его субъективные представления о ценностях, являющихся источниками смысла жизни, а также о степени их значимости для него. В качестве стимульного материала испытуемому предъявлялся репрезентативный перечень из 46 терминальных ценностей, включающий наименование и комментарий по поводу смыслового содержания каждой из них. В соответствии с инструкцией испытуемый выбирал из этого перечня те ценности, которые он считал источниками смысла собственной жизни, а затем ранжировал их по убыванию значимости (от наиболее до наименее значимой). В среднем испытуемые идентифицировали в качестве источников смысла своей жизни по 8 ценностей ($M = 8,94$, $\sigma = 4,18$, $\min = 4$, $\max = 17$). Основным диагностическим результатом данного этапа явились индивидуальные ранжированные списки смысловых ценностей, отражающие их сознательно выстроенную иерархию.

На втором этапе посредством авторской модификации цветового теста отношений А. М. Эткинда, принадлежащего к проективному подходу, диагностировалась реальная значимость тех ценностей, которые испытуемый указал в качестве источников смысла своей жизни. Эта методика базируется на доказанном в специальных исследованиях положении, согласно которому цветовые ассоциации выдают неосознаваемые смысловые отношения личности к ассоциируемым объектам или их понятийным обозначениям. В отличие от предыдущего этапа, где значимость смысловых ценностей выяснялась при помощи «лобового» вопроса, апеллирующего к сознательным представлениям испытуемого, здесь она устанавливалась косвенным, обходным путем, не требующим рефлексии и вербализации отношения к той или иной ценности. В качестве оборудования послужил стандартный набор карточек из восьмицветового теста М. Люшера, а в качестве стимульного материала — названия выбранных испытуемым смысловых ценностей. Процедура обследования включала три серии: в первой (ориентировочной) серии испытуемый делал эталонную раскладку цветов в порядке свободного предпочтения (от «самого приятного» до «самого неприятного»); во второй (буферной) серии испытуемый выполнял задания, не имеющие диагностического значения и реально направленные лишь на то, чтобы вытеснить из его памяти порядок называния цветов в первой серии; в третьей (диагностической) серии испытуемый ассоциировал цвета со словами-стимулами, т. е. раскладывал их в порядке соответствия названиям своих смысловых ценностей (от «самого похожего, подходящего» до самого «непохожего, неподходящего»). В итоге исследователь от каждого испытуемого получал $N + 1$ рядов цветовых предпочтений, где N равняется количеству ценностей-источников смысла жизни, отобранных

этим испытуемым на первом этапе. Далее рассчитывались индивидуальные коэффициенты личностной значимости каждой отдельной ценности для конкретного испытуемого. Общая формула их расчета имела следующий вид:

$$K = \frac{\sum_{i=1}^8 D_i}{32},$$

где D_i — модуль разности рангов i -го цвета в эталонной и диагностической раскладке по конкретной ценности; 32 — константа, значение которой совпадает с максимально возможной суммой разностей рангов восьми цветов в двух раскладках.

Величина коэффициента варьировала от 0, что означает предельно высокую значимость, до 1, что означает крайне низкую значимость соответствующей смысловой ценности. Очевидно, что при нулевом значении коэффициента цветовая раскладка, сгенерированная испытуемым в ответ на словесное обозначение ценности, полностью совпадает с эталонной раскладкой, а при единичном значении — прямо противоположна ей. На основании значений коэффициентов исследователем строился ранжированный ряд смысловых ценностей, который рассматривался как отражение неосознаваемой ценностной иерархии конкретного испытуемого. При этом первый ранг присваивался той ценности, для которой получено наименьшее значение коэффициента, а последнее ранговое место отводилось ценности, имеющей наибольшее значение коэффициента.

На третьем этапе проводилось сопоставление осознанной и неосознанной ценностных иерархий, выявленных соответственно на первом и втором этапах исследования. Дезинтеграция смысла жизни операционализировалась как степень рассогласования сознательных представлений испытуемого о значимости его смысловых ценностей с реальной (неосознаваемой и невербализируемой) значимостью этих ценностей. Математически она оценивалась посредством непараметрического корреляционного анализа по методу Спирмена, переменными в котором служили два ряда ранговых значений, а наблюдениями — набор смысловых ценностей конкретного испытуемого. Количественной мерой уровня интегрированности смысла жизни испытуемого выступала величина коэффициента корреляции, колеблющаяся в диапазоне от -1 до 1 . Малые величины, лежащие в области отрицательных значений, трактовались как показатели дезинтеграции, в то время как большие величины, уходящие в область положительных значений, — как показатели интегрированности смысла жизни испытуемого. Распределение показателя интеграции смысла жизни в выборке испытуемых характеризуется следующими параметрами: $M = 0,06$, $\sigma = 0,45$, $\min = -0,91$, $\max = 0,93$. Следует заострить внимание на том, что во всей выборке не оказалось ни одного испытуемого с полной интеграцией смысла жизни, т.е. абсолютным тождеством осознан-

ной и неосознанной иерархий смысложизненных ценностей. На данном этапе объем выборочной совокупности сократился до 94 чел. Это произошло за счет выбраковки данных по двум испытуемым, которые на первом этапе идентифицировали в качестве источников смысла своей жизни менее пяти ценностей, что не позволило подсчитать для них показатель интеграции.

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью корреляционного и регрессионного анализа, а также U-критерия Манна–Уитни для независимых групп. Корреляционный анализ, простой регрессионный анализ и межгрупповые сравнения проводились в разведочных целях — для выяснения структуры и направленности связей между статусными и психологическими переменными. На их основе можно констатировать обратную взаимосвязь показателей смысложизненного кризиса и интеграции смысла жизни ($R = -0,489$, $p = 0,000001$). С психологической точки зрения это означает, что по мере усиления разрыва между осознанной и неосознаваемой иерархиями смысложизненных ценностей нарастает и тяжесть кризисной симптоматики.

Данную закономерность аппроксимирует уравнение линейной одномерной регрессии: Смысложизненный кризис = $106,67 - 19,94 \times$ Интеграция смысла жизни. Стандартное пороговое значение, свидетельствующее о субъективно болезненном, глубоком и интенсивном кризисе, равняется 113 баллам по одноименному тесту. При помощи регрессионного уравнения можно предсказать, что этот порог преодолевается, если показатель интеграции смысла жизни испытуемого равен $-0,32$ или опускается ниже этого значения. В обследованной выборке зарегистрированы 24 случая, удовлетворяющих данному условию. Из них в 15 случаях показатель смысложизненного кризиса равняется или превосходит 113 баллов, а в 9 случаях лежит ниже данного значения, т. е. надежность прогноза наступления кризиса по показателю интеграции/деинтеграции смысла жизни составляет 62,5%. Что касается самого значения $-0,32$, то оно означает, что даже небольшого рассогласования осознанной и неосознанной иерархий ценностей – источников смысла жизни вполне достаточно для острой манифестации смысложизненного кризиса.

При данном объеме выборки корреляционные связи возраста с интенсивностью протекания смысложизненного кризиса ($R = 0,11$, $p = 0,27$) и степенью интеграции индивидуального смысла жизни ($R = 0,05$, $p = 0,63$) не достигли уровня статистической значимости. Также не выявлено существенных различий по уровню выраженности этих психологических переменных в мужской и женской подгруппах ($U_{эмп} = 1040$; $Z = -0,48$; $p = 0,62$ — для смысложизненного кризиса; $U_{эмп} = 1103,5$; $Z = 0,003$; $p = 0,99$ — для интеграции смысла жизни).

Основным методом статистической обработки данных послужил иерархический регрессионный анализ. Последовательно строились две регрессионные модели: контрольная модель в качестве предикторов включала статусные

переменные (пол и возраст испытуемого); в основной модели к этому набору предикторов добавлялась переменная «интеграция смысла жизни». В качестве зависимой переменной в обеих моделях фигурировала интенсивность переживания смысловжизненного кризиса, измеренная в баллах одноименного опросника. Сравнение объема объяснимой дисперсии в контрольной и основной моделях проводилось при помощи инкрементного F-теста. Результаты множественной иерархической регрессии отражает таблица.

Результаты иерархического регрессионного анализа

Модель	Предикторы	β	t	p	Статистика модели
Контрольная	Пол	0,074	0,71	0,47	$R = 0,148, R^2 = 0,022, F(2, 91) = 1,015, p = 0,366$
	Возраст	0,138	1,32	0,19	
Основная	Пол	0,076	0,832	0,40	$R = 0,517, R^2 = 0,267, F(3, 90) = 10,92, p = 0,000$
	Возраст	0,16	1,75	0,08	
	Интеграция смысла жизни	-0,495	-5,48	0,000	
Инкрементный F-тест	$\Delta R^2 = 0,245; F(1, 90) = 30,08; p = 0,000$				

Табличные данные свидетельствуют о том, что контрольная модель, предполагающая влияние пола и возраста на выраженность у испытуемого кризисной феноменологии, оказалась в целом незначимой, а статусные переменные сами по себе не вносят существенного вклада в зарождение или обострение ранее начавшегося кризиса. В отличие от нее основная модель достоверно моделирует некоторые предпосылки возникновения смысловжизненного кризиса в развитии личности и суммарно объясняет 26,7% дисперсии зависимой переменной. Прирост объяснимой дисперсии (ΔR^2) при переходе от первой ко второй модели составляет 24,5%, что главным образом обусловлено действием переменной «интеграция смысла жизни» и весьма существен с точки зрения инкрементного F-теста: $F(1, 90) = 30,08; p = 0,000$. Судя по значениям b-коэффициентов, низкий уровень вертикальной интеграции смысла жизни, т.е. несовпадение знаемых и реально действующих смысловжизненных ценностей, оказывает мощный кризисогенный эффект на личностное развитие человека ($\beta = -0,495; t = -5,48, p = 0,000$). В основной модели наряду с интеграцией/дезинтеграцией смысла жизни в качестве значимой (на уровне статистической тенденции) детерминанты кризиса выступает хронологический возраст: чем старше испытуемый, тем глубже он склонен переживать кризисное состояние ($\beta = 0,16; t = 1,75; p = 0,08$).

Интересно, что переменная «возраст» приобретает весомость лишь во второй модели, где она выступает в комбинации с независимой переменной «ин-

теграция смысла жизни». Дело заключается в том, что эти независимые переменные как бы погашают, нивелируют воздействие друг друга на зависимую переменную: с одной стороны, с возрастом риск возникновения и тяжесть течения кризиса увеличиваются, но, с другой стороны, с возрастом несколько повышается и степень интегрированности смысла жизни, что предохраняет личность от кризиса. Во второй модели контролируется антикризисный эффект возрастной интеграции смысла жизни, а потому по сравнению с первой моделью в ней подрастает регрессионный β -коэффициент, отражающий связь возраста с кризисом при фиксированном уровне переменной «интеграция смысла жизни», т. е. влияние возраста на кризис проступает с большей четкостью. На основе полученных результатов можно предвосхитить глубокий драматизм ситуации, в которой констатируют обе детерминанты кризиса — солидный возраст и дезинтеграция смысла жизни. Это психологическая ситуация человека, посвятившего многие годы жизни преследованию определенных идеалов и целей и в конце концов ясно осознавшего или смутно почувствовавшего, что идеалы фальшивы, а цели ложны и не совпадают с тем, что представляет для него истинную ценность. Такому прозрению обычно сопутствуют негативные, субъективно мучительные переживания, типичные для смыслового кризиса: разочарование, отчаяние, неудовлетворенность, отчуждение, апатия, сожаление об упущенном времени, бессмысленность привычных занятий и т. п.

Феноменология данного состояния прекрасно задокументирована в художественной и мемуарной литературе. С особенной яркостью и пристрастностью ее изобразил Л. Н. Толстой в автобиографической «Исповеди»: «Со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить по-прежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и все в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: Зачем? Ну а потом?» [8, с. 115]. Совершив несколько неудачных попыток ответить на них разумным, логическим путем, сорокасемилетний писатель пришел к необходимости принять тот смысл, который объективно несла в себе реальная направленность его жизни. «Я понял, — пишет он, — что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы сама жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже — разум, для того, чтобы понять ее» [8, с. 143]. Те же кризисные переживания и тот же подход к открытию истинного смысла жизни Л. Н. Толстой персонифицировал в литературном образе Константина Левина из романа «Анна Каренина»: «Когда Левин думал, что он такое и для чего он живет, он не находил ответа и приходил в отчаяние; но когда он переставал спрашивать себя об этом, он как будто знал, и что он та-

кое, и для чего он живет, потому что твердо и определенно действовал и жил» [7, с. 387].

Принципиально схожий подход к преодолению дезинтеграции смысла жизни и купированию смысложизненного кризиса применяется в различных направлениях психотерапии, в том числе в логотерапии (В. Франкл), экзистенциальной терапии (И. Ялом), экзистенциально-аналитической терапии (А. Лэнгле), смыслоцентрированной терапии (П. Вонг), ноодинамической терапии (К. Попельский). Эффективным средством против неадекватных смысложизненных представлений является не логический их разбор и критика, а вовлечение личности в тот круг дел и занятий, которые объективно наличествуют в жизни и связывают ее с определенными ценностями. Рефлексия, ведущая к становлению системы осознанных смысложизненных ориентаций, должна быть включена в процесс практического взаимодействия личности с собственной жизнью, который протекает в форме разнообразных, сменяющих одна другую деятельностей. Тогда она будет как бы резюмировать, подытоживать объективно сложившиеся смысложизненные ценности, а не замещать или подменять их субъективными представлениями. Адекватное понимание реального смысла жизни при этом достигается как побочный и во многом неумышленный результат активной, действенной вовлеченности личности в повседневную жизнь. Оторванность смысложизненной рефлексии от практического контекста повседневной жизни, напротив, ведет к разрыву между известными и реально действующими ценностями. Этим и определяется внутренняя противоречивость дезинтегрированного смысла жизни, порождающая психологические кризисы в развитии личности.

Библиографический список

1. *Александрова Ю. В.* Нравственное переживание как путь преодоления «раскола» смысла жизни // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. М.: ПИ РАО, 1997.
2. *Бекешикина И. Э.* Смысл жизни и нравственная самореализация // Жизненный путь личности: вопросы теории и методологии социально-психологического исследования. Киев: Наукова думка, 1987.
3. *Братусь Б. С.* Аномалии личности. М.: Изд-во МГУ, 1988.
4. *Карпинский К. В.* Опросник смысложизненного кризиса. Гродно: ГрГУ, 2008.
5. *Карпинский К. В.* Смысложизненный кризис в развитии личности как субъекта жизни // Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
6. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
7. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина // Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 9.

8. Толстой А. Н. Исповедь // Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
10. Чудновский В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды. М.: Изд-во МСПИ, 2006.
11. Adler A. Sens zycia. Warszawa: PWN, 1986.

ФАКТОР ПОЛА В ОБУСЛОВЛИВАНИИ ПЕРЕЖИВАЕМЫХ СОСТОЯНИЙ И ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

.....

Г. Г. Танасов¹

Автор сравнивает гендерную психологию и психологию половых различий, отмечает ограничения первой и обосновывает необходимость исследований в области психологии пола. Приводит результаты исследований влияния пола на переживаемые личностью состояния и поведение в ситуации деловых переговоров.

Ключевые слова: гендер, половая дифференциация, поведение в переговорах, личность, переговорная ситуация.

The author compares gender psychology and psychology of sexual differentiation, marks restrictions of the first approach and proves necessity of researches in the field of floor psychology. The author gives results of researches of influence of a sex on conditions endured by the person and behavior in a situation of business negotiations.

Key words: gender, sexual differentiation, behavior in negotiations, personality, situation of negotiations.

Информация о психологических различиях между мужчиной и женщиной обильна. В значительной части диссертационных исследований затрагивается (хотя бы косвенно) тема половых различий психики, различий психологических свойств личности в зависимости от пола. Но вся эта разнообразная информация о половых различиях психики, психологических свойств, поведения мужчины и женщины не структурирована и не обобщена в такой степени, чтобы можно было говорить о сложившейся психологической теории пола, позволяющей в структурном единстве увидеть разнообразную психологическую феноменологию, обеспечивающей возможность размещения разнообразных, разноуровневых феноменов в организованном системном представлении. Однако движение в этом направлении имеет определенную историю.

¹ Танасов Георгий Георгиевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии, докторант Кубанского государственного университета. Эл. адрес: Lyoha@econ.kubsu.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук (МК-1380.2011.6)

В отечественной психологии основания подходов к рассмотрению проблемы пола заложены в работах А.Ф. Лазурского, М.Я. Басова, П.П. Блонского, Б.Г. Ананьева и др. М.Я. Басов полагал, что влияние пола проходит красной нитью через весь онтогенез человека [3]. Б.Г. Ананьев утверждал, что пол пронизывает все черты характера и свойства личности человека и включал характеристики пола в качестве первичных (индивидуальных) свойств в структуру личности [1]. Тем не менее, по выражению И.С. Кона, отечественная психология оставалась «бесполой», хотя невозможно и неправильно в психологической науке игнорировать такое фундаментальное биосоциальное свойство, как пол [10; 11].

Анализируя динамику научных исследований в области проблем, связанных с полом человека, А.Ф. Филатова отмечает, что с начала XXI в. проблематика исследований становится более разнообразной. В частности, в последнее время активизировались исследования психологической дифференциации взрослых по различным аспектам, обусловленным половой принадлежностью (В.Н. Дружинин, Е.П. Ильин, И.В. Грошев, В.П. Шейнов и др.) [18].

Проблемы в связи с половой дифференциацией, как и более общие проблемы личности, исследуются в двух основных направлениях концептуализации: биологическом (биогенетическом) и социальном, или социокультурном. Это естественная в рассмотрении человека как личности диадность, отражающая роль двух фундаментальных факторов, обуславливающих становление личности. К ним добавляется еще один фактор, связанный с изучением личности как субъекта своего бытия, не только создающего реальность окружающего мира, но и конструирующего свое тело, свою внешность, свой характер, стиль поведения и пр., что в совокупности предстает как осознание, принятие и проявление гендерной идентичности [13; 14 и др.].

Теории, сложившиеся в рамках первого направления, обосновывают различия в поведении мужчин и женщин в основном биологическими и генетическими факторами. Например, в психоаналитической концепции половой дифференциации (З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни, К.Г. Юнг и др.) различия между мужчиной и женщиной рассматриваются как природные, изначальные. З. Фрейд весь процесс развития личности связывает с сексуальной сферой, предпосланной биологической природой полового диморфизма.

В социокультурных теориях утверждается, что пол — «исключительно культурно-социальный конструкт и никакие факты половой биологии человека сами по себе не имеют непосредственных социальных значений или последствий» [18, с. 19]. При этом в силу социокультурной разноплановости контекстов становления личности утверждается и рассматривается, как естественный факт большая вариативность половых различий и социополового поведения. Внимание фокусируется на разнообразии культурных моделей и образцов «адекватного» поведения мужчин и женщин в мире различающихся эт-

носов и культур. К теориям половых различий социокультурного направления относят теории социального научения (А. Бандура, В. Мишель и др.), теории когнитивного развития (Л. Колберг, Ж. Пиаже и др.), теории полоролевой схематизации (Р. Ашмор, С. Джеклин, Е. Маккоби и др.), теория новой психологии пола (Дж. Стоккард, М. Джонсон, С. Бем, Дж. Манн, А. Эрхард и др.) и т. д.

Вследствие усиления этого направления во взглядах на половые различия (сказалось влияние социокультурных преобразований общественного устройства, политические тренды, ориентированные на борьбу за равенство прав женщины с мужчиной и пр.) возникло и оформилось понятие «гендер» (*gender*), трактуемое как «социальный пол» или «культурная маска пола». Близкое по содержанию понятие «*психологический пол*» А. Г. Асмолов характеризует как усвоение ребенком в процессе половой социализации нормальной половой роли, производной от норм и обычаев соответствующей культуры [2].

Активные исследования в области гендерной психологии начались в России в последние десятилетия XX в. и продолжают сейчас (В. В. Знаков, И. С. Клецина, Л. Н. Ожигова, М. А. Бутовская, В. А. Лабунская, Т. В. Бендас, И. В. Костикова, А. А. Чекалина и др.). Это направление современной психологии продуктивно и эвристично, ориентировано на гибкость в интерпретации возможных психологических проявлений личности мужчины и женщины, на социальный конструкционизм, утвердившийся как один из ведущих методологических трендов современной науки.

При этом нельзя не признать, что гендерная психология в определенной мере вытеснила психологию пола. В гендерном подходе артикулируется исключительно социокультурная заданность дифференциации личности по признакам маскулинности/феминности, из-за чего теряется тема биологической, природной предзаданности мужского и женского в человеке. Размываются, теряют очертания образы мужчины и женщины, связывающие воедино конституциональное, морфологическое (строение тела и внешний облик как «визитная карточка» пола), психофизиологическое, психологическое.

Научная абстракция, прибегнув к которой исследователи реализовали проект, позволяющий обосновать социальное право женщин на равенство с мужчиной, страдает редукцией, подвергая сомнению *биосоциальную природу человека* (К. Д. Ушинский, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, В. С. Мерлин, А. В. Брушлинский и др.), разрушая холистический подход к личности, свойственный гуманистически ориентированным западным психологам (К. Гольдштейн, А. Маслоу, К. Роджерс и др.), вступая в противоречие с необходимостью изучать человека как целостную систему его индивидуальных свойств, что стало одной из центральных проблем современных методологических, теоретических и эмпирических исследований в отечественной психологии (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин, В. М. Русалов, Д. И. Фельдштейн и др.).

Иронизируя над сложившейся ситуацией, Д. А. Жуков отмечает, что в результате нескольких научных конференций, участники пришли к заключению, что термин «гендер» обусловлен только хорошим финансированием «гендерных» исследований, в отличие от исследований «половых различий». А также тем, что «гендер», являясь иностранным словом, и звучит солиднее, и не вызывает ассоциаций с такими понятиями, как половой акт, половые органы, половые проблемы, половые извращения [6, с. 390-391].

Автор не так давно выполненного докторского исследования в области психологических проблем пола А. Ф. Филатова пишет убедительно и категорично: «Пол — это единственный атрибут человека, о котором мы помним всегда. Мы можем забыть цвет глаз и волос, черты лица, во что человек был одет, что он говорил, и что делал. Но мы никогда не забудем — мужчина это или женщина, мальчик или девочка» [18, с. 17].

Тем не менее тема гендерного транзита, дрейфа стала одной из злободневных в научном междисциплинарном дискурсе [4; 5; 9; 14 и др.]. Это приводит к тому, что размываются, теряют ясные очертания, «слипаются» образы мужчины и женщины. Множество исследований с привлечением процедур, измеряющих гендерный статус личности [12], демонстрируют преобладание андрогинного типа, довольно большое количество маскулинных женщин и некоторое количество феминных мужчин. Более активная маскулинизация женщин и менее выраженная феминизация мужчин, в частности, подтверждена исследованиями В. В. Знакова [8]. В. П. Позняков, осуществляя исследования в области проблем, связанных с ролью гендерного фактора в деловом взаимодействии российских предпринимателей, также высказывается о сближении гендерных типов за счет маскулинизации поведенческих моделей женщин [15].

Это изменение современных мужчин и женщин, чье поведение и характеристики личности отклоняются от прежних стандартов, предстает в некоторой диспропорции. Маскулинность более равномерно распределяется сегодня между субъектами вне связи с их полом, в то время как феминность продолжает в большей степени концентрироваться в субъектах женского пола. Как полагает И. С. Клецина, образ женщины все более насыщается характеристиками, традиционно приписывавшимися мужчинам, что отражает «проявления полоролевой демократизации, которая в основном происходит за счет расширения полоролевого репертуара женщин» [16, с. 459]. Тема феминизации мужчин также представлена в современном научном дискурсе, что отражает фиксируемый массовым сознанием факт соответствующего гендерного дрейфа мужской части популяции [10; 7].

Все сказанное дает основания для дискуссий о размывании, диффузии типично мужского и типично женского типов личности, о «потере пола». Но при более внимательном взгляде на эмпирические данные гендерных исследований обнаруживается, что итоговый высокий балл за феминность муж-

чины получают за личностные черты, которые в женской части выборки оцениваются значительно ниже. То есть мужская и женская феминность — это два разных личностных портрета. Результаты одного из наших исследований, проведенного на выборке 20-23-летних юношей и девушек, показали, что в феминном портрете молодых женщин первые позиции занимают признаки: красота, женственность, обаяние. В феминном портрете мужчин это терпимость, сострадательность, стремление утешить. У женщин, принимавших участие в исследовании, терпимость занимает 6-ю ранговую позицию, а стремление утешить — только 13-ю позицию.

Аналогично выглядит ситуация и с мужской/женской маскулинностью. В маскулинном портрете мужчин первые позиции занимают признаки: выносливость, мужественность, внешняя сдержанность, сила. В маскулинном портрете женщин на первом месте аналитичность (у мужчин только 6-я позиция), на втором — сильная личность (у мужчин 7-я позиция).

Таким образом, ставшее привычным обозначение процессов гендерного дрейфа в сторону маскулинизации женщин и феминизации мужчин на самом деле не столь однозначно. Маскулинная женщина не является аналогом мужского психологического типа. Женская маскулинность характеризуется своим набором характерологических черт, что позволяет предполагать и свою *женскую* операционализацию соответствующих черт в поведении. Соответственно феминный мужчина не является аналогом женского психологического типа. Это разные личностные типы.

Еще одна злободневная тема, коррелирующая с интересом к теме гендерного дрейфа: женщина вытесняет мужчину с позиций, которые он прежде уверенно занимал в «мужских» профессиях. Здесь также возникают, прорабатываются, исследуются и оформляются предположения о маскулинизации женщин [15], что собственно и обеспечивает им возможность функционирования в тех ролевых ипостасях, которые прежде квалифицировались как исключительно мужские. Например, профессии, связанные с руководящей ролью, традиционно предстают как более маскулинные, т. е. характеризующий их поведенческий репертуар насыщен мужскими поведенческими паттернами. Женщине-руководителю сложнее вписаться в профессиональное сообщество, насыщенное мужскими символами и привычками.

Это предположение было проверено в конкретном эмпирическом исследовании, осуществленном при участии руководителей образовательных учреждений (директоров и заместителей директоров средних школ) [17], из них 22 мужчины и 36 женщин. Среди использованных методик: тест, выявляющий уровень самоактуализации личности (САТ), личностный опросник 16 PF Р.Б. Кеттелла, анкета «Опосредующие развитие факторы (стимулирующие и препятствующие)».

Сравнительный анализ результатов, полученных на мужской и женской частях выборки по САТ, показал следующее. Женщинам-руководителям в меньшей мере свойственна спонтанность в выражении своих чувств, и они в несколько большей степени тяготеют к заранее рассчитанным формам поведения (шкала 6 САТ). У них слабее выражена способность ценить свои достоинства (шкала 7), и они обнаруживают несколько меньшую степень самопринятия, нежели руководители-мужчины (шкала 8).

Анализ результатов по 16-факторному личностному опроснику позволил выявить несколько бóльшую (в сравнении с руководителями-мужчинами) эмоциональную устойчивость женщин (фактор С), бóльшую предприимчивость и социальную смелость (фактор Н), бóльшую проницательность и дипломатичность (фактор N), более критическую настроенность и аналитичность мышления (фактор Q1), меньшую зависимость от группы (фактор Q2).

Представленный перечень характеристик позволяет более высоко оценить женский личностный профиль с точки зрения его соответствия профессиональным задачам, решаемым руководителями. Но при этом женщин характеризует бóльшее напряжение, подозрительность, склонность фиксироваться на неудачах, постоянная психологическая защита (фактор L). Им свойственно более сильное супер-эго, бóльшая жесткость в соблюдении норм, бóльшая требовательность к себе (фактор G). Они оказались даже несколько более доминантными, чем мужчины (фактор E). Мужчин-руководителей характеризует более интегрированная Я-концепция и поэтому меньшая внутренняя конфликтность; бóльшая невозмутимость, успокоенность, удовлетворенность и даже расслабленность (фактор Q4). Таким образом, мужчины в рассмотренной выборке оказались менее соответствующими требованиям профессии руководителя, но при этом более благополучными по своим самоощущениям.

Обобщая представленные результаты эмпирического исследования, можно заключить, что женщины, реализуя профессиональные функции руководителя, оказываются (по списку свойственных им особенностей) характерологически иными, нежели мужчины в той же профессионально-ролевой позиции: более эмоционально зажаты, скованны, с более выраженной потребностью в самоконтроле и контроле над ситуацией, с менее интегрированной Я-концепцией, с меньшим самопринятием и с бóльшей внутренней конфликтностью.

Таким образом, как показывает более углубленный анализ, гендерный статус личности, конечно, остается прочно связанным с половой дихотомией. В частности, реализуя профессиональные функции в рамках одинакового профессионального функционала, женщина и мужчина делают это по-разному. Понятия «пол», «половая дифференциация» более емко и развернуто отражают разноразличные характеристики личности, связанные с ее пониманием как интегральной индивидуальности. Исходя из этого, при анализе переживаемых личностью состояний и ее поведения в различных ситуациях делового

общения (в том числе в ситуации *деловых переговоров*) полагаем целесообразным придерживаться половой дифференциации. При анализе взаимодействия субъектов делового общения внимание к половой дифференциации целесообразно еще и потому, что сохраняющие свою актуальность социальные стереотипы мужчины и женщины обуславливают то, как воспринимается субъектом переговоров его оппонент, какие ожидания ему (ей) адресуются в зависимости от пола личности (стилевые особенности поведения в конфликтной ситуации, эмоциональный профиль и пр.).

В.П. Позняков пишет о сформировавшихся и продолжающих функционировать в обществе стереотипах восприятия типично мужского и типично женского поведения, сложившихся в результате традиционного распределения социальных ролей между мужчиной и женщиной [15]. Например, женское, феминное поведение трактуется как более консервативное, выражающее predisposition к кооперации с другими людьми, к взаимной поддержке; а мужское, маскулинное — как выражающее склонность к соперничеству, к индивидуализму, к радикальным действиям. При этом В.П. Позняков констатирует: «Наиболее существенные социально-психологические различия в типично мужском и типично женском поведении... проявляются прежде всего в стиле межличностного взаимодействия» [15]. Эмпирические исследования ученого показали, что мужчинам больше, чем женщинам, нравится соревноваться с людьми, что они предпочитают жить и работать в условиях конкуренции. Женщинам же свойственно скорее нейтральное отношение к конкуренции, и они чаще, чем мужчины, отмечают, что не любят соревнования.

В нашем исследовании *объектом* являются мужчины и женщины в ситуации переговоров. *Предмет* исследования — особенности переживаемых личностью состояний и ее поведение в переговорах в зависимости от пола.

Роль переговоров в разнообразных жизненных ситуациях обуславливает повышенный интерес к их изучению. В западной науке сложилась сеть подходов к изучению переговоров (Р. Фишер, У. Юри, О. Дж. Бартос, Дж. К. Харсани, П. Р. Янг, М. Р. Берман, Дж. Брокк, У. Зартман, Д. Г. Пруит, Г. Раиффа и др.). В отечественной науке, несмотря на практическую востребованность и значимые достижения в смежных областях психологического знания, работ, обращенных именно к проблеме переговоров, заметно меньше. Среди них работы А. Г. Асмолова, Г. В. Солдатовой, В. А. Кременюк, Р. И. Мокшанцева, М. А. Хрусталева, Г. Г. Танасова, А. С. Евдокименко и др.

Взросшая активность женщины на деловом, общественном, политическом поприще все чаще делает ее партнером в переговорах. Несмотря на деловую ориентированность этой ситуации, и в деловом общении оппоненты остаются мужчинами и женщинами, вовлекая в обсуждаемую тему свойственный им более общий дискурс, отражающий отношение полов. Этот аспект, иногда оставаясь не проявленным, не артикулируемым собеседниками, не может

не обуславливать все, что происходит между общающимися. При этом фактор пола характеризуется двойной нагрузкой. Пол субъекта переговорной ситуации обуславливает его понимание, переживания, поведение и одновременно понимание, переживания, поведение обуславливаются тем, к оппоненту какого пола адресуется субъект.

Однако научных исследований, которые связывали бы результаты частных рассматриваний переживаний и поведения личности в ситуации деловых переговоров с психологией пола явно недостаточно.

Целью исследования было выявление закономерных связей пола личности с комплексом эмоциональных переживаний и состояний, испытываемых субъектом, и поведением как в момент осознания необходимости участия в предстоящих переговорах, так и непосредственно в переговорном процессе.

При этом ставилась задача выявить различия между мужчиной и женщиной в переживаемых психических состояниях и поведении в ситуации переговоров и определить влияние выявленных различий на ход переговоров.

В исследовании приняли участие четыре группы респондентов, по роду своей профессиональной деятельности связанных с необходимостью постоянного участия в деловых переговорах: молодые женщины (в возрасте от 22 до 27 лет), зрелые женщины (в возрасте от 33 до 44 лет), молодые мужчины (в возрасте от 23 до 27 лет), зрелые мужчины (в возрасте от 32 до 45 лет). Общее количество участников исследования — 83 чел.

В инструкции к анкете респонденту предлагалось вспомнить ситуации деловых переговоров, в которых оппонентом респондента была конкретная *женщина*. Подчеркивалось, что это должны быть воспоминания о конкретных ситуациях, довольно часто повторяющихся в деловых отношениях респондента. Эти ситуации предлагалось обозначить буквой «А» и сделать условную пометку (например, вписать инициалы) для того, чтобы помнить, кого респондент имеет в виду. Ситуация «А» — это...

Далее предлагалось вспомнить ситуации делового общения, в которых оппонентом респондента в переговорах был конкретный *мужчина*, и обозначить это, как ситуацию «Б». Ситуация «Б» — это...

Затем следовало отвечать на вопросы, каждый раз имея в виду ситуации «А» (оппонент — женщина) и «Б» (оппонент — мужчина).

Анализ результатов анкетирования

1. Сравнение ответов на вопрос: «*Как часто в среднем за день (в неделю) подобные переговоры имеют место?*» показало, что в целом мужчины статистически значительно чаще женщин участвуют в деловых переговорах (здесь и далее использовался t-критерий Стьюдента) (табл. 1).

Таблица 1

Количество переговоров в среднем за неделю

Показатели	Оппоненты	
	женщины	мужчины
Респонденты:		
женщины	3,6	2,7
мужчины	7,6	7,2
Уровень значимости различий	$p < 0,05$	$p < 0,05$

Как у мужчин, так и у женщин с возрастом (с опытом работы) количество переговорных ситуаций возрастает, но у мужчин этот рост выглядит стремительней (табл. 2, 3).

Таблица 2

Количество переговоров, проводимых в среднем за неделю молодыми и зрелыми мужчинами

Показатели	Оппоненты	
	женщины	мужчины
Респонденты:		
молодые мужчины	4,4	4,8
зрелые мужчины	10,9	9,5
Уровень значимости различий	$p < 0,05$	$p < 0,05$

Таблица 3

Количество переговоров, проводимых в среднем за неделю молодыми и зрелыми женщинами

Показатели	Оппоненты	
	женщины	мужчины
Респонденты:		
молодые женщины	3,3	2,4
зрелые женщины	4,0	3,0
Уровень значимости различий	Нет	Нет

2. Анализ ответов на вопрос: «Когда Вы оказываетесь в ситуации переговоров, эти ситуации возникают, как правило, по Вашей воле или по воле партнера, о котором Вы сейчас вспоминаете?» предполагал подсчет данных по шкале (« — 1» — инициатива партнера; «+1» — инициатива респондента, «0» — равенство инициатив с обеих сторон).

При сравнении результатов по ситуациям «А» и «Б» выяснилось, что женщины статистически значимо чаще приписывают себе инициативу в перего-

ворных ситуациях с оппонентами своего пола и уступают инициативу мужчинам в ситуациях, когда в переговорах оппонентом является мужчина (табл. 4).

Таблица 4

Инициатива женщин и мужчин в переговорах с оппонентом своего и противоположного пола

Показатели	Оппоненты	
	женщины	мужчины
Респонденты:		
женщины	65% случаев	46% случаев
мужчины	73% случаев	67% случаев
Уровень значимости различий	$p < 0,1$	$p < 0,05$

При этом, молодые женщины статистически значимо отличаются от зрелых женщин более низкими показателями инициативности в переговорах (табл. 5).

Таблица 5

Инициатива молодых и зрелых женщин в переговорах с оппонентом своего и противоположного пола

Показатели	Оппоненты	
	женщины	мужчины
Респонденты:		
молодые женщины	62% случаев	34% случаев
зрелые женщины	67% случаев	59% случаев
Уровень значимости различий	Нет	$p < 0,05$

Зрелые и молодые мужчины в целом в одинаковой мере проявляют инициативу в переговорных ситуациях (71 и 69,5%, соответственно), но при этом зрелые мужчины несколько чаще выступают инициаторами переговоров с мужчинами (табл. 6).

Таблица 6

Инициатива молодых и зрелых мужчин в переговорах с оппонентом своего и противоположного пола

Показатели	Оппоненты	
	женщины	мужчины
Респонденты:		
молодые мужчины	78% случаев	61% случаев
зрелые мужчины	68% случаев	74% случаев
Уровень значимости различий	Нет	$p < 0,1$

Исследование показало, что и женщины, и мужчины с возрастом демонстрируют возрастание инициативы в переговорных ситуациях.

Анализ ответов на вопрос: «Имея в виду партнера «А» и партнера «Б», Вы в одинаковой степени готовы утверждать, что в отношениях с этим партнером переговоры — это эффективное, действенное средство для достижения Ваших целей?» (для ответов использовалась шкала от 1 до 7 баллов, где 1 — абсолютно неверно, а 7 — максимальная степень согласия) показал, что:

а) несмотря на незначимость полученных отличий в трех подгруппах опрошенных (молодые и зрелые женщины, молодые мужчины), респонденты более высоко оценивают продуктивность переговоров в тех случаях, когда оппонентом в переговорной ситуации является мужчина, и только зрелые мужчины одинаково высоко оценили эффективность переговоров в обоих случаях;

б) с возрастом респондентов повышается оценка эффективности переговоров: у женщин незначительно, у мужчин существенно (табл. 7).

Таблица 7

Восприятие переговоров как эффективного средства
у молодых и зрелых мужчин в переговорах с оппонентом
своего и противоположного пола, балл

Группы респондентов	Оппонент женщина (различия значимы при $p < 0,01$)	Оппонент мужчина (различия значимы при $p < 0,05$)
Мужчины молодые	4,9	5,3
Мужчины зрелые	6,4	6,3

Анализ ответов на вопрос: «Какое состояние Вы испытываете, когда понимаете, что Вам необходимо проведение переговоров?» был направлен на составление частотных словарей. Затем результаты этой работы по четырем группам респондентов были сопоставлены.

а) если посмотрим на словари, составленные на основании высказываний молодых женщин, увидим следующее:

— высказывания о состояниях, переживаемых молодой женщиной перед переговорами с мужчиной, более разнообразны, т.е. связаны с более обширным спектром чувств;

— более 50% высказываний о состояниях, переживаемых перед переговорами с женщиной, — «радость», в то время как перед переговорами с мужчиной только 30% — положительные эмоции, а среди отрицательных такие, которые даже не упоминаются в первом случае (например, страх, нежелание);

б) в высказываниях зрелых женщин ситуация противоположная: большая часть высказываний совпадают, но те, которые отличают одну ситуацию от другой, свидетельствуют о более негативной настроенности на женщину-оппонента (уверенность в себе, злость) и о более позитивных оттенках состояния в ситуации отношений с мужчиной (смущена, неуверенна, испытывает радость);

в) высказывания молодых мужчин свидетельствуют, что перед переговорами с женщиной он скорее рад, а затем уверен в себе и озабочен, а перед встречей с мужчиной — сначала озабочен, а затем рад и уверен в себе;

г) зрелый мужчина перед встречей с женщиной в большей степени рад и озабочен, чем перед встречей с мужчиной, и только в адрес мужчины направляется агрессия.

Обобщая, следует подчеркнуть, что три группы респондентов (молодые женщины, а также молодые и зрелые мужчины) признались в более позитивной окрашенности своего состояния перед предстоящими переговорами с женщиной и только у зрелых женщин проскальзывает негативная настроенность на предстоящие переговоры с другой женщиной.

При рассмотрении данных в группе молодых женщин складывается впечатление о превалирующих полюсных (контрастных) состояниях перед переговорами: это либо радость (47% высказываний), либо отрицательные эмоции, связанные с желанием отстраниться (53% высказываний, в том числе: напряжение (16%), смущение (15%), страх (11%), нежелание (6%), недовольство (5%).

В группе зрелых женщин преобладают характеристики, свидетельствующие о деловой направленности: озабоченность (55%), уверенность в себе (15%), ответственность (10%), сосредоточенность (9%), это работа (5%), нейтральное состояние (6%).

Сравнение молодых женщин и молодых мужчин показывает, что у последних меньше отрицательных эмоций в связи с предстоящими переговорами и по количеству высказываний преобладают те, которые свидетельствуют о деловой настроенности на переговоры: уверенность/неуверенность (48%) и озабоченность (52%).

Сравнение мужских групп респондентов свидетельствует не только о деловой настроенности на переговоры у зрелых мужчин, но и о преобладающей позитивной эмоциональности (она оказалась еще выше, чем у молодых мужчин) и о возросшей уверенности в себе, настроенности на преодоление.

Сравнение результатов по группам зрелых мужчин и зрелых женщин демонстрирует сходство в проявлениях деловой направленности, но у мужчин преобладает позитивная эмоциональность, связанная с предстоящими переговорами, т. е. и для мужчин и для женщин это работа, но мужчинам она чаще доставляет удовольствие.

Мужчина больше рад и больше озабочен предстоящей встречей с женщиной в переговорной ситуации, нежели она с ним. Женщина в большей степени, чем мужчина, смущена и напряжена в этой ситуации.

Анализ ответов на вопрос: «*Какой партнер для Вас более удобен в переговорной ситуации? Почему?*» показал:

— молодые женщины считают более удобным в переговорных ситуациях мужчину и объясняют это следующим образом: переговоры идут быстрее, благодаря *жесткости и уверенности партнера, он сговорчив, более мобильный, в его поведении мало наигранности и с ним легче найти компромисс*;

— зрелые женщины почти с одинаковой частотой охарактеризовали как удобных партнеров по переговорам мужчин и женщин, не видя между ними разницы, но отметили некоторые различия в причинах того, почему партнер удобен: с женщинами удобнее, потому что они *умеют слушать, доброжелательны, предсказуемы и более понятны*, а мужчины *лучше осознают свою цель, тактичны и компетентны, им легче объяснять, а также потому, что это противоположный пол*;

— молодые мужчины (как и зрелые женщины) с одинаковой частотой охарактеризовали как удобных партнеров по переговорам мужчин и женщин, не видя между ними разницы, но также отметили некоторые различия в причинах того, почему партнер удобен: женщину как партнера *легче убедить, она «мягкая»*; мужчина *более понятлив, есть возможность выразить свои мысли, не применяя вежливых слов, с ним легче добиться взаимопонимания, он более уверен в себе и с ним легче договориться*;

— зрелые мужчины считают более удобными партнерами по переговорам мужчин и объясняют это следующим образом: *конкретен, легче подобрать подходящую манеру разговора, легче договориться, выполняет так, как я сказал, мужская солидарность*. В качестве причин, объясняющих, почему женщина неудобна как партнер в ситуации переговоров, были названы следующие черты: *состояние транса и многословие*.

В результате анализа ответов на вопрос: «Каков характер отношения к Вам партнера в переговорной ситуации?» получены следующие результаты:

— по мнению молодых женщин, в ситуации переговоров с оппонентом-женщиной чаще, чем в переговорах с оппонентом-мужчиной, возникает отрицательный оттенок (настороженность, демонстрация превосходства и пр.) отношение со стороны мужчин описывается как более разнообразное (длиннее словарь понятий) и в нем преобладают позитивные характеристики;

— мнение зрелых женщин совпадает с той картиной, которая складывается при анализе ответов молодых женщин на этот вопрос: в ситуации переговоров с оппонентом-женщиной чаще, чем в переговорах с оппонентом-мужчиной, возникает отрицательный оттенок (настороженность, соперничество, непредсказуемость, «собака лает — ветер носит» и пр.) отношение со стороны мужчин описывается как более разнообразное (длиннее словарь понятий) и в нем преобладают позитивные характеристики;

— молодые мужчины, характеризуя оппонента-мужчину, как и респонденты-женщины из двух предыдущих групп, используют более

длинный словарь понятий, т. е. этот аспект образа оппонента-мужчины предстает как более дифференцированный, но по эмоциональному знаку («положительное», «отрицательное») рефлекслируемое молодыми мужчинами отношение к ним женщин-оппонентов и мужчин-оппонентов не различается; в том и в другом случае резко преобладают положительные высказывания;

— в случае со зрелыми мужчинами при характеристике оппонентов-мужчин (как и у респондентов трех остальных групп) используется более длинный словарь понятий, т. е. у всех респондентов этот аспект образа оппонента-мужчины предстает как более дифференцированный; словарь зрелых мужчин почти не включает отрицательных суждений, что свидетельствует о преобладающей позитивной настроенности на оппонента в переговорной ситуации, вне зависимости от его пола.

Ответы на вопрос: «Как можно охарактеризовать одним словом Вашего партнера, чаще всего это: союзник, партнер, друг, оппонент, чужой, соперник и т. д.?» показали следующее:

— у молодых женщин преобладает указание на роль с позитивным знаком в случае, когда с ними в переговорах участвуют мужчины (*партнер, союзник, помощник, друг, наставник*); женщины чаще, чем мужчины, наделяются отрицательным обозначением их роли в переговорном процессе (*оппонент, соперник, сплетница*);

— результаты зрелых женщин совпадают с результатами молодых женщин, т. е. преобладает указание на роль с позитивным знаком в случае, когда с ними в переговорах участвуют мужчины (*партнер, союзник, коллега*), хотя при этом в списке ролей уже отсутствуют те, которые свидетельствуют о возможной ролевой зависимости молодых женщин и их большей личностной близости (*помощник, друг, наставник*); зрелые женщины также наделяют женщин чаще, чем мужчин, отрицательным обозначением их роли в переговорном процессе (*оппонент, соперник, чужой*);

— у молодых мужчин оценка роли мужчины и женщины, участвующих с ними в переговорных ситуациях, выглядит контрастно: преобладает указание на роль с позитивным знаком в случае, когда с ними в переговорах участвуют женщины (*партнер, союзник, друг*), а мужчины чаще, чем женщины, наделяются отрицательным обозначением их роли в переговорном процессе (*оппонент, соперник*);

— у зрелых мужчин отсутствует разница в оценке ролей мужчины и женщины как участников переговорного процесса.

Из анализа ответов на вопрос: «Как Вы выглядите в его глазах, так же или нет?» (см. предыдущий вопрос) следует, что общая картина повторяется, как и в случае с предыдущим вопросом: ответы симметричны.

В результате анализа ответов на вопрос: «Как меняются Ваши переживания в случае неудачно складывающихся переговоров?» выявилось следующее:

— во всех четырех группах респондентов мало различим характер реагирования в зависимости от того, с кем проходят переговоры (с мужчиной или с женщиной);

— различие между группами зафиксировано по *степени конструктивности* переживаемого человеком состояния в случае неудачно складывающихся переговоров:

а) среди молодых женщин только одна респондентка дала ответ «мобилизуюсь», все остальные либо ответили, что их состояние не изменяется, либо назвали какую-либо из эмоций, которые скорее разрушительны для последующих действий (*нервничаю, расстроена, подавлена* и пр.)

б) в ответах зрелых женщин также преобладают обозначения эмоций, которые скорее разрушительны для последующих действий (*нервничаю, расстроена, злюсь* и пр.), но есть разница, связанная с полом оппонента, — только в ситуациях переговоров с мужчинами зрелые женщины назвали в нескольких случаях конструктивные действия, к которым прибегают при неудачно складывающихся переговорах (*обдумываю дальнейший план действий, пробуя снова* и др.)

в) молодые и зрелые мужчины продемонстрировали сходство в том, что им в определенной мере свойственны конструктивные реакции (*пытаюсь добиться своего, занимаюсь самокритикой и концентрируюсь, захожу с другой стороны* и пр.), при этом они возникают с одинаковой частотой в ситуациях переговоров как с оппонентами-мужчинами, так и с оппонентами-женщинами.

Основные выводы

У мужчин и у женщин с возрастом (с опытом работы) количество переговорных ситуаций возрастает, но у мужчин этот рост более стремительный.

Женщины чаще приписывают себе инициативу в переговорных ситуациях с оппонентами своего пола, чем с мужчинами. Но и женщины, и мужчины с возрастом демонстрируют рост инициативы в переговорных ситуациях.

Три группы респондентов отметили более позитивную окрашенность своего эмоционального состояния перед переговорами с женщиной, и только оценки зрелых женщин имеют негативный оттенок.

У мужчин преобладает позитивная эмоциональность, связанная с предстоящими переговорами, т. е. мужчинам участие в переговорах в целом доставляет удовольствие.

Мужчина и больше рад, и больше озабочен предстоящей встречей с женщиной в переговорной ситуации, нежели она с ним. Женщина в большей степени, чем мужчина, смущена и напряжена в этой ситуации.

Для женщин участие в переговорах (особенно если партнер мужчина) является более психологически энергозатратным процессом, чем для мужчин.

Для женщин в случае неудачных переговоров характерно преобладание негативных эмоций, которые скорее разрушительны и усугубляют ситуацию. А мужчинам в большей мере свойственны конструктивные реакции.

Мужчины в отличие от женщин с меньшим напряжением и большим удовольствием ощущают себя в переговорных ситуациях. Переговорная ситуация воспринимается мужчинами более естественно и органично, чем женщинами.

Мужчины скорее, чем женщины, воспринимают переговоры более действенным методом решения задач и с годами все больше склоняются к этой позиции.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
2. *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Академия; Смысл, 2007.
3. *Басов М. Я.* Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975.
4. *Батлер Дж.* Гендерное беспокойство // Антология гендерных исследований. Минск: Прописи, 2000.
5. *Бем С.* Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004.
6. *Жуков Д. А.* Биология поведения. Гуморальные механизмы. М.: Речь, 2007.
7. *Зингер Т. Э.* Влияние феминизированных черт личности мужчин на их профессиональную деятельность в системе госслужбы: автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 2002.
8. *Знаков В. В.* Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. № 1.
9. *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
10. *Кон И. С.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерный калейдоскоп: курс лекций. М.: Academia. 2001.
11. *Кон И. С.* Сексуальность и культура. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2004.
12. *Лопухова О. Г.* Психологический пол личности: адаптация диагностической методики // Прикладная психология. 2001. № 3.
13. *Луценко Н. Н.* Взаимосвязь гендерного и профессионального образов Я в структуре самосознания личности руководителя: дис.... канд. психол. наук. Краснодар, 2008.
14. *Ожигова Л. Н.* Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
15. *Позняков В. П.* Гендерные особенности социально-психологических характеристик российских предпринимателей. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/publikacii/rossijskie4/n4_poznyako.html.

16. Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003.
17. *Рябикина З.И., Ожигова Л.Н.* Женщина-руководитель: проблема самоактуализации в контексте полоролевых характеристик личности // Психологические проблемы самореализации личности. Краснодар: КубГУ, 1998.
18. *Филатова А.Ф.* Половые различия в становлении характера подростка: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009.

ФЕНОМЕН СИТУАЦИИ В ПРОСТРАНСТВАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

А. Н. Кимберг, Е. В. Улько¹

Ситуация как феномен человеческого мира разворачивается в его пространствах — особым образом организованных реальностях или полях — и имеет смысл применительно к ним. Обосновывается необходимость для исследователя, обращающегося к термину «ситуация», обозначать пространство бытия человека, в поле которого находятся проблема и задачи, решаемые им в ходе исследования. Обсуждается методология различения пространств и показывается ее возможности в исследовании ситуации.

Ключевые слова: психология субъекта, субъективность, психология ситуаций.

Situation as a phenomenon of the human world exists in a certain space — a specific organized fields of reality. Researcher, who use the term «situation», should clearly indicate this space of human existence. Methodology of distinguishing between the spaces is discussed. Potential of this approach in the study of the situation is shown.

Key words: psychology of subject, subjectivity, psychology of situation.

У погонщика верблюда свои планы, а у верблюда свои...

Арабская пословица

Идея о единстве субъекта и его мира как важнейшем методологическом принципе получила широкое распространение в психологии. Субъект настолько тесно связан с миром, что само мышление о нем происходит как мышление о системе «человек — мир».

Исследователю, желающему воспользоваться этой интуитивно мощной объяснительной схемой, придется уделить серьезное внимание теоретическим

¹ Кимберг Александр Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: akimberg@gmail.com

Улько Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: elulko@gmail.com

средствам описания мира человека и человека в мире. В психологии используется несколько конструктов, связывающих в тех или иных аспектах человека и его текущее окружение. В качестве таковых в первую очередь следует назвать ситуацию.

Потребность в описании человека, взаимодействующего с миром, была осознана давно. Еще Курт Левин писал, что в психологии нет понятия, объединяющего человека и обстоятельства его активности. Для решения этой задачи К. Левин ввел термин «психологическое жизненное пространство», обозначающий совокупность всех внешних и внутренних факторов, которые детерминируют поведение человека в конкретный момент [7]. Понимание термина между тем развивалось, приобретало новые смыслы и наконец пришло к относительно согласованному определению ситуационного подхода. Его сущность «состоит в признании того, что человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но и определяет ее, одновременно определяя себя в этой ситуации, фактически создавая, конструируя тот социальный мир, в котором живет, и тем самым выступает как подлинный субъект «жизнетворчества», творец своей жизни» [5, с. 288].

Обзорные работы, посвященные теоретическому конструкту ситуации, читатель может найти на русском языке в работах А.Ф. Бурлачука, Е.Ю. Коржовой [1], А.Ф. Бурлачука, Н.Б. Михайловой [2, Н.В. Гришиной [3; 4; 5], Е.В. Рягузовой [10], Е.В. Улько [12; 13]. Книга Ли Росса и Ричарда Нисбетта, вышедшая на русском языке в 1999 г., обогатила читателя множеством фактов о связях (вернее, об отсутствии связей) ситуационных, поведенческих и личностных характеристик [9]. Создано много классификаций ситуации — интересных, но, как замечает Н.В. Гришина, не слишком продвигающих нас к пониманию феномена [3].

Не излагая разнообразные трактовки того, как следует понимать ситуацию (отошлем читателя к упомянутым обзорам и к нашей предыдущей публикации [6]), обратимся к нерешенным проблемам в функционировании этого конструкта. Представляется, что противоречивость и несогласованность теоретических определений феномена ситуации обусловлена его онтологически разноуровневой природой.

Основная путаница возникает при попытках как-то свести в одно целое объективный и субъективный характер ситуации. А.Ф. Бурлачук и Н.Б. Михайлова полагают, что ситуация имеет объективное содержание: под ситуацией они понимают «совокупность элементов среды... фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности субъекта» [2]. При этом авторы указывают, что субъект, который включен в ситуацию в качестве участника либо наблюдателя, активно организует систему этих объективных элементов.

Многие авторы акцентируют субъективные составляющие ситуации, считая ситуацию преимущественно субъективным феноменом. Участник ситуации сам вычерпывает значимые для нее элементы из потока бытия: человек «конструирует из фрагментов объективного мира своё уникальное жизненное пространство» (читай — ситуацию) [5, с. 281]. Представления субъекта о ситуации (субъективная интерпретация) организуют его поведение в ней: «Ситуация должна описываться исходя из субъективных представлений ее участников» [5, с. 285].

Попытки решить проблему, декларируя объективно-субъективный характер ситуации, малорезультативны: при более детальном развитии модели авторы так или иначе позиционируют одну из составляющих как ведущую.

Следующий источник трудностей — это так называемое определение ситуации. Речь идет о процессе понимания субъектом происходящего и создания им приемлемой ментальной схемы развивающегося взаимодействия с другими субъектами в данных обстоятельствах. Для того чтобы действовать, человек должен создать представление о ситуации, определить ее. Здесь можно было бы использовать и термин «интерпретация», и тогда мы говорили бы о том, что участнику ситуации необходима собственная ее интерпретация² [12; 13]. Но если в ситуации участвует несколько субъектов, то как соотносятся их различающиеся интерпретации?

Не менее интересен и вопрос о границах ситуации. Когда она начинается и когда заканчивается и каков круг ее участников? Интуитивная ясность и здравый смысл хороши здесь только в простейших случаях. Опыт изучения конфликтов показывает, что практически в любой из них легко вовлекаются новые участники, что может быть только в том случае, если они вдруг начинают воспринимать себя участниками данной ситуации. Кто и каким образом может расширить для них границы ситуации конфликта?

Мы полагаем, что дать приемлемые ответы на эти и другие вопросы относительно взаимодействия людей можно, только отчетливо выстроив методологию рассуждений, которая будет адекватна проблемной области. В основании такой методологии лежат определенные утверждения о мире, в котором расположены интересующие нас феномены. Сформулируем несколько важных для нас тезисов.

Тезис первый. Мир вокруг нас не есть целостное монопространство, феномены которого описываются законами, едиными для каждой его локальной точки. Кроме физического мира нам дан и мир субъективных переживаний, открытый каждому из нас. Этот мир имеет свой особый статус, несводимый к второстепенной и несамостоятельной роли отражения «настоящего» мира.

² На наш взгляд, представление о том, что субъект интерпретирует ситуацию (т.е. создает субъективное представление о ней), по умолчанию полагает существование некоей настоящей, или объективной, ситуации.

Карл Поппер выделил кроме физического и субъективного (психологического) миров также мир культурных схем, образцов и форм, в котором главное место занимают объективированные в языке знания. «Третий мир» К. Поппера существует помимо физического мира, а также любого конкретного индивида и его субъективности [8]. Качественно разные формы движения материи, как прокомментировал бы это марксист 1960-х гг., **не могут быть редуцированы** одна к другой и требуют собственной методологии исследования.

Более развернутый вариант структуры методологического поля системы «человек — мир» предложен Кеном Уилбером. Развивая в некотором смысле идеи Поппера, он на основе анализа объемного теоретического и фактологического материала пришел к выводу о том, что единый и непрерывный поток жизни пронизывает несколько областей или (более впечатляюще) «царств» или «миров» реальности, в той или иной мере отображаясь (реализуясь) на каждом из них [11].

Речь идет о внутреннем мире личности, тех её переживаниях, чувствах и стремлениях, в реальности которых никто из нас (применительно к себе) не сомневается. Он доступен нам из Я-позиции, из которой только мы и узнаем что-то о своей субъективности.

Это индивидуальное поведение человека, прежде всего в его социальной среде, — экспрессия и опредмечивание себя в пространстве жизни, а также вся психофизиология, которую можно при этом измерить.

Это социальность, которую К. Уилбер обозначает довольно общими фразами, относя к ней и материальную инфраструктуру общества, и социальные институты. Отечественной традиции деятельностного подхода эта область давно знакома и раскрывается в ней гораздо глубже через категорию социальной деятельности, задающей человеку основные характеристики его активности. Последняя развивается по законам социальных систем и институционализируется в виде различных социальных структур.

Это, наконец, культура, выделяющая, накапливающая и транслирующая эффективные схемы взаимодействия и понимания мира. Стандарты, схемы, понятия, ценности, сценарии, знания — важнейшие составляющие содержания поля культуры.

Об этих областях, или «мирах», можно утверждать следующее: они относительно автономны; ни один из них не может быть сведен к другому или исчерпывающе объяснен через него; они взаимодействуют, но опосредованно: механизмы, функционирующие в них, не соприкасаются непосредственно, но результаты деятельности механизмов одного мира могут становиться условиями, факторами или средствами деятельности субъекта

в другом мире. Любой феномен человеческого бытия происходит в каждом из них и может быть исследован в адекватной данному миру методологии³.

Каков статус этих областей действительности? Они части онтологии, обладающие своей эпистемологией. То, что они созданы человечеством и имеют смысл только для человека, не выводит их из области онтологии (частью которой является человечество) и не делает их менее автономными: «...третий мир, который по своему происхождению является нашим продуктом, *автономен* в том, что можно назвать его онтологическим статусом» [8, с. 161].

Тезис второй. Для методологически корректной работы необходимо выделять (и заявлять) позицию наблюдателя (или, если угодно, теоретизирующего субъекта). Каждому миру соответствует своя позиция наблюдателя (и, следовательно, свои проблемы, методы, решаемые задачи и т. п.).

Для мира субъективности позиция наблюдателя стремится совпасть с позицией исследуемого субъекта. Подтверждением заявления респондента о некоем субъективном опыте становится обнаружение сходного опыта в тезаурусе самого исследователя или ссылок на такой же опыт других личных источников. Так мы можем создавать понимание, допустим, любви, во многом основанное на сопереживании (сходстве опыта).

Для мира индивидуального поведения наблюдатель позиционирует себя отдельно и незаинтересованно в отношении индивида. Это хорошо известная объективистская (или «научная») позиция. Исходя из нее мы изучаем, например, репродуктивное поведение.

В мире социальной деятельности наблюдатель занимает позицию над пространством жизни индивида, наблюдая его встречи с системными необходимостями, воплощенными в виде социальных институтов и социальных субъектов, технологии и норм взаимодействия. Это тоже объективистская позиция, хотя место индивидуальной деятельности здесь занимают социальные системы деятельности (процессы). Из этой позиции мы изучаем, например, формы брака.

В мире культуры наблюдатель стоит перед множеством моделей и способов осознания смыслов человеческого бытия, создаваемых и воспроизводящихся в сознании общества и доступных ему в конкретно-исторических формах их фиксации и хранения. Он позиционирует себя отстраненно от респондента, но вместе с тем внимателен к его субъективности, идентифицируя в ней созданные культурой модели и наблюдая моменты их выбора, усвоения, а иногда

³ Следует сказать, что названные пространства человеческого бытия не совпадают с традиционно понимаемыми предметами социальных, поведенческих и психологических наук, хотя каждая из них позиционирует себя преимущественно в одном или нескольких «мирах». Так, психология работает с данными типа L (поведение, оцениваемое экспертами), Q (субъективные отчеты) и T (экспериментально фиксированное поведение), но эти данные могут быть получены в каждом из обсуждаемых пространств.

и создания. Это позиция этнометодолога, согласно которой для понимания туземца наблюдателю надо погрузиться в практику его культуры (способа жизни), т. е. самому стать туземцем (не забыв при этом родной язык для записи наблюдения).

Испытывают ли эти миры взаимные влияния? Несомненно. Но при этом они являются достаточно автономными и требуют собственной логики и позиции исследователя, описывающего их. Может ли исследователь, работая с жизненным событием, обращаться ко всем этим мирам? Вполне. Но он должен выполнять обязательное методологическое требование — отчетливо осознавать и заявлять свою текущую позицию и ясно маркировать переходы от одного способа анализа к другому.

Тезис третий. Одно и то же (онтологически) событие проецируется (отображается) в разных мирах, имея в каждом из них статус полноценной реальности.

При характеристике взаимных отношении этих областей реальности центральным является понимание того, как онтологически одно и то же событие происходит в каждой из них. Часто для описания этого используются термины «проекция» и «отображение», поскольку доступнее всего эти отношения раскрывались и объяснялись на таких моделях, как трехмерный объект, отображаемый геометрически на двумерные плоскости. Цилиндр, например, предстает на одной из них как прямоугольник, на другой — как круг. Но означает ли проекция то, что она обладает меньшей реальностью или представляет собой какое-то вторичное или неполноценное явление? Вовсе нет. Прямоугольник и круг в своих плоскостях (реальностях) — столь же реальные сущности, как и все остальные действующие там «лица». Проекция или отображение существуют объективно в соответствующем им мире. Так, стоимость существует объективно⁴ в мире, где есть обмен товарами, и не существует в мире натурального хозяйства.

Человеческие миры устроены так, что в них мы имеем дело преимущественно с аспектами бытия, пристрастно выделенными применительно к задачам и ценностям данного мира. Но равноправны ли эти проекции или отображения бытия на различные миры? Предполагаемый ответ — нет, но не потому, что одна из проекций «более настоящая» чем другие. Для индивидуального субъекта его актуальный интерес сосредоточен на устройстве одного из пространств, остальные же проявляются для него лишь как условия, способствующие или препятствующие неким центральным для наблюдателя процессам. Для коллективного субъекта (человечества, цивилизации или социальной группы) происходит то же самое: пространство социального действия организовано вокруг некоторого интереса и организуется им. Интерес этот

⁴ В нашем понимании — независимо от воспринимающего (или невоспринимающего) её индивидуального субъекта.

П. Бурдье обозначил необычным термином *illusio*, определив его как «факт пребывания в захваченности игрой... и вера в то, что игра стоит усилий» [цит. по: 15, р. 257]. Трактовка системоорганизующего фактора у П. Бурдье скорее субъектна, чем субъективна. Она принадлежит коллективному субъекту, интересы которого выделяют ведущее пространство социальной группы в данный период ее истории. Так, пространство экономических отношений является сегодня для нашего общества ведущим по отношению к другим человеческим мирам, а создаваемый в нем финансовый капитал конвертируется во все остальные виды капиталов. Но и то, и другое преходяще: и интересы, и ценности человечества могут меняться⁵, да и субдоминантные пространства человеческого мира никуда не исчезают, пока находится какое-то количество людей, готовых их разделять.

Итак, мы утверждаем, что целесообразно рассматривать целостный жизненный феномен — ситуацию — применительно к четырем пространствам человеческого бытия, используя соответствующие им методологии⁶. Можно заметить, что в каждом из них складываются некоторые «удобные» темы исследований.

В пространстве субъективности мы работаем с представлениями участников о ситуации и констатируем большие или меньшие расхождения этих представлений. Мы устанавливаем также то, как жизненные ценности и жизненные проекты субъекта порождают для него индивидуальный смысл ситуации. Здесь также мы имеем дело с представлениями субъекта о других участниках ситуации и их субъективных мирах, а также с его рефлексией по поводу того, что о нем думают другие.

В пространстве поведения мы выявляем индивидуальные стратегии решения проблем, выбранные участниками, методы, которые они применяют для трансляции своих определений ситуации остальным участникам, практикуемые ими способы взаимодействия (кооперация — конкуренция по Дойчу; борьба — избегание — компромисс — сотрудничество по Томасу; схемы ролевого поведения из Берна или из Белбина или еще что-нибудь столь же практичное). Здесь мы также найдем поведенческие паттерны психологических защит, поведенческие способы поддержания или укрепления Я и прочие инструменты адаптивного или преобразовательного индивидуального поведения.

В пространстве социальной деятельности мы находим кодифицированные определения целого спектра ситуаций в интересующей нас области, нормы

⁵ В мире уже существуют значительные группы людей, отвергающие базовую ценность дискурса «золотого миллиарда» — рост экономики на основе стимулирования роста потребления.

⁶ Вполне возможно, что таких пространств можно выделить гораздо больше, что, кстати, и делает П. Бурдье, вводя понятие «поля». Но для демонстрации различий в методологии работы с ними предложенное деление представляется пока достаточным.

и процедуры их разрешения, феномены ответственности, власти, прав и обязанностей, конфликтов и процедур их разрешения, а также особый вид субъектов — социальные институты, обеспечивающие и регулирующие взаимодействие людей как субъектов различного рода отношений. Здесь появляются правовые нормы как особые факторы или условия ситуации. Собственно говоря, здесь прописаны нормативные и транслируются неписанные пути для достижения многих возможных целей человека, а также представлены институты, организации и сообщества, которые их реализуют. Желание узнать нечто про психологию бессознательного или съесть сосиску для современного городского жителя реализуется в цепочке взаимодействий с рядом социальных институтов, происходящих по специализированным инвариантным схемам (процедурам). В развитом обществе путь субъекта из состояния А в состояние Б опосредован многочисленными социальными нормами, институтами, технологиями и процедурами, которые могут быть: а) выявлены; б) описаны; в) переданы субъекту в формате инструкции или наставлении; г) оптимизированы и т. д.

В пространстве культуры мы находим множество типовых схем ситуаций, по которым разворачиваются наиболее вероятные их исходы, наработанные в коммуникативном опыте данного сообщества способы экспрессии, этические ценности и модели самосознания, а также научные теории. Мы можем согласовать определение ситуации, идентифицировать собственную позицию и роли в ней, обратившись к той или иной культурной схеме, будь это карта города, библейская история, сюжет мультфильма, устная традиция, актуализированный ключевым сигналом ритуал или что-нибудь другое.

Каждый подход адекватно решает задачи исследования для своего пространства, но ни один из них не полон сам по себе. Любой психологический феномен может отображаться и присутствовать в нескольких пространствах человеческого бытия. Так, различия участников в определении ситуации могут быть обусловлены как различиями в видении мира, порожденными уникальным личным опытом (пространство субъективности), расхождениями культурных схем выделения ситуации (пространство культуры как поставщик когнитивных схем для пространства субъективности), так и различными позициями акторов в пространствах поведения и социальной деятельности.

Сущность ситуации (как и сущность человека) не относится к физическому миру — она локализована в другом пространстве бытия человека, причем чаще всего не в одном, а в нескольких. Эти пространства созданы человечеством, но для каждого конкретного человека они выступают как противостоящая ему данность, т. е. объективность. Люди способны называть и описывать ситуации взаимодействия. Это означает, что они поддаются типизации, а называние их (создание понятий) позволяет человеку овладеть ими. Каждый выделенный нами мир (поле, пространство и т. п.) наполнен схемами возможных способов

и конфигураций взаимодействия, часть из которых обозначена понятиями. Данные схемы образуют, с одной стороны, инструмент для определения ситуации взаимодействия, а с другой — они начинают организовывать поведение (и тем самым ситуации) в соответствии с принятым каноном взаимодействия. Таким образом, можно сказать, что в конкретном пространстве бытия человека имеются схемы «должных» или нормативных ситуаций взаимодействия, т. е. ситуации даны в нем идеально (как идеи у Платона). Вместе с тем каждый участник взаимодействия формирует собственное представление о нем, т. е. решает задачу распознавания ситуации. Распознавание ситуации варьирует поразвернутости процесса и его рефлексивности от моментального «понимания происходящего» (нерефлексивной интерпретации) до продолжительного осмысления ситуации и проверки гипотез о ней. Гипотезы о происходящем черпаются в тезаурусе схем ситуаций, циркулирующих в данной области мира.

Фонд культурных схем ситуаций дан всем участникам как общая реальность и применительно к специфическому пространству (миру или социальному полю) должен рассматриваться как объективная реальность (так же, как язык является объективной реальностью для говорящего на нем человека). Универсальный наблюдатель (теоретическая абстракция субъекта, обладающего полным знанием, доступным культуре на данный момент) распознает (классифицирует) ситуацию как определенную объективную конфигурацию отношений и взаимодействий даже в том случае, когда ни один из участников не воспринимает ее таким образом. В этом смысле ситуация объективна. Так, ситуация эксплуатации одного человека другим существует и доступна внешнему наблюдению и тогда, когда каждый из её участников думает, что это что-то другое. То, что курильщик наносит вред своему здоровью и реализует влечение к саморазрушению, вполне понятно всем окружающим, хотя сам субъект для себя ситуацию таким образом не представляет. Заметим, что здесь мы рассуждаем объективистски, позиционируя себя как наблюдателя/теоретика в мире социальной деятельности.

При этом человек действует в ситуации, исходя из своих представлений о происходящем: «Интерпретация субъектом ситуации социального взаимодействия есть активный избирательный процесс открытия для себя смысла происходящего и приведения представления о происходящем в сознании субъекта к определенному виду на уровне переживаний и на уровне смыслов, выработка и выражение своего отношения, позволяющего строить оптимальную с его точки зрения деятельность (поведение) в данной ситуации» [13, с. 128].

Своими действиями человек превращает поток жизни в событие и задает ему структуру (если, конечно, он попал в место и время, где структура бытия оказалась достаточно рыхлой, чтобы воспринять действия по своему формированию). В этом смысле ситуация оказывается субъективным

феноменом, вытекающим из представлений акторов о мире, в котором они оказались. Но сами эти представления, направленные на достижение возможного, исследуют онтологическую необходимость, чтобы использовать ее в движении к своим целям.

Определение ситуации как проблема для субъекта. Мы исходим из социального характера действий субъекта: для движения к своей цели он должен либо воспользоваться помощью или услугами других людей, либо избежать их противодействия. Цель субъекта в этих обстоятельствах также нуждается в согласовании с другими.

Определение ситуации субъектом — это видение мира, происходящее из его интересов и тех способностей к различению (конструктов), которые ему удалось почерпнуть на жизненном пути. Однако рядом с ним действуют такие же субъекты, предлагающие свои определения ситуации. Здесь нужно говорить: а) о разных правах участников на определение ситуации; б) о тенденции к кодификации ситуации; в) о процедурах согласования видения ситуации; д) о борьбе участников за представление доминирующего видения ситуации: «идея, овладевшая массами» обладает не только объясняющим, но и конструирующим потенциалом. В итоге участники ситуации приходят к согласованному видению ситуации или следованию доминирующему определению, нравится ли им доставшаяся роль или нет. В целом определение ситуации тяготеет к устойчивости: раб, борясь против хозяина, чаще всего сам стремился стать хозяином, не меняя общей схемы отношений. Известно, что отношения доминирования/подчинения лежат в основе современной цивилизации, а материальная культура современности — результат эксплуатации одних людей другими.

Надо также иметь в виду, что представление о ситуации включает и самого субъекта. Ситуация фактически переживается им как «Я в ситуации», варьирует только уровень осознания (внимание к тому или иному аспекту системы). Осознание себя в данных обстоятельствах дает нам феномен переживания идентичности (Я дано отчетливо, ситуация дана по умолчанию). Внимание к процессу и его обстоятельствам дает нам ситуацию (идентичность дана по умолчанию). Например, А. Бандура самоэффективность трактует как такое переживание субъектом ситуации, в котором Я по умолчанию дано как способное справиться с вытекающими из обстоятельств задачами [14].

Далее отметим, что действие субъекта, осуществленное в наблюдаемом участниками контексте, изменяет определенным образом текущую ситуацию. Как правило, оно нагружено символически и подтверждает или изменяет гипотезы других участников о происходящем. **Трансформации, происходящие** в представлениях участников ситуации, часто выступают гораздо более мощным фактором её изменения, чем само «физическое» действие. Вся дипломатия основана на обменах символическими действиями

и манипулировании изменением субъективных вероятностей наступления значимых для участников события.

Возможно ли все же одновременное протекание нескольких ситуаций в одном хронотопе⁷? Поскольку мы уже выделили несколько пространств реальности, то вполне понимаем, что процессы взаимодействия могут протекать в каждом из них. Так, к примеру, в одном и том же для объективистского наблюдателя процессе одновременно могут разворачиваться линии а) содержательных переговоров, б) установления статусных различий, в) разворачивания флирта. Ролевые конфликты, о которых социальная психология говорит примерно с половины XX в., фиксировали внимание на тех случаях, когда эти процессы начинали мешать друг другу. Но часто они протекают параллельно друг другу.

Итак, несколько пространств, несколько процессов, несколько ситуаций, несколько идентичностей и один субъект, который контролирует их в меру того, насколько он может (параллельно или последовательно) удерживать их в поле осознания.

Где границы ситуации или как нам вообще очертить ситуацию, коль скоро она престаёт быть очевидностью здравого смысла, странствующего по физическому миру? В вопросе о границах есть два аспекта: кто участвует в ситуации (как говорят в соответствующих структурах, кто «фигуранты дела»), а также где ситуация начинается и где она заканчивается. Действующие лица обычно видны и не требуют комментариев, но «задний план» ситуации всегда составляют публика и группы влияния.

Идентичность субъекта поддерживается группой, а группа требует поступков. Поэтому при анализе ситуации мы имеем как «первый круг» участников, связанных друг с другом взаимными действиями и «учитывающими» друг друга, так и «второй круг» — референтные для участников группы, предполагаемую реакцию которых они вынуждены учитывать в своих решениях. Помимо оценки действующих лиц и давления на них через механизм подтверждения из постановка под сомнение их публичной идентичности эти группы могут быть рекрутированы в число активных участников взаимодействия. Круг участников ситуации может быть легко расширен, если удастся создать у новых участников смыслы, связанные с ней. Опыт социальных движений даёт примеры тому, как частный случай становится значимой ситуацией для тысяч других людей, поскольку выступает прототипом некоторой общей для них проблемы. Границы ситуации в этом смысле подвижны, и число её

⁷ Словарное определение хронотопа: «Хронотоп (дословно время – пространство) – единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (культурного, художественного) смысла». (http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_culture). Мы предлагаем более ясную формулировку: хронотоп – единство времени и пространства, на котором реализуется определенный культурный смысл.

участников может широко варьировать в зависимости от распространения среди них различных версий смыслов.

Ситуация характеризуется целостностью, поэтому она имеет границы. При этом то, что они подвижны, сути дела не меняет. Принимая решение о необходимых действиях, мы каждый раз фактически говорим: «Это относится к данной ситуации, а это не относится». Начало ситуации трудно определить (кроме формализованных процедур, где есть отчетливый акт входа в процесс). Как правило, каждый участник взаимодействия готов поклясться, что его действия — это реакция, вызванная предшествующим действием другого. Что же считать завершением ситуации, особенно если до этого мы говорили о многих участниках и различии их представлений о происходящем? Очевидно, что ситуация выделяется (по крайней мере, одним из ее участников) как задача, итогом решения которой будет некий результат, пригодный для участия в социальных обменах, либо отказ от его получения. Если эта задача решена (искомый результат получен либо признан безнадежным), то она для субъекта исчерпана, а ситуация закрыта.

Предлагаемое нами решение таково: завершением ситуации можно считать получение одним или несколькими участниками результатов, пригодных для использования в других процессах социального взаимодействия или непосредственно удовлетворяющих некие их потребности, и смирение остальных участников с их потерями или затратами. Если последнее не происходит, то мы имеем длящуюся (иногда десятилетиями) ситуацию с отдельными эпизодами активности.

Резюмируя, сформулируем еще раз те положения, которые нам представляется важным обозначить в качестве продуктивного способа мышления о ситуации.

Ситуацию можно понимать как целостный фрагмент человеческого бытия, организованный вокруг некоторого процесса социального взаимодействия и завершающийся достижением определенных результатов, имеющих смысл для включенных в неё субъектов и определяющих их поведение в ней.

Ситуация складывается из взаимодействия культурных схем деятельности, фактических обстоятельств участников, их представлений о происходящем и активности по реализации своих целей в рамках схемы взаимодействия. Названные факторы многообразно опосредуют друг друга (в английском языке есть термин *interplay*, который можно перевести как взаимодействие, но с осязательным смысловым компонентом не поддающейся полному расчету игры взаимного обусловливания участвующих факторов).

Ситуация как феномен человеческого мира разворачивается в его пространствах — особым образом организованных реальностях или полях — и имеет смысл применительно к ним.

Целесообразно различать как минимум четыре пространства человеческого мира: субъективное, поведенческое/физическое, социальное, культурное. Ситуация отображается особым образом в каждом из них.

Поскольку развитие ситуации управляется присущими конкретному пространству схемами, ключевыми сигналами, способами деятельности, целями, то понимание ситуации и управление ею наиболее адекватно при отчетливом различении пространства, в котором она преимущественно происходит.

В одном и том же хронотопе могут разворачиваться несколько ситуаций, относящихся к разным пространствам/«полям». Субъект, обладающий средствами различения ситуации, способен контролировать (осознанно участвовать) в их развитии.

Жизненное пространство или жизненный мир личности — это, в нашем понимании, чаще всего проекция текущих и длящихся ситуаций социального бытия индивида в пространство его субъективности.

Очевидно, что психологические механизмы продуктивно исследовать в сопоставлении с задачами, которые решаются субъектом. Возможно, что и начинать такое исследование имеет смысл с анализа тех задач, которые актуально ставит перед человеком жизнь. Внимание к жизненным задачам человека открывает психологии мир... или психологию — миру.

Библиографический список

1. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
2. Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 1.
3. Гришина Н. В. Онтопсихология и психология человеческого бытия // Психология субъекта и психология человеческого бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
4. Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций // Психология социальных ситуаций. СПб.: Питер, 2001.
5. Гришина Н. В. Человек как субъект жизни: ситуационный подход. СПб.: Питер, 2009.
6. Кимберг А. Н., Улько Е. В. Мир, соразмерный человеку: конструкт ситуации // Психология субъекта и психология человеческого бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
7. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галлилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 2.
8. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

9. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
10. Рягузова Е.В. Ситуация: горизонты психологической интерпретации// Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, вып. 1/2.
11. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ; Астрель, 2006.
12. Улько Е.В. Интерпретация личностью социальных ситуаций: субъектный подход // Человек. Сообщество. Управление. 2006. Спецвыпуск №2.
13. Улько Е.В. Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005.
14. *Bandura A.* Social cognitive theory: an agentic perspective // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52.
15. *Schirato T., Webb J.* Bourdieu's Notion of Reflexive Knowledge // *Social Semiotics*. 2002. Vol. 12, No. 3.

СОПРЯЖЁННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА СУБЪЕКТА: КОНТЕКСТЫ И ИЗМЕРЕНИЯ

.....

В. А. Толочек¹

Критически рассматривается проблема профессиональной карьеры (ПК) субъекта, исторически сложившиеся подходы к ее пониманию, их ограничения. Выделяются новые сущностные свойства исторически эволюционирующего феномена карьеры как сопряженной профессиональной карьеры (СПК) и новые научные аспекты ее изучения. В подходе СПК выделяются: а) ресурсы — множество потенциальных качеств (свойств) субъекта и взаимодействующих с ним субъектов, состояний и условий среды; б) контексты — множество взаимосвязанных условий, ситуаций, создающих потенциальные ресурсы социальной успешности субъекта; в) измерения — координаты и оценки наиболее важных, актуально используемых ресурсов.

Ключевые слова: профессиональная карьера, сопряженная профессиональная карьера, профессиональное становление, эволюция, субъект, социальная среда (микро-, мезо- и макросреда), ресурсы, контексты, измерения.

Professional career (PC) is a subject for critical analysis with use of historical approach to its understanding. We outline new essential characteristics of career phenomena over its historical evolution such as associated professional career (APC), along with new scientific aspects of study. APC approach is subdivided to: a) resources — a number of potential characteristics (qualities) of a subject of the study and those belonging to surrounding subjects, as well as conditions and environment; b) context — a set of conditions and situations, influencing on each other and creating potential resources for subject's social success; c) dimensions — coordinates and tools for evaluation of the most important resources that are being actually used.

Key words: professional career associated professional career, professional formation, evolution, subject, social environment (micro-, meso-, macroenvironment), resources, context, dimensions.

Возрастающая на протяжении XX столетия динамичность внешних условий жизни современного человека по-новому ставит тему внутренних условий,

¹ Толочек Владимир Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина Института психологии РАН. Эл. почта: tolochekva@mail.ru

Исследование поддержано грантом РГНФ № 11-06-00081а.

преломляющих первые и формирующихся в процессах их взаимодействия. Дезинтеграция десятилетиями складывавшихся социальных сетей во второй половине XX столетия, ранее эффективных форм организации коллективной деятельности, разрушение прежних ценностей (семьи, национальных традиций, обязательств, ответственности), переход от эры заранее заданных референтных групп в эпоху «универсального сравнения» рефлексировалась философами и социологами как текучесть, кризис, слом и т.п. (З. Бауман, Г.Г. Дилигенский, Н.Н. Моисеев, А.И. Нексеса, А.И. Субетто и др.). Но много раньше и не только в отношении к «острой современности» С.Л. Рубинштейн постулировал: «...изучение внутренних психологических закономерностей, обуславливающих психический эффект внешних воздействий, составляет фундаментальную задачу психологического исследования» [17, с. 209]. В современных условиях профессиональную карьеру человека можно рассматривать в качестве призмы, в которой эффекты внешних воздействий опосредуются и преломляются индивидуальностью человека.

В зарубежной психологии и социологии к настоящему времени сложились и откристаллизовались основные подходы к пониманию *профессиональной карьеры* (ПК): как развивающейся перспективы [44; 51; 52; 53; 55], выбора карьеры [34; 39], психодинамической теории выбора карьеры [47; 48], теории приспособления к работе [35], карьерных якорей [50], поливариативной карьеры [37], контракта [36 и др.], подкрепления [42], идентификации с карьерой [43] и др. Признавая несомненную значимость изученного и сделанного, нужно признавать и то, что в науке всегда сохраняются и будут сохраняться актуальные темы и вопросы. С одной стороны, быстрая эволюция социальных объектов постоянно создает новые проблемные ситуации, с другой — каждая научная и практическая задача решается в рамках определенных, исторически сложившихся научных парадигм, всегда оставляющих белые пятна, не входящие в круг понятий доминирующей парадигмы и принятых концепций.

Одним из таких белых пятен является эволюция субъектов профессиональной деятельности. Рассмотрим данную проблему более обстоятельно.

В работах ведущих отечественных ученых (К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, В.А. Бодрова, А.В. Брушлинского, Л.Г. Дикой, В.В. Знакова, А.А. Обознова, Е.А. Сергиенко и др.) признается, что процессы профессионального и личностного развития человека не могут быть бесконфликтными, стабильными, исключительно позитивными. Однако сложная динамика профессиональной эволюции человека только в последние годы начинает предметно рассматриваться на примере конкретных профессий и в отношении отдельно взятых субъектов (С.П. Безносков, В.А. Бодров, В.Е. Орел, С. Maslach, S. Jackson и др.).

Историческое удлинение жизни человека, в том числе профессиональной, в сочетании с ростом уровня образования и профессиональной подготов-

ленности, продолжительности периодов ученичества требует более дифференцированного и детализированного вычленения этапов ПК, по сравнению с «классическими», выделенными В. А. Бодровым, Ш. Бюллер, Е. А. Климовым, Р. Кеганом, Д. Левинсоном, Д. Сьюпером, Д. Холлом, Э. Эриксоном и др. Периодизация ПК сразу же стала одной из центральных тем психологии, однако вне связи с фактами периодического изменения вида и содержания профессиональной деятельности человеком.

Со второй половины XX столетия появляются и быстро приобретают массовый характер новые тенденции в профессиональном становлении людей. Нормой биографии наших современников становятся многократные смены места работы, должности и профессии, периодические миграции, состояния безработного, неполной и нестабильной занятости, периодические состояния переподготовки, повторные браки, уменьшение в семье числа детей [2; 14; 18; 29; 38 и др.], по-новому ставящие вопросы использования человеческих ресурсов в организациях и в обществе в целом. Соответственно, в новых исторических условиях ПК чаще уже рассматривается как поливариативная (протейная), уникальная в каждом случае [37]. Последняя версия ПК полностью разделяется отечественными специалистами — Е. А. Могилевкиным, О. В. Москаленко, И. П. Лотовой и др. [8; 10; 12].

Как важный аспект понимания сущности ПК выделим следующее. На рубеже XX и XXI вв. динамично изменяется пространство профессиональной деятельности субъекта — его метрика, компоненты, структура [26]. Оно с необходимостью все более включает весомую активность *других людей* (коллег, вышестоящего руководителя, потребителя товаров и услуг и т. д.), их *взаимодействия*, что также должно стать отдельной и особой темой систематического изучения

Взаимодействия функционально связанных субъектов в психологии более полувека рассматриваются преимущественно как однозначные — позитивные или негативные (зона ближайшего развития, лидерство, руководство, наставничество, воспитание, обучение, тренировка, консультирование, сработанность, совместимость и т. п.). В последние два десятилетия все чаще признается, что такие сложные процессы не могут быть исключительно позитивными или негативными в отношении каждого из субъектов, на протяжении всего процесса, по отношению ко всем их взаимодействиям [1; 7; 15; 23; 26; 33; 54 и др.]. Однако высокий авторитет выдающихся ученых Л. С. Выготского, К. Левина и др., первыми описавших такие феномены, все еще подавляет критичность анализа эффектов взаимодействия субъектов.

Еще ряд актуальных вопросов (специфика «двойной» профессиональной карьеры спортсменов, офицеров Вооруженных сил и силовых структур; реакции человека на ожидаемые, но не состоявшиеся карьеры в бизнесе, в менеджменте, в науке, в искусстве; «женская карьера»; частичная и нестабильная

занятость, равно как и вынужденная необходимость для многих людей в середине жизни начинать все заново [2; 22; 31; 49; 59 и др.]) стал жестокой реальностью для многих и многих людей, но это еще не воспринимается как остро актуальная научная проблема. Взаимосвязи успешности людей в первой и второй половине карьеры чаще не сопоставляются и еще не признаны значимыми в отношении больших социальных групп.

В отечественной психологии важной темой исследования становится «карьера студентов» (в зарубежной психологии она имеет более давние традиции). До сих пор проходящие в стенах вуза *профессионально-карьерное самоопределение, становление профессиональной и карьерной идентичности* молодых людей многие ученые не считают первой, латентной стадией их ПК, «инкубационной» фазой, первой частью своеобразного «*карьерного эмбриогенеза*».

Итак, можно констатировать, что тема ПК имеет множество специфических преломлений в предметах разных гуманитарных и социальных наук, по-разному затрагивается и отражается в рамках разных психологических дисциплин.

Чтобы подойти к анализу профессиональной карьеры как *сопряжённой профессиональной карьеры* (СПК), выделим важные для этого проблемные области.

1. Доминирующие парадигмы (подходы, направления, традиции) и научные факты. Первые концепции ПК разрабатывались в 1950-1980-х гг. и до настоящего времени остаются базовыми. В отношении проблемы ПК имеет место прямое транслирование классических концепций личности и развития, сформулированных к середине XX в. Парадоксально, но не особенности уникального жизненного пути человека, не типичные черты, связанные с его профессиональной эволюцией в специфической социальной микро-, мезо- и макросреде дают новый материал для осмысления феномена личностного и профессионального развития современного человека, а, наоборот, феномен ПК чаще служит лишь удобной моделью для интерпретации классических психологических концепций. Разработка проблемы ПК в русле классической парадигмы оставляла мало места для равнозначных дополняющих координат ее понимания, составляющих сущность неклассической парадигмы, для признания спонтанности, роли слабых воздействий, нестабильности эволюции, роли ценностей человека в его эволюции, определяющих приоритеты постнеклассической парадигмы.

2. Адекватность научной методологии динамично изменяющимся культурным традициям, социально-историческим условиям. Подчеркнем, что активно проблема ПК стала изучаться в североамериканской культуре. В последующем были выделены варианты среды становления ПК и ее особенностей: североамериканская, восточная и европейская с последующей их дифференциацией, например, скандинавская, германская, французская и др.

В работах ведущих отечественных специалистов А.Я. Кибанова, И.Д. Ладанова, Е.П. Молла, В.А. Розановой, В.Л. Розанова, С.И. Сотниковой, А.И. Турчинова, С.В. Шекшни, повторяются исторически сложившиеся в 1950-1970-х гг. методологические и методические приемы. Укрепление этой методологической традиции ссылками на работы К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, С.А. Рубинштейна фактически воспроизводит прежнее понимание ПК как объекта иллюстрации, но не как уникального и самоценного, позволяющего уточнять и корректировать понимание учеными самой эволюции человека — нашего современника.

3. Акмеологические детерминанты ПК. Пожалуй, наиболее продуктивную разработку проблема ПК могла бы получить в акмеологии. Но в современной акмеологии преобладают радужные, безмерно оптимистичные модели личностного и профессионального развития человека (В.С. Агапов, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, Ю.С. Степанов и др.), а ПК рассматривается исключительно в ее позитивных аспектах — как цель, ценность, особенная деятельность [8; 10; 12 и др.]. Два десятилетия в акмеологических исследованиях фактически игнорируется то, что в отечественной культуре сохраняется много недекларируемых особенностей управленческой деятельности и поведения руководителей в отношении подчиненных, влияющих на успешность их карьеры [9; 10; 19], что конструктивные моменты в реальной кадровой политике не всегда торжествуют, что даже в наиболее благополучной сфере — в органах государственной службы — удовлетворены своей складывающейся карьерой лишь немногие (не более 10-13% служащих) [8; 10; 12]. Другими словами, даже авторы конкретных эмпирических исследований часто остаются нечуткими к вопиющим противоречиям де-юре и де-факто.

4. Новые сущностные свойства объекта как фрагмента социальной реальности и методология его изучения как предмета. Последняя проблемная область — наиболее важная для нашего анализа, поэтому рассмотрим её аспекты.

Первый и ключевой из них — отношения объекта как фрагмента реальности и его отражение в науке как предмета, или *единицы* анализа феномена. В широко представленных в литературе научных подходах чаще воплощается *субъекто-центрированное* понимание человека и его ПК. Выделяется влияние мезо- и микросреды (родительской семьи, первого жизненного опыта), но аналогичные влияния организационной среды на новичка и зрелого профессионала недооцениваются. Выделяется роль непосредственных руководителей, но лишь как некоторая ответственность за ПК подчиненных, а не как *эволюция функционально взаимодействующих субъектов*. В размышлениях ученых о формировании «организационного поведения» и «правильного восприятия» (Э. Шейн) работниками отношений в их организации, сопряженных с ее корпоративной культурой, умалчиваются эффекты спонтанного отбора людей,

аналогичные профессиональному отбору в отношении их профессиональной пригодности.

Как уже отмечалось, в отношении ПК ученые чаще прибегают к «методологической проекции» — приписыванию сравнительно новому социальному феномену свойств, выделенных при изучении других объектов.

Ни уникальность ПК как социального и психологического феномена, ни его быстрая эволюция, ни стремительное расширение и «заражение» все больших групп людей «карьерным синдромом», ни его тесные связи с субкультурой региона почему-то не выступают основаниями для признания ПК в качестве уникального и самоценного явления второй половины XX в., требующего внимательного прочтения его эволюции, его сущностных свойств, контекстов их становления.

Второй аспект — *возобновляемость и повторяемость моментов эволюции ПК*. Признана как историческая тенденция многократная смена работником вида деятельности и организаций и многократная профессиональная переподготовка, в целом понимаемые как позитивные факторы развития человека. Уже в первых концепциях Д. Сьюпера, Д. Холла и др. [36; 37; 51] отмечены факты повторяемости некоторых моментов в становлении ПК субъекта на новой работе — как *карьерные циклы*, как *спирали*. Но тема *(само) разворачивания ПК* в профессиональном становлении субъекта еще не стала стержневой для обсуждаемой проблемы.

Третий аспект — *целостное пространство и время эволюции ПК*. Как отмечают эксперты, ПК традиционно фактически изучалась в ее срединных фрагментах (этапах, должностных позициях, времени жизни), в отдельных сферах, в которых человек имеет достаточно степеней свободы для быстрого и приемлемого для себя построения своей карьеры, ее коррекции, прерывания, изменения. «Полюса» ПК и карьерного пространства малоизученны. Очевидно, однако, что более целостная онтология должна отражаться в большей метрике более развернутого пространства и времени.

Четвертый аспект — *связи детерминант ПК*. На рубеже XX столетия ученые признают ограниченность исторически первых линейно-последовательных концепций ПК и большую адекватность для понимания феномена концепции поливариативной (протейной) карьеры. Но изучение ПК по-прежнему проводится в логике *малых систем* (есть ограниченное число переменных, типов связей между ними, жесткая детерминация отношений частей целого), обоснованной А. Берталанди, И. В. Блаубергом, У. Р. Эшби, Э. Г. Юдиным и др. Логика *больших систем* (саморазвивающихся, открытых, неустойчивых), аппарат синергетики, математическое моделирование, предлагаемые И. Пригожиным, С. П. Курдюмовым, Г. Г. Малинецким, Г. Хакеном и др., еще не находят широкого применения в психологии.

Пятый аспект — *кризисы как «точки бифуркации»*. Парадоксально, но жизненные и профессиональные кризисы чаще рассматриваются как иллюстрация динамики социального, профессионального в частности, становления человека, но не как эффекты, сопряженные с эволюцией конкретной ПК человека как деятеля, как личности, как индивидуальности.

Шестой — *ресурсы становления ПК*. В отечественной психологии сохраняется оппозиция субъекта — объекта, ее следствием выступает разделение условий жизнедеятельности человека на внешние и внутренние. Именно эта оппозиция лежит в основании бинарных подходов — субъектно-центрированного и организационно-центрированного. Дихотомия как логический прием предполагает акцентирование (и, следовательно, гипертрофирование) одной части целого и абстрагирование от другой. Обращение к понятию «ресурсы» сохраняет возможность избегать ограничений исторически сложившихся методологических подходов [23-26].

Седьмой аспект — *карьера — часть жизни*. Данное утверждение более адекватно, чем доминирующий в последние годы тезис «личная жизнь — часть карьеры». Именно ПК является наиболее точным отражением специфики воздействия социальной макро-, мезо- и микросреды на эволюцию человека, его ценностей, смыслов жизни, смыслов труда. Следовательно, ПК может выступать не всего лишь удобным, все объясняющим объектом для иллюстрации множества теорий, а самоценным предметом научного изучения, центром становления методических подходов, способствующих пониманию множества сопряженных феноменов.

Если не устранить, то смягчить типичные ограничения в изучении ПК нам видится возможным лишь при решении методологических задач — новой постановке и формулировании самой проблемы, более точном определении предмета исследования, сохраняющего сущностные признаки своего объекта — рассматриваемого фрагмента социальной реальности в ее актуальной фазе исторического развития. Условиями, обеспечивающими решение таких задач соответственно выделенным семи аспектам, нам видятся:

1) выбор в качестве единицы анализа ПК не отдельного субъекта, а функционально взаимодействующих групп субъектов (например, *функциональных диад*: руководитель — подчиненный, тренер — спортсмен, консультант — клиент, преподаватель — студент, наставник — стажер и т. п.);

2) выделение инвариантных и вариативных составляющих в эволюции ПК, механизмов (само) развертывания (карьерных циклов);

3) введение в предмет исследования актуальных составляющих социальной макро-, мезо- и микросреды; изучение феномена ПК в естественной исторически изменчивой среде;

4) изучение целостной, завершённой профессиональной эволюции человека; сравнительный анализ ПК в сферах с разной жесткостью и высотой формальных структур и профессиональных иерархий (количества ступеней профессионального продвижения);

5) дифференцированный подход: изучение ПК в связи с возрастом, полом и другими характеристиками человека; изучение характера кризиса и его отражения в последующем жизненном пути человека;

6) реализация ресурсного подхода к пониманию частных аспектов становления ПК;

7) реализация карьерно-центрированного подхода — признания условий становления ПК как ключевого процесса актуализации ресурсов субъекта и среды (интра-, интер- и внесубъектных), во многом если не определяющего, то весомо корректирующего разные социальные и психологические эффекты возрастной и психологической эволюции человека.

Ключевым для нас выступает понятие «*ресурсы*». Оно может быть естественной психологической «клеточкой» и адекватной психологической *единицей* анализа целостных фрагментов реальности [23, 26]. В первом приближении можно выделить *контексты* ПК (это множество взаимосвязанных условий, ситуаций, создающих *потенциальные ресурсы* социальной успешности субъекта) и *измерения* ПК (координаты и оценки *актуально используемых ресурсов*, т. е. тех условий, факторов, отношений, которые с высокой вероятностью и «весом» определяют онтологию феномена).

Понятие «*контексты*» ориентируют на изучение феномена ПК в русле экологической парадигмы. Приоритеты *экологической парадигмы*, которая в психологии стала складываться в конце XX столетия, предполагают изучение феноменов с учетом особенностей реальной среды деятельности и жизнедеятельности человека [23; 26].

К понятию «*измерения*» оправдано прибегать при встрече исследователя с новой эмпирической реальностью, при неудовлетворенности имеющимся понятийным аппаратом и методологией. В качестве прецедента можно привести работы М. МакКола, Х. Минцберга, Г. Юкла. Недостаточная эффективность ранее сложившихся схем анализа привела ученых к отказу от изучения крупных единиц управленческой деятельности и сосредоточения внимания на «мелких делах» руководителя, на пооперационном анализе его деятельности, или измерениях управленческого поведения (внимание к дисциплине, содействие работе, решение проблем, постановка целей, ролевое уяснение, акцентирование эффективности для подчиненных, планирование, координация, делегирование автономии, подготовка подчиненных, воодушевление, внимание, участие в решении, одобрение, возможное варьирование вознаграждениями, содействие общению, представительство, предоставление информации, управление

конфликтом [40; 56]); на выделении и анализе управленческих ролей: главный руководитель, лидер, связующее звено, приемник информации, распространитель информации, представитель, предприниматель, устраняющий, распределитель ресурсов, ведущий переговоры [41].

Понятие «контексты» и «измерения» необходимо связаны с понятием «ресурсы» и через него — с понятием «успешность». В последнем мы будем выделять *социальную успешность* (полноту самореализации человека в разных сферах жизнедеятельности, удовлетворенности мерой самореализации и др.), а более узко — *профессиональную успешность*, в которой явно различаются собственно *прямая профессиональная успешность*, с которой, как правило, и начинается любая ПК человека, и *профессионально-административная успешность*, которая на определенных квалификационных ступенях выступает естественной альтернативой первой линии эволюции ПК. Во многих профессиях есть и третий естественный путь эволюции субъекта — *смежная профессиональная успешность*. Примеры трех ветвей профессиональной эволюции:

— талантливый врач остается лечащим врачом (1), становится заведующим отделением и далее — главным врачом клиники (2) или преподавателем вуза (3);

— талантливый инженер остается ведущим специалистом в отрасли (1), становится руководителем подразделения, службы или организации (2), преподавателем вуза, наставником, консультантом, экспертом (3).

Профессиональная успешность человека прямо и наиболее концентрированно отражается в его *сопряженной профессиональной карьере*, в ее объективных и субъективных измерениях. Можно сказать, что профессиональная карьера есть наиболее концентрированное выражение профессиональной успешности человека. Предлагаемое понимание сущности ПК избавляет от необоснованного увеличения объема научных понятий, ее объясняющих, но позволяет провести их упорядочивание.

Таким образом, понятие «контексты» отражает обращение нашего внимания на *потенциальные условия реальной среды жизнедеятельности* людей, а понятие «измерения» — стремление выделить *актуально используемые человеком ресурсы*, наиболее весомые факторы, определяющие его социальную успешность. Предполагается, что некоторая эклектичность и, возможно, методологическая нестрогость могут окупиться новизной полученных эмпирических фактов, которые при их последующей методологической рефлексии обретут достойный статус научных фактов.

Среди основных можно выделить следующие *контексты СПК*.

1. Микросреда

1а — родительская семья как «отставленная сопряженность», действующая непосредственно и влияющая на разные проявления потенциальной сопряженности как отношение, как чувствительность, реактивность, как сензитивность человека к разным ресурсам среды, как способность их предвосхищать, использовать, интегрировать их в настоящем и в будущем. А. Адлер один из первых стал рассматривать ситуацию социализации ребенка в семье как условие становления комплексов компенсации и сверхкомпенсации, как основание становления самого стиля жизни. В транзактном анализе эти вопросы рассматриваются как вписанные «сценарии», как «собираение марок», как не осознаваемое ни родителями, ни ребенком становление разных стереотипов поведения, определяющих социальную успешность человека. В исследованиях В.Н. Маркова, Ю.В. Синягина [9; 19] рассматривалась управленческая карьера в зависимости от стартовой жизненной ситуации человека.

1б — условия и отношения в рабочих группах и с непосредственными руководителями, в которых происходит первая и постоянная профессиональная «огранка» человека, может рассматриваться как непосредственная сопряженность. Эти аспекты достаточно разработаны в психологии.

1в — условия и отношения в сфере собственной семьи человека (состояние в браке, наличие детей, удовлетворенность браком, отношения с близкими родственниками и т. п.).

2. Мезосреда

2а — исходная «социальная ниша» (социальный и профессиональный статус родителей, место жительства и др.). Социально-демографические характеристики родителей как фактор управленческой карьеры также отмечены в упомянутых работах В.Н. Маркова, Ю.В. Синягина.

2б — среда организации (групповые нормы, корпоративная культура), могут пониматься как своего рода экологическая сопряженность субъекта и среды, как способность человека «правильно» воспринимать условия среды, находить адекватную профессиональную и психологическую нишу в коллективе, как личностная адекватность профессиональной мезосреде. Эти аспекты достаточно разработаны в психологии.

2в — условия и отношения, следующие из микросред 1, 2, 3 и во многом определяемые ими (круг друзей, типичное времяпрепровождение и др.) как собственные социальные и профессиональные характеристики человека (социальный статус профессии; социально-демографические характеристики семьи субъекта, место жительства, должность, дружба и увлечения). Отсюда — круг общения, интересов, отношений к жизни; самоотношение, самооценки и пр. Эти аспекты достаточно разработаны в психологии и в социологии.

3. Макросреда

За — социальная ситуация в фазе предкарьеры, или априорные отношения в системе «человек — профессия — общество».

Зб — социальная ситуация в фазе начала карьеры.

Зв — социальная ситуация в срединных фазах ПК и ее завершения, логика эволюции и стратегия субъекта, скорее, мало изменяется во второй половине жизненного пути.

Среди основных *измерений* СПК можно указать такие, как:

а) *время* — множество темпоральных характеристик профессиональной эволюции субъекта (в частности, скорость карьеры, интервалы времени надежной, стабильной или безупречной работы и т. д.);

б) *пространство* — концентрированное отражение отношений и *изменений позиции субъекта в социальной макро-, мезо-, микросреде* (позиции субъекта должны оцениваться с учетом жесткости формальных структур организации, высоты иерархической пирамиды, карьерной иерархии как числа должностных позиций, кадровой политики организации, корпоративной культуры и др.);

в) *актуализация интрасубъектных ресурсов* — полнота использования множества собственных свойств субъекта (пол, возраст, способности и метаспособности, мотивация, образование и подготовленность, саморегуляция психических состояний, стили и др.);

г) *актуализация интер- и внесубъектных ресурсов профессиональной среды* — полнота использования субъектом множества свойств его партнеров и характера отношений с ними в рамках узкой профессиональной среды (отношения с партнерами, руководителями, клиентами, наставниками);

д) *актуализация интер- и внесубъектных ресурсов внепрофессиональной среды* — полнота использования субъектом свойств партнеров и социальной среды (семья и дети, друзья, увлечения).

Итак, понимание профессиональной карьеры как становления *сопряженной профессиональной карьеры* субъекта есть концентрация ряда фундаментальных и частных проблем психологии. Изучение названных взаимосвязанных проблем потребует разработки адекватной методологии и методов анализа соответствующих классов психологических реалий.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии, 1996.
2. Демин А. Н. Личность в кризисе занятости. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.

3. *Егоришин А. П.* Управление персоналом: учебник для вузов. 4-е изд. Н. Новгород: НИМБ, 2003.
4. *Ермолаева Е. П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Институт психологии РАН, 2008.
5. *Зеер Э. Ф.* Психология профессионального развития. М.: Академия, 2007.
6. *Кибанов А. Я.* Управление деловой карьерой персонала // Управление персоналом организации: учебник. М.: ИНФРА-М, 1997.
7. *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: ИП РАН, 2000.
8. *Лотова И. П.* Развитие профессиональной карьеры кадров государственной службы. М.: РАГС, 2003. Ч. 1.
9. *Марков В. Н.* Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка. М.: РАГС, 2001.
10. *Могилёвкин Б. А.* Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007.
11. *Молл Е. Г.* Управление карьерой менеджера. СПб.: Питер, 2003.
12. *Москаленко О. В.* Акмеология профессиональной карьеры личности. М.: РАГС, 2007.
13. *Музыченко В. В.* Управление персоналом: учебник для студентов вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
14. *Орлов А. С.* Введение в коммуникационный менеджмент. М.: Гардарики, 2005.
15. *Поддьяков А. Н.* Методологический анализ парадигм конкуренции в обучении. М.: ПЕР СЭ, 2006.
16. *Розанова В. А.* Психология управления: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2000.
17. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
18. *Салмон Р.* Будущее менеджмента. СПб.: Питер, 2004.
19. *Синягин Ю. В.* Психологические механизмы формирования руководителем управленческой команды. М.: Монография, 2001.
20. *Служебная карьера / А. С. Гусева [и др.] / под общ. ред. Е. В. Охотского.* М.: Экономика, 1998.
21. *Сотникова С. И.* Управление карьерой. М.: ИНФРА-М, 2001.
22. *Стамбулова Н. Б.* Психология спортивной карьеры. СПб.: Центр карьеры, 1999.
23. *Толочек В. А.* Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности субъекта // Социология и управление персоналом. 2008. № 2.
24. *Толочек В. А.* Пространство взаимодействия субъектов и управление человеческими ресурсами // Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010.
25. *Толочек В. А.* Профессиональное становление субъекта в социэкономических профессиях: специфика феномена или новые грани психологии? // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Психология. 2009. № 1.

26. Толочек В.А. Профессиональные способности, потенциал и успешность субъекта: критический анализ проблемы и модели объяснения // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
27. Турчинов А.И. Отбор персонала и карьера госслужащего // Кадровый менеджмент: науч.-метод. пособие. М.: Изд-во РАГС, 1997.
28. Шекиня С.В. Управление персоналом в современной организации. М.: Бизнес-школа «Интелл-Синтез», 1996.
29. Эдерсхейм Э. Лучшие идеи П. Друкера. СПб.: Питер, 2008.
30. Якунина Ю.Я. Субъективные критерии эффективности профессиональной деятельности в профессиях типа «человек — человек»: автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 2004.
31. Arthur M.B. The boundaryless career: A new perspective for organizational inquiry // Journal of Organizational Behavior. 1994. Vol. 15.
32. Belbin R.M. Management teams, why succeed or fail. London: Heinemann, 1981.
33. Benson C. The cultural psychology of self: place, morality and art in human worlds. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001.
34. Bordin E. Psychodynamic model of career choice and satisfaction // In D. Brown, L. Brooks Eds. Career choice and development. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1984.
35. Dawis R., Lofquist L. A psychological theory of work adjustment. Minneapolis: University of Minnesota, 1984.
36. Hall D.T. The new «career contract: Wrong on both counts. Boston: Executive Developmental Roundtable; Boston Universiting School of management, 1993.
37. Hall D.T., Mirvis P.H. The new career contract developing the whole person at midlife and beyond // Journal of Vocational Behavior. 1995. Vol. 35.
38. Hiltrop J.M. A framework for diagnosing human resource management practices // European management (Oxford). 1996. Vol. 14, №3.
39. Holland J.L. The self-directed search professional manual. Odessa, FL: Psychological assessment resources, 1985.
40. McCall M.W. Leadership research: choosing gods and devils on the run // Journal of occupational psychology. 1976. Vol. 49.
41. Mintzberg H. The nature of Managerial Work. New York: Harper & Row, 1973.
42. Mitchell A.M., Jones G.B., Krumboltz J.D. Social learning theory and career decision making. Cranston, 1979.
43. Noe R.A., Noe A.W., Bachuber J.A. An investigation of the correlates of career motivation // Journal of Vocational Behavior. 1990. Vol. 37, №3.
44. Ohara R.P. Career development: Choice and adjustment. New York, 1963.
45. Osipow S.H. Theories of career development. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1973.
46. Osipov S.H. Convergence in theories of career choice and development: review and prospect // Journal of Vocational behavior. 1990. Vol. 37, №3.
47. Roe A. The psychology of occupations. New York: Wiley, 1956.
48. Roe A., Siegelman M. The origin of interests. Washington, DC: American Personnel and Guidance Association, 1964.

49. *Shlossberg N.K.* A model of worklife transitions // Career transition in turbulent times. Exploring work, leaning and careers/ed. by R. Feller and G. Walz. Greensboro, NC: ERIC/CASS, 1996.
50. *Schein E. A.* A critical look at current career development theory and research // D. T. Hall and Association (Eds.). Career development in organization. San-Francisco, CA, 1986.
51. *Super D. E.* The psychology of careers. New York: Harper & Row, 1957.
52. *Super D., Starishevsky R., Matlin N., Jordan J. P.* Career development: A self-concept New York: College Entrance Examination Board, 1963.
53. *Super D. E.* A life-span, life-space approach to career development // Journal of Vocational Behavior. 1980. Vol. 16.
54. *Valsiner J.* Socialization of American toddlers for social courtesy // Child development in cultural context/J. Valsiner (Ed.). Toronto; New York; Bern: Hogrefe and Huber Pablichers, 1989.
55. *Tiedeman D. V., Ohara R. P.* Career development: Choice and adjustment. New York: Colleges Entrance Examination Board, 1963.
56. *Yukl G. A.* Leadership in organizations. New York: Englewood Cliffs, 1981.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

.....

Е. К. Кардовская¹

В статье рассматривается профессиональное самосознание студентов, выделяются компоненты и механизмы его развития. В качестве средства развития профессионального самосознания предлагается использовать учебную и производственную практику, а также специально разработанные занятия, направленные на помощь студентам в осмыслении полученного опыта и использовании его для целенаправленного профессионального развития.

Ключевые слова: самосознание, профессиональное самосознание, рефлексия, целеполагание, учебная практика, производственная практика.

The article discusses professional self-consciousness of the students, components and mechanisms of its development. Learning training and practical training are offered as means of professional self-consciousness development, as well as specially worked out lessons aimed to help students comprehend their experience and use it for their further professional development.

Key words: self-consciousness, professional self-consciousness, reflection, statement of purpose, learning training, practical training.

В условиях реформирования экономики и социальной жизни общества и предпринимаемых Правительством России усилий по преодолению кризиса в стране актуальна потребность в компетентных специалистах тех профессий, которые влияют на стабилизацию ситуации в обществе. К ним относится профессия специалиста по социальной работе, деятельность которого предполагает наличие широкого спектра экономико-правовых, психологических знаний и требует высокого уровня развития профессионального самосознания как важнейшего элемента профессионального становления личности. Высокий уровень его развития позволяет человеку быть внутренне свободным и осознанно подходить к выбору своего профессионального пути и достижению профессиональных целей, что способствует более полной реализации своего

¹ Кардовская Екатерина Константиновна – аспирант кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ. Эл. почта: e_kardovskaya@mail.ru

внутреннего потенциала и дает возможность стать субъектом собственного развития. Именно поэтому необходимо уделять особое внимание этой проблеме в период обучения студентов, целью которого является не только усвоение знаний, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности, но и формирование ценностного отношения к будущей профессии, развитие мотивации к самообразованию и самосовершенствованию. Эти цели, основанные на гуманистических ценностях, отражены в образовательных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения в виде требований к личностному развитию выпускников, которые обозначены как общекультурные компетенции. В частности, федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 Социальная работа (квалификация (степень) «бакалавр») к таким общекультурным компетенциям относит: стремление к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства; умение критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков; осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности [21]. Другими словами, бакалавр социальной работы должен, во-первых, осознавать свои профессиональные ценности и мотивы, во-вторых, быть способным оценить себя как профессионала, в-третьих, ставить и достигать своих профессиональных целей. Все эти характеристики являются сущностными компонентами профессионального самосознания.

Проблемы специализированной подготовки социальных работников достаточно разработаны в отечественной и зарубежной научной литературе (А.Г. Гусятникова [4], А.А. Деркач [5], В.И. Жуков [9], В.А. Никитин [20], П.Д. Павленок [23], М.Ф. Фирсов [28], М. Доэл, С. Шардлоу [8]); различные аспекты развития профессионального самосознания представителей других профессий, как правило, педагогов и психологов, исследованы в работах И.В. Вачкова [3], А.А. Деркача [6], Н.В. Кузьминой [13], А.К. Марковой [15], Л.М. Митиной [16], О.В. Москаленко [18] и др. Особенности, факторы и механизмы развития профессионального самосознания студентов, обучающихся по направлению «Социальная работа», остаются малоисследованными. Цель данной статьи — представить и обосновать модель развития профессионального самосознания студентов направления Социальная работа.

При рассмотрении проблемы развития профессионального самосознания можно опираться на богатый материал по изучению самосознания личности, на концепции Р. Бернса [2], У. Джемса [7], К. Роджерса [25], Э. Эриксона [30], а также труды таких отечественных психологов, как В.В. Иванова [10], И.С. Кон [11], М.И. Лисина [14], В.С. Мухина [19], В.В. Столин [27], И.И. Чеснокова [29] и др. Понятию «самосознание» близки по смыслу понятия «Я-концепция», «образ Я», «идентичность», «самоотношение». Несмотря на терминологическую

разобщи́нность и большое разнообразие толкований понятия «самосознание», можно сделать вывод, что самосознание в самом общем виде — это процесс и результат осознания и оценки личностью каких-либо ее характеристик, влияющий на ее поведение.

В отличие от самосознания в целом, профессиональное самосознание специфично по своему содержанию, однако можно говорить о совпадении общих принципов развития, закономерностей, механизмов и структуры этих двух феноменов [16, с. 116]. Таким образом, мы предполагаем, что профессиональное самосознание будущих бакалавров социальной работы совпадает со структурой самосознания личности вообще и представляет собой процесс и результат осознания и оценки личностью своих профессиональных характеристик, влияющий на ее профессиональное поведение. Это не исключает проявления специфических особенностей развития профессионального самосознания будущего социального работника как частного случая развития самосознания личности в целом.

Сцелью практического исследования профессионального самосознания студентов, обучающихся по направлению «Социальная работа» в Кубанском государственном университете, и на основании анализа источников (М. И. Лисина [14], В. С. Мухина [19], В. В. Столин [27], И. И. Чеснокова [29] и др.) были выделены сущностные характеристики профессионального самосознания: 1) осознание профессиональных ценностей и мотивов; 2) осознание и оценка себя как профессионала; 3) готовность действовать в соответствии с осознаваемыми ценностями, мотивами и самооценкой. На основе этих характеристик были определены три компонента профессионального самосознания: ценностно-мотивационный, когнитивно-аффективный и регулятивный, или волевой.

В основе исследования лежат положения о том, что решающими факторами развития самосознания личности в целом и студентов в частности являются совместная деятельность и общение [14, с. 122], [31, с. 123]. Следовательно, к факторам развития профессионального самосознания можно отнести профессиональную деятельность и общение в профессиональной среде. Было сделано предположение о том, что формой обучения, в которой оба эти фактора проявляют себя в полной мере, является учебная и производственная практика. Согласно мнению современных авторов, задача практики состоит не только в соединении теоретических знаний с практическими навыками, но и в формировании профессионального сознания и самосознания, так как именно посредством практической подготовки происходит усвоение профессиональных ценностей, превращение их в мотивы профессиональной деятельности (О. А. Абдулина [1], А. В. Петровский [22]). На практике у студентов появляется возможность наблюдать за деятельностью профессионалов, а также опробовать свои силы в выполнении каких-либо действий. Таким образом, у студентов формируется профессиональная самооценка, на основе которой ставятся

цели дальнейшего профессионального развития. Однако самостоятельно провести столь глубокий личностный анализ, переосмыслить полученный опыт, превратить полученные выводы в готовность действовать в соответствии с ними способен далеко не каждый студент. Для того чтобы практика была источником его целенаправленного личностного и профессионального развития, необходимо использовать такие формы работы со студентами, в ходе которых задействуются механизмы рефлексии и целеполагания, что подтверждается исследованиями С. Г. Косарецкого [12], С. В. Передельской [24], Е. А. Семеновой [26] и др.

Механизм рефлексии позволяет осмыслить полученный во время практики опыт и возможные личностные изменения, вызванные им, расширить представление о себе как о профессионале, в то время как целеполагание, будучи компонентом саморегуляции, способствует переводу результатов осмысления в конкретные профессиональные намерения и действия [17]. Так, цели и задачи практики, сформулированные в задании студентам, были направлены не только на приобретение определенных компетенций, но и на развитие профессионально важных качеств. В задание были включены вопросы для ведения личного дневника, в котором фиксировались мысли и чувства по поводу различных аспектов пребывания на практике в какой-либо организации. По ее окончании проводились занятия, посвященные групповой рефлексии полученного опыта, во время которых использовались активизирующие опросники, направленные на самопознание студентов, с последующей интерпретацией результатов, а также специальные задания на развитие целеполагания в профессиональной сфере, которые способствовали закреплению осмысленного опыта в виде задач дальнейшего профессионального развития. Перестройка учебной и производственной практики на основе специальных мер, направленных на развитие профессионального самосознания студентов, позволила повысить общую эффективность их профессиональной подготовки, что подтверждается результатами проведенного исследования.

Проанализируем изменения структурных компонентов профессионального самосознания студентов III и IV курсов после прохождения практики и проведения комплекса занятий. В исследовании профессиональных ценностей студентов использовалась модифицированная методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой. Было выявлено, что наиболее важными профессиональными ценностями для студентов обоих курсов как до, так и после прохождения практики являются уважение окружающих, помощь близким и познание; показатели по всем группам ценностей, кроме социальной активности, возрастают либо остаются на прежнем уровне (табл. 1). Вероятно, студенты более нацелены на обеспечение благополучия себя и своего ближайшего окружения, нежели на повышение благосостояния общества в целом. Также во время практики студенты столкнулись с пробле-

мой низкой оплаты труда социальных работников и задумались о материальном обеспечении своей жизни, поскольку студенческий возраст часто связан с подготовкой к самостоятельной профессиональной деятельности и стремлением к материальной независимости от родителей.

Таблица 1

Изменение профессиональных ценностей
до и после прохождения практики, доля респондентов,
выбравших вариант «да», % общему числу респондентов

Ценности	III курс		IV курс	
	до	после	до	после
Материальная обеспеченность	37,6	43,8	53,6	55,8
Помощь близким	59,0	62,1	71,2	71,2
Познание	64,1	64,1	52,3	55,3
Социальный статус	43,8	46,7	56,1	60,0
Уважение окружающих	74,4	74,4	83,3	83,3
Социальная активность	50,8	44,6	54,5	49,3

В структуре мотивации к учебной деятельности, которая исследовалась с помощью методики А. А. Реана и В. А. Якунина в модификации Н. Ц. Бадмаевой, преобладают учебно-познавательные мотивы как до, так и после практики (42 и 41,5% на III курсе и 40,5 и 39,0% на IV курсе). Это вполне закономерно, поскольку учебная деятельность является ведущей в данный момент. Примерно равные позиции занимают коммуникативные и профессиональные мотивы, мотивы творческой самореализации и социальные мотивы (около 33,5%).

Примечательно, что показатели студентов IV курса по всем позициям, связанным с выбранной профессией, заметно ниже показателей студентов III курса. Скорее всего значительная часть студентов IV курса не связывает свое будущее с профессией социального работника. Однако четверокурсники демонстрируют такие же высокие показатели в мотивах «стать специалистом» и «стать высококвалифицированным специалистом», как и третьекурсники, что говорит об их стремлении к высоким профессиональным достижениям, но, возможно, в других сферах. Студенты III курса изначально в большей степени рассматривают обучение как возможность развития себя в выбранной профессии, положительные изменения демонстрируют и студенты IV курса после прохождения практики (табл. 2).

Таблица 2

Изменение профессиональных мотивов до и после прохождения практики, %
от опрошенных

Профессиональные мотивы	III курс		IV курс	
	до	после	до	после
Нравится профессия	84,6	92,3	40,9	50,0
Обеспечение успешной профессиональной деятельности	84,6	84,6	50,0	65,2
Стать специалистом	100	100	85,7	90,9
Дать ответы на актуальные вопросы профессии	84,6	74,0	36,4	40,9
Использовать задатки, способности к профессии	92,3	92,3	50,0	50,0
Стать высококвалифицированным специалистом	92,3	100	90,9	94,1

Обнаружены отрицательные изменения в самооценке студентами себя как профессионалов. Оценку «4» ставят себе 50% студентов III курса, в то время как большинство студентов IV курса оценивают себя на «3» (66,7%) (табл. 3). Также видно, что после практики самооценка студентов обоих курсов несколько понижается, несмотря на приобретенный опыт и навыки. Это связано с тем, что после пребывания в профессиональной среде и соотнесения своих качеств с реальными требованиями профессии, у студентов меняется представление об эталоне специалиста, происходит увеличение разрыва между Я-реальным и Я-идеальным.

Таблица 3

Изменение самооценки себя как профессионала до и после прохождения практики,
% от опрошенных

Оценка себя как профессионала	III курс		IV курс	
	до	после	до	после
3	25,0	35,0	66,7	88,9
4	50,0	30,0	11,1	5,5
5	0	0	11,1	0

Компонент «целеполагание» исследовался с помощью анкеты «Личностный профессиональный план», предложенной Е. А. Климовым. Контент-анализ анкет показал качественные изменения в постановке целей студентами. Если до практики и занятий формулировки главной профессиональной цели почти у всех студентов (93%) были абстрактными («самореализация», «работа по специальности», «стать профессионалом»), то после занятий примерно 60% студентов продемонстрировали более развернутые и глубокие цели («стать руководителем департамента социальной защиты», «восстановить социальную справедливость», «стать лучшим специалистом по работе с трудными под-

ростками»). То же можно сказать и о постановке задач, которые необходимы для достижения цели. Если до проведения занятий по целеполаганию, наиболее часто встречающейся задачей у студентов была «закончить университет», то после занятий задачи стали более конкретными: «научиться слышать клиента», «обрести стрессоустойчивость на работе», «повысить свою правовую компетентность в вопросах пенсионного обеспечения».

В итоге прохождения практики проявилась тенденция к перераспределению соотношения между личностно значимыми ценностями и социальной активностью в сторону увеличения первых и уменьшения второй; произошли положительные изменения в профессиональной мотивации студентов обоих курсов; самооценка студентов приблизилась к адекватной; конкретизировались поставленные профессиональные цели.

Библиографический список

1. Абдулина О.А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. М.: Просвещение, 1990.
2. Бернс Р. Развитие «Я-концепции» и воспитания. М.: Прогресс, 1986.
3. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2001.
4. Гулякова Л.Г. Социальная работа как научная теория, деятельность и учебная дисциплина: дис.... д-ра социол. наук. Барнаул, 1995.
5. Деркач А.А. Общая и прикладная акмеология. М.: РАГС, 2001. Ч. 1.
6. Деркач А.А., Москаленко О.В. Акмеологические основы профессионального самосознания личности. Астрахань: АГПУ, 2000.
7. Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.
8. Дозл М., Шардлоу С. Обучение практике социальной работы. М.: Аспект Пресс, 1997.
9. Жуков В.И. Обучение практике социальной работы. М.: Изд-во МГСУ, 1997.
10. Иванова В.В. Общие вопросы самосознания личности. Библиотека Русского гуманитарного интернет-университета. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ivanova_common_questions/
11. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
12. Косарецкий С.Г. Психологические условия развития профессионального сознания будущих педагогов: дис.... канд. психол. наук. М., 1999.
13. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990.
14. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
15. Маркова А.К. Психология труда учителя: книга для учителя М.: Просвещение, 1993.
16. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя: учеб. пособие. М.: Академия, 2004.

17. *Моросанова В.И., Аронова Е.А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
18. *Москаленко О.В.* Психолого-акмеологическая модель формирования профессионального самосознания личности руководителей образовательных учреждений. Астрахань: ООО «ЦНТЭП», 1997.
19. *Мухина В.С.* Феноменология развития и бытия личности. М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999.
20. *Никитин В.А.* Социальная работа: проблемы теории и подготовки специалистов: учеб. пособие. М.: МПСИ, 2002.
21. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 Социальная работа (квалификация (степень) «бакалавр») Приказ Министерства образования и науки РФ от 08.12.2009 №709. URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/m709.html
22. Основы педагогики и психологии высшей школы/под ред. А.В. Петровского М.: Изд-во МГУ, 1986.
23. *Павленок П.Д.* О развитии системы профессионального социального образования и подготовке социальных работников // Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. 2006. № 1.
24. *Переделская С.В.* Психологические условия становления профессионального самосознания студентов в процессе педагогической практики: дис.... канд. психол. наук. Волгоград, 2006.
25. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
26. *Семенова Е.А.* Возможности развития профессионального самосознания студентов в образовательном пространстве технического университета // Высшее образование сегодня. 2008. № 7.
27. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
28. *Фирсов М.В., Шапиро Б.Д.* Профессионально-образовательная программа подготовки социального работника. М.: Наука, 1992.
29. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
30. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006.
31. *Якунин В.А.* Психология учебной деятельности студентов: учеб. пособие. М.: Логос, 1994.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

.....

Л. И. Никовская¹

В статье рассматриваются вопросы развития гражданского общества в современной России и проблемы его влияния на процессы системной модернизации.

Ключевые слова: гражданское общество, модернизация, партнерство, демократия, социальный капитал.

Article investigates some questions concerning the Civil society progress in contemporary Russia and problems of its impact on system modernization processes.

Key words: civil society, modernization, partnership, democracy, social capital.

Заявленный руководством страны курс на модернизацию общества требует привлечения значительных ресурсов, в том числе и активизации потенциала граждан, структур гражданского общества. Как отметил Президент России Д. А. Медведев, слабость демократических институтов и структур гражданского общества на современном этапе развития страны служит одним из препятствий её модернизации. Мировая практика реализации модернизационных проектов свидетельствует о том, что одним из условий их успешности является наличие социальных сил, способных стать инициаторами и проводниками перемен.

Обращение к истории многократных полуудачных российских попыток модернизации показывает, что для нашей страны традиционен подход к реформам в стиле однобоких преобразований сверху, эффективность которых неуклонно падает. Всестороннее обновление российского общества может состояться лишь при активной поддержке и участии гражданского общества, полноценное формирование которого само является частью искомой модернизации (отвечает задачам накопления социального и человеческого капитала). В частности, без энергичного участия структур гражданского общества невозможно сколько-нибудь серьезно ограничить разъедающую

¹ Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Эл. почта: nikovsky@inbox.ru

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ №10-03-00109 «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

страну коррупцию, способную сорвать любые попытки модернизации. Только развитое гражданское общество может стать прочной базой демократии, без которой будет невозможно сломать все преграды на пути решительной модернизации России.

В условиях глобализации и информационного взрыва мир вступил в новую ступень цивилизационного развития, что не могло не отразиться на существенных характеристиках в системе гражданского общества: резко возросла эмансипация личности от государства, сократилось пространство его командного воздействия, произошло энергичное развитие и усложнение горизонтальных социальных связей, сплетение многообразных гражданских институтов и движений в целостную сеть. Это предопределило поиск адекватных моделей взаимодействия государственных структур и гражданского общества в рамках представительной демократии. Именно в это время в западной мысли наблюдается колоссальный интерес к концепту публичной политики, поскольку исторически публичная политика возникла на волне дискуссии о повышении эффективности государственного управления и, самое главное, расширении возможностей участия гражданского общества в политическом процессе. Так, английский исследователь Р. Роудсон в своей известной статье «Новый метод управления: управление без правительства» [13, с. 46-63], рассматривая разнообразие смыслов нового метода управления (*governance*), указывает на необходимость поиска новых принципов государственного управления в условиях глобализации, изменения роли государства и общества в развитых странах. Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе призвано выступать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую повестку дня, создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

Перед страной, *стремящейся* перейти на рельсы инновационного типа развития, неминуемо встают задачи размораживания институтов публичной политики, возврата к демократической институциональной среде, поскольку фаза вхождения в стадию постиндустриального развития требует усиления определенных сегментов гражданского общества. Сильные, влиятельные институты гражданского общества являются необходимым условием становления постиндустриального общества, основанного на «экономике знаний», так как одно без другого в мире не наблюдается. В силу этого стратегические задачи системной модернизации российского общества, перехода к инновационному типу развития выдвинули в центр повестки дня вопрос о расширении конкуренции, демократии, повышении качества социального капитала и доверия, а также о взаимодействии органов

власти и гражданского общества. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнёрству и консолидации в интересах формирования институциональной среды и креативной мотивации, способствующих созданию и внедрению инноваций — одно из важнейших условий инновационного типа развития. Важной исследовательской задачей становится выявление взаимосвязи между уровнем и характером развития гражданского общества, публичной политики и особенностями перехода к инновационному типу развития в российских условиях, ибо инновационный технологический и экономический рост, как показывает мировая практика, происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность и высокая степень доверия между властью, бизнесом и гражданскими инициативами [12, с. 16-17].

Технология «управляемой демократии» — особенно в условиях кризиса — исчерпала свои возможности: она оказалась неэффективной в условиях перехода общества к решению задач глубокой системной модернизации. Режим вертикализации власти не привел к повышению управляемости общества, бюрократическая модель властвования в прежнем виде выявила свои системные ограничения. Нынешняя стадия политического развития российского общества являет собой особую конфигурацию административно-централизованных методов управления (регулирования) полем политики и спорадической самоактивизацией остаточных элементов публичного дискурса. Медиапозиционирование нейтральных или благожелательных правящему режиму общественных игроков выдавливает гражданский сектор на глубокую периферию политической системы. Поглощение же институтами крупного капитала всей системы представительства общественных интересов, нарастающая деградация межсекторного сотрудничества и жесткий прессинг властей по отношению к гражданским инициативам привели к тому, что исполнительные структуры, по сути, заменили собой государство, а система представительства гражданских интересов оказалась вытесненной из структуры государственного управления. Понятно, что игнорирование гражданской экспертизы при принятии политических решений качественно сузило поливариативность формирования государственной политики, предопределив заданность формирования повестки дня лишь в интересах крупного капитала и высшей госбюрократии. На плечи же гражданского сектора в основном падают издержки и риски такой системы правления. И этот факт убедительно подтвердили результаты антикризисной политики властей за последние два года. Государство, колонизирующее публичную сферу, становится неподконтрольным, а сфера публичных ассоциаций управляемой. Проникновение государства в публичную сферу при такой оценке явно создает неэффективную схему «управляемая публичность — бесконтрольное государство». «Неэффективность здесь создается таким сформированным порядком, который можно определить как «порядок в плохо организованном обществе».

Общим императивом такого порядка выступает несправедливость. Если государство и способно в таких условиях осуществить мобилизацию для развития, то это будет мобилизация без внутренних стимулов, а сформированная легитимность будет поддержкой без доверия. Парализованная публичность и неограниченное государство создают удобные каналы подмены публичного порядка порядком приватным, когда частные интересы поработают и тело государства, и пространство публичности» [7]. Эти структурные деформации поля политики не просто поставили публичный сектор в условия выживания, но и усилили переток общественных ресурсов в пользу наиболее зажиточных слоев. Таким образом, дефицит публичности оказался и показателем нарастания социально-экономических диспропорций. Не стоит и говорить, что результатом такой политики стала массовая демотивация гражданской активности и активизация агрессивных группировок экстремистского толка.

Задачи перехода к системной модернизации, нацеливают на формирование национальной инновационной системы, создают повышенный спрос на функции и услуги, связанные с гражданской экспертизой и гражданским контролем, расширением границ и качества публичной политики, поскольку только последняя позволяет «свежей крови» социальных и гражданских инноваций взломать стагнирующий механизм «управляемой демократии».

Гражданское общество вновь становится предметом повышенного научного и политического внимания по всему миру. Органы власти, международные организации, доноры и организации третьего сектора стремятся развивать гражданское общество в надежде на то, что это поможет демократизации, борьбе с бедностью и накоплению социального капитала. Несмотря на все обращенное к нему внимание, гражданское общество остается «ускользающей концепцией и еще более ускользающей реальностью». Действительно, в отношении понимания гражданского общества существует много очень спорных позиций. Но если «огрубить» и «спрямить» это все многообразие, то на поверхность выпукло выйдут две тенденции трактовки концепта гражданского общества. Одна вырастает из немецкой культурно-философской школы, достигая кульминации у Гегеля и Маркса. Свое дальнейшее развитие эта линия получила в социал-демократической традиции. Гражданское общество признается сердцевиной всей политики, здесь традиционно больше развито стремление к социальной справедливости, равенству. Государство с его властными отношениями должно участвовать в обеспечении функционирования гражданских институтов, чтобы гарантировать их демократическое управление, сдерживая рынок, стремящийся к поглощению и разрушению всего, что несовместимо с его логикой. Этот подход отвергает либеральную идею «государства — ночного сторожа» и подчеркивает, что государство должно быть демократическим и социальным.

Другая — *либеральная* — линия развития концепции гражданского общества центр тяжести переносит на свободу, ставя ее превыше всех ценностей, здесь особый упор делается на функцию саморегуляции гражданского общества, выступающего хранителем индивидуальных прав и свобод, защитником (гарантом) их от посягательств государства. Свободная и независимая личность — это центральная фигура гражданского общества. Сторонники такого подхода свое внимание сосредоточивают на разрушительной энергии государства, способной оказывать деструктивное воздействие на такие институты, как семья, церковь, профессиональные и локальные ассоциации и др., забывая при этом, что и сами институты гражданского общества могут взаимно подрывать друг друга, проявляя экспансионизм (например, рынок). Здесь акцент ставится на примате общественного, апофеозе прав и свобод, ассоциативности и самоорганизации, индивидуалистических ценностных ориентациях. Общественные проблемы решаются гражданами, а государство служит интересам общества и личности. Получив широкое распространение в США, эта концепция укоренилась там, возможно, благодаря тому, что государственным идеалом было самоуправление свободных граждан на свободной земле и сильное недоверие к любой исполнительной власти, которая во время революции ассоциировалась с колониальной администрацией, а бюрократия появилась позже демократии и на ее базе [9].

Таким образом, гражданское общество² как сфера свободного и поливариантного взаимодействия граждан, которые передоверяют государству функцию осуществления общенационального интереса и обеспечения целостности общества, исторически возникло и развивалось как система своеобразной «обратной связи» на различные подсистемы социума, которая выполняла, соответственно, функции коррекции, оптимизации и смягчения форм протекания социальных процессов и взаимодействий. Гражданское общество в первую очередь обращается к способностям граждан, рассматривает общественность как основной политический капитал и говорит на языке практических решений проблемы и укрепления взаимодействия между людьми. Для гражданского общества органической нормой является диалоговый режим общения, партнерство и отношения сотрудничества, многомерность восприятия проблемы и, соответственно, многомерность ее решения (с учетом экономических, экологических, культурных и прочих аспектов), открытость потоков информации и публичность своей позиции, соревновательность интересов, поливариантность ролей и целей и примат горизонтальных, кооперативных связей.

² Под гражданским обществом понимается совокупность неополитических отношений (экономических, национальных, духовно-нравственных, религиозных и пр.), область спонтанного самопроявления интересов и воли свободных индивидов и их ассоциаций, огражденная законом от регламентации их деятельности со стороны государственной власти.

Думается, вместо вопросов о наличии или отсутствии гражданского общества продуктивнее с исследовательской точки зрения перейти к вопросам о его характере в России, силе и составе, тенденциях развития. Гражданское общество в России, особенно современное, вышло из административно-командной системы СССР. Оно несет мощный заряд антиэтатизма. По своей сути это не завершённый демократический проект. Это общество ещё не консолидировано, но уже сильно стратифицировано.

С точки зрения оптимальных условий своего развития гражданское общество в «путинскую эпоху» находилось в более сложных и трудных условиях, чем прежде. Приход президента Медведева и переход к дискурсу системной модернизации и инновационного типа развития позволил выдвинуть в первом президентском послании Федеральному Собранию в ноябре 2008 г. так называемых 10 политических инициатив, связанных с расширением масштабов и качества народного представительства, возратить интерес к нормам и ценностям демократии и ограничения всевластия политико-государственной бюрократии, которая все больше стала превращаться в оплот и фундамент политической системы российского общества. На заседании Госсовета 22 января 2010 г. эти идеи получили более конкретное развитие, воплотившись в ряд законодательных актов по расширению политической конкуренции и реальной многопартийности [8].

Важной тенденцией в развитии гражданского общества стало то, что в его среде стали нарастать тенденции разъединения организованного, институционально оформленного и «обласканного» властью гражданского общества и неформального, связанного прежде всего с «низовой» гражданской инициативой (т. н. движения «одной проблемы»). Организованное гражданское общество все больше интегрировалось в политическую надстройку и поощрялось сверху. Неформальное возникало снизу и жило по законам выражения наиболее острых проблем простых граждан. Можно особо отметить четыре сферы, в которых неформальные общественные организации были наиболее активны: защита прав обманутых дольщиков, протесты против уплотнительной застройки в крупных городах, борьба за изменение маршрута прибайкальского нефтепровода и движение автомобилистов. Основная часть активистов и руководителей новых неформальных организаций — представители нарождающегося в России среднего класса, отличительные черты которых — обладание собственностью, а также высокий образовательный уровень и преимущественно умственный характер работы. Такого рода сочетание признаков в условиях, когда массово нарушаются конкретные имущественные права (жилищные, автомобильные, земельные и т. п.), приводит с высокой долей вероятности к самоорганизации, коллективным действиям. Это же сочетание черт образа жизни рождает обостренное чувство социальной справедливости в случае ее

несоблюдения, например в экологической сфере, а также стремление к благотворительности.

В России в «путинскую» эпоху утвердилась определенная культура недоверия, или, точнее, «кризис доверия». Россияне почти не видят возможности добиться изменений с помощью гражданской активности, таким образом, отсутствует важнейшая предпосылка для мотивации к гражданскому участию. Многие эксперты указывают на то, что доверие российских граждан внутри общества чрезвычайно мало, что российское общество представляет собой скорее общество индивидуализированное или даже атомизированное. Так, по оценкам Левада-Центра, только 26% из 2000 опрошенных заявили, что они доверяют своим согражданам; почти половина опрошенных отметила, что взаимное доверие с 2003 г. в российском обществе ощутимо уменьшилось [2, с. 18]. К этому виду недоверия добавилось слабое проявление доверия к политической системе, прежде всего вера в возможность участвовать в принятии решений и формирования общезначимой повестки дня развития общества. Многие решения перестали приниматься с учетом мнения даже больших социально значимых групп (проталкивание «сырого» 83-ФЗ — закона о коммерциализации бюджетной сферы, американской модели образования — ЕГЭ, «болонского процесса», которые подвергаются значительной критике со стороны общественности и экспертной среды, и т. д.).

Традиционно российское недоверие к институтам власти в России усугубилось «социальными травмами» от насильственного и разрушительного по результатам внедрения в его тело неолиберальных ценностей. В российском обществе ещё полностью не завершён «реабилитационный период» после «травмы», полученной в 1990-е гг., и новая, объединяющая всех граждан, система ценностей до сих пор не сформирована. Тотальный «кризис доверия» в стране обусловлен, с одной стороны, сильнейшим напряжением адаптационного индивидуализма, позволяющего населению справляться с тяжёлыми проблемами выживания, а с другой стороны, неумолимым действием закона социального сравнения, когда люди отчетливо видят, что их снижающееся благосостояние, нарастающая бедность вполне сочетается с демонстративной роскошью и богатством власть предержащих, живущих по законам «приятельского капитализма». Американский социолог Р.Д. Патнэм, известный специалист по исследованию проблем социального капитала и социального доверия, заметил в отношении России, что «при отсутствии в обществе взаимности и структур гражданской вовлеченности вариант итальянского Юга — аморальная семейственность, клиента, беззаконие, неэффективное управление и экономическая стагнация — представляется более вероятным исходом, чем успешная демократизация и экономический прогресс. В Палермо просматривается будущее Москвы» [11, р. 288]. Таким образом, «негативный фабилизм», фрагментация социальных отношений,

выражающаяся помимо прочего в недоверии к согражданам, сопровождаются в современной России отсутствием доверия к государственным и политическим институтам, от которых люди ждут необходимой поддержки. Эти условия усиливают пассивность граждан. Большой коэффициент доверия президенту (на уровне 60-70%), церкви (на уровне 40-50%), армии (30-40%) являются коррелятами системы, в которой от человека практически ничего не зависит. В таких условиях парадоксальная вера в президента (при тотальном недоверии к патронируемому им государственному аппарату) воспринимается как последний предел надежды и имеет в своей основе нечто нерациональное. Отсюда столь чтимая обществом система «ручного управления», которая иллюзорно компенсирует низкую эффективность всей политической системы, в первую очередь государственного управления.

Другой особенностью последнего десятилетия в развитии гражданского общества стало нарастание имитационных структур рамочного взаимодействия гражданского общества и государственной власти. С 2000 г. российское правительство создало ряд консультативных форумов и структур для развития диалога и сотрудничества с гражданским обществом (сегодня их насчитывается около 52). Так, почти у каждого министерства есть подчиняющийся ему совет. Однако все они работают с разной степенью эффективности. В то время как одни ведомства, например, Министерство экономического развития (Э. Набиуллина), успешно сотрудничают со своим советом, другие остаются герметично закрытыми. Бесспорно, что многие из этих советов делают важную работу. К примеру, Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека является важной структурой, влияющей на принятие определенных решений; деятельность советов при министерствах также направлена на то, чтобы обеспечить доступ к политической системе. Однако такие консультативные структуры не означают априори роста демократической культуры и расширения возможностей гражданского участия. Они всего лишь свидетельствуют о том, что объединенная «экспертократия» все больше отстраняет от принятия решений реальные гражданские движения и инициативы, которые вынуждены в ультимативном порядке, методами «прямой демократии» адресовать свои требования властям (например, защитники Химкинского леса, активисты Архнадзора, экологические организации, сопротивлявшиеся принятию того Лесного кодекса, который привел к уничтожению лесозащитной функции и передаче лесов в частные руки и пр.). Получается, что назначенные, а не избранные Советы консультируют правительство, участвуют в разработке политических программ и дают оценку внешней политики, лишая «силы» демократические легитимные институты и усиливая негативные корпоративистские тенденции в модели взаимодействия государства и гражданского общества. Нарастание в цепочке взаимодействия лояльных, сверху назначенных посредников от гражданского

общества свидетельствует о том, что эпоха равноправного диалога гражданского общества и власти закончилась в период второго президентства В.В. Путина в 2004 г. С этого момента в политическом дискурсе путинского режима стали преобладать концепты «борьба с терроризмом», «национальная безопасность», «стабилизация и управляемость» и чуть позднее — «мировой экономический и финансовый кризис».

В этом ряду особое место занимает Общественная палата РФ (далее — ОП), созданная в 2005 г. Тот факт, что президент Путин объявил о создании ОП РФ в рамках пакета мер по борьбе с терроризмом после теракта в Беслане, не добавило доверия новому институту. Многие эксперты справедливо отмечают, что если бы политическая система хорошо работала, в созданной ОП не было бы необходимости. Иными словами, при сильном парламенте такой институт, как ОП, не нужен. При слабом парламенте Палата не способна ничего добиться. Помимо этого, институциональная структура ОП, процедура ее формирования и сфера компетенции — вопросы сложные. С одной стороны, они разделяют гражданское общество на политически услышанных (члены Палаты) и не услышанных, с другой — искусственно сужают область возможных замечаний со стороны гражданского общества и его вмешательства в вопросы, касающиеся его собственных рамочных условий существования. Закон об ОП РФ устанавливает определенные рамочные предписания и запреты, вытесняя ее на периферию политического процесса. В нынешнее время устойчиво формируется полукompромиссная позиция, что все-таки нужно использовать открывшуюся возможность, чтобы расширить практику «переговорных площадок» и хоть как-то закрепить сохраняющийся «коридор возможностей» для формирования демократических институтов.

В условиях перехода к задачам политической модернизации многие исследователи стали чаще выносить в центр обсуждения те вопросы в осмыслении роли гражданского общества в этом процессе, которые указывают на то, что гражданское общество — единственное средство формирования человеческого капитала и главное «хранилище» социального капитала, без чего невозможно вести речь об успешности реализации любых проектов серьезной модернизации общества [1]. Важную роль в этом отношении играют сетевые структуры, структурными элементами которых выступают, как правило, некоммерческие организации. Согласно логике ежегодных докладов Общественной палаты РФ, некоммерческие организации рассматриваются как наиболее продвинутые и современные организации гражданского общества конца XX — начала XXI столетия. И это в определенной мере справедливо. Организации «третьего сектора» — новый, динамично развивающийся сегмент современного гражданского общества, в том числе и в России. На 1 января 2009 г. этот новый сектор гражданского общества, по последним данным Росстата, включал 429,2 тыс. некоммерческих

организаций (без государственных и муниципальных учреждений), среди которых 22% занимались оказанием социальных услуг, 17% составляли культурные и образовательные учреждения, столько же правозащитные, 11% — занимающиеся развитием жилищно-коммунальных видов деятельности и т. д. [4, с. 24]. Услугами НКО при решении различного рода социальных проблем (социальное сиротство, борьба с наркоманией и туберкулезом, экологические проблемы и пр.) ежегодно пользуются 15% населения страны. НКО стали фактором и экономического роста — в их рамках создано более миллиона рабочих мест. Можно со всей определенностью сказать, что на региональном и местном уровне НКО стали инициаторами развития новой формы социального партнерства — межсекторного социального партнерства (далее — МСП) между государством, бизнесом и некоммерческим негосударственным сообществом. Глубинная его суть состоит в переходе от электоральной демократии к «демократии участия», в формировании реальных механизмов такого участия, в кристаллизации субъектов «низового» демократического движения, в способности агрегировать и артикулировать интересы местного и регионального сообщества соответствующим органам власти. Государство, особенно в условиях кризиса, не может в одиночку справиться со всем грузом социальных проблем, обеспечивая нормальные условия воспроизводства и развития человеческого капитала, а тем более социального. Исходя из сказанного, можно выдвинуть предположение, что по мере усиления инновационного типа развития возрастет роль социальной сферы и будет расширяться влияние институтов гражданского общества как субъектов публичной политики. Согласно исследованиям Р. Ингелхарта и Р. Патнэма [12] постиндустриальные страны требуют формирования новых общественных организаций — некоммерческих, более мобильных и чувствительных к социальным изменениям, а традиционные институты гражданского общества (партии, религиозные организации, профсоюзы) утрачивают свое значение. При этом в тех же странах наблюдается довольно быстрый рост социального капитала в децентрализованных неиерархических структурах гражданского общества, которые, как правило, являются не очень большими, компактными и объединяют вокруг себя узкие группы людей с общими интересами. Эти институты развиваются в постиндустриальном обществе достаточно быстро. По данным многих социологических исследований, именно они приобретают все большее влияние. И если в долгосрочной перспективе в России этого не будет происходить, то, как минимум, это будет косвенно свидетельствовать о замедлении модернизации и неспособности перешагнуть через порог, который отделяет индустриальное общество от постиндустриального. Новые формы социального партнерства, которые продуцируют новые общественные движения, основой которых являются НКО, способствуют формированию инновационно-реформаторских слоев и групп общества, укреплению основ его консолидации и качества социального капитала, без развития которых

невозможно решение задач системной модернизации. Последние исследования 1990-х гг. Р. Патнэма показали существенную связь социального капитала с существованием гражданского общества. Исследуя взаимозависимость культуры и экономического благосостояния различных сообществ, он пришел к выводу, что материальное благосостояние не является причиной развития социального капитала, наоборот, экономический рост происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность.

Серьезный вред развитию некоммерческого сектора нанесло ужесточение законодательства (печально известный Закон № 18-ФЗ). Президент Д.А. Медведев, выступая с критикой закона, подчеркнул, что законы об НКО уже нанесли достаточно урона, подогревая скрытое враждебное отношение бюрократии к общественным организациям. Весной 2009 г. Д.А. Медведев сам предложил либерализовать законодательство об НКО. Президент намерен создать в России нечто похожее на благотворительные союзы и закрепить институт общественно полезной деятельности в российской правовой культуре. Есть вероятность, что начавшаяся в 2009 г. либерализация правовых рамочных условий для общественных организаций приведет к возрождению кооперации и реального диалога.

Некоммерческий сектор уже почувствовал позитивные сигналы со стороны государства и политической системы в целом по улучшению своей нормативно-правовой базы и принципов конструктивного партнерства с государством. В частности, реализация Закона № 40-ФЗ о социально ориентированных НКО — это, по мнению многих экспертов, создание определенного «рычага давления для изменения общества», что предполагает отбор и тиражирование успешных технологий деятельности НКО через реализацию федеральной Программы поддержки социально ориентированных НКО.

Российские НКО сегодня меньше всего допускают факты политизации в своей активности, больше настроены на реальное и конструктивное сотрудничество, существенно повысили уровень своего внутриорганизационного менеджмента и качества предоставляемых услуг. Более того, как показывают последние исследования видного эксперта в области межсекторного социального партнерства (далее — МСП) В.Н. Якимца, за последние два — три года нормативно-правовое обеспечение реализации механизмов и технологий МСП продвинулось практически во все 83 субъекта РФ, а раньше в четверти регионов страны они отсутствовали [10]. Министерство экономического развития РФ проводит ежегодные конференции по мониторингу и анализу развития институтов взаимодействия НКО и органов государственной власти для оптимизации социальной политики и проявления гражданской и деловой инициативы в регионах России [6].

Изменение законодательства о НКО в части мер, направленных на улучшение экономических условий деятельности НКО (развитие благотворительной

деятельности и добровольчества, налогообложения и бюджетного финансирования НКО, целевого капитала общественных организаций и преференций при участии в государственных торгах и тендерах) позволит создавать НКО-сектору страны не 0,5% валового внутреннего продукта (как в настоящее время происходит в России), а до 15-17% ВВП (как в Нидерландах). Так что поддержка НКО выгодна государству. Налоговые льготы для некоммерческого сектора обойдутся бюджету в копейки в сравнении с другими статьями, тогда как эффект от социальной деятельности общественных организаций в условиях экономического кризиса несоизмеримо больше. Расширение возможностей для гражданского контроля даст возможность более эффективно расходовать средства федерального бюджета. С помощью гражданского контроля можно спасти бюджетные средства, оседающие в карманах коррупционеров. И самое главное, поддержка активной социальной деятельности НКО позволит сформировать устойчивую мотивацию для реализации модернизационных проектов. А это важный шаг на пути предотвращения имитации системной модернизации общества.

Эффективное взаимодействие активного гражданского общества и сильного государства — важнейшее условие гармоничного развития обоих. Глубокие сдвиги на рубеже XX — XXI вв. вывели Россию из ситуации, когда политический режим ставил почти непреодолимые препятствия широкой гражданской самоорганизации. Вместе с тем взаимоотношения структур гражданского общества и государственных органов пока далеки от идеала. Основная причина в том, что в стране еще не завершился процесс становления как зрелого гражданского общества, так и сильного, эффективного демократического государства, хотя в основном они уже сложились. Далеко не весь спектр законных интересов и повседневных забот граждан находит выражение в деятельности оформленных сообществ и запросах, которые они предъявляют к органам власти.

Со своей стороны, далеко не все государственные и муниципальные органы заинтересованно работают с общественными структурами. Более того, деятельность государственного аппарата в целом не удовлетворяет ни общественность, ни политическое руководство страны. Это неоднократно подчеркивалось в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Один из наиболее действенных факторов улучшения работы госаппарата и искоренения коррупции — контроль со стороны общественных структур, разумеется, при условии, что он осуществляется компетентно и ответственно. Во многом успешность политической модернизации зависит от качества государственного управления. Сегодня уже не оспаривается, что решающая роль в процессе трансформации должна принадлежать государству, потому что именно в государственной сфере возможна «поддержка идентичности социального

целого в его движении от прошлого к будущему» [14, р. 451]. Но какова сегодня российская государственность? Исследования, проведенные социологической лабораторией РАГС, показали, что существующая политико-административная система самодостаточна, носит самовоспроизводящийся характер и в этом качестве тормозит демократическое и социально-экономическое развитие страны. Данные опросов подтверждают, что ценности солидарности, взаимности, консенсуса не обладают сколько-нибудь значимыми регулятивными функциями в российском обществе. В этих условиях формируется система неформального согласования интересов, прав и обязанностей, основанная, естественно, не на законе, а на коррупционных отношениях и «диком лоббизме». Функции государства узурпируются разного рода кликами, которые не признают общепринятых норм гражданской и правовой культуры. Совокупность подобных клик образует сеть отношений, масштабы которой позволяют определить ее как теневое государство. Это ставит под вопрос возможность трансформации российского социума в современное гражданское общество с развитой правовой культурой и становления в нем цивилизованного корпоративизма [4, с. 10].

Таким образом, проблема формирования сильной, эффективной государственности, столь необходимой для успешной реализации проектов политической модернизации, состоит в том, что административный тип власти не только автономен и устойчив, но и носит экспансионистский характер. Это означает, что бюрократическая модель властвования не только действует в рамках административной функции, но и способна захватить ту часть государственной власти, которая должна жить по законам политической логики властвования. В мире, состоящем из сложных организаций, административный тип власти может копироваться через впитывание основной матрицы этой власти всеми институтами общества и создавать тем самым определенный тип общественной организации, стиль жизни, позволяя говорить о бюрократическом типе общества, о бюрократическом ритме его развития.

Если администрирование в этих условиях окончательно возьмет верх над политикой, то попытки отстроить жесткую вертикаль власти приведут к утрате чувствительности к сигналам обратной связи, особенно, если они несут с собой нежелательную, неприятную информацию. Жесткая властная вертикаль станет неповоротливой и негибкой в условиях высокодинамичного общества. В результате возникает угроза распада системы саморегуляции.

Применительно к сегодняшней России неуместен спор, должно ли государство направлять развитие гражданского общества либо гражданское общество призвано максимально ограничивать государство. Фактические данные свидетельствуют о том, что граждане ожидают и от государства, и от граждан-

ского общества гораздо большей активности и эффективности, считая необходимым их равноправное партнерство.

Гражданское общество, будучи средством формирования и продвижения социального капитала, является мощнейшим ресурсом политической модернизации, главная опасность в осуществлении которой — имитация. Авторитарные методы могут быть эффективным инструментом преодоления хаоса, выхода из кризиса. Но только в том случае, если ясны цели, задачи и методы такого процесса. Однако жесткие методы неприемлемы в сложных ситуациях, когда не только отсутствуют проверенные технологии решения проблем, но не ясны сами стратегические цели. Именно поэтому все развитые государства мира существуют в демократических системах ценностей, имеют демократическую политическую систему. Управленческие системы, где люди отчуждены от власти, где их духовно-нравственные потребности и интересы в значительной степени игнорируются и подавляются, неуклонно разрушаются, хотя и такие системы способны существовать довольно долгое время. К сожалению, именно проблемы определения стратегий развития, ценностных ориентаций общества представляют главную проблему страны. Именно поэтому так опасны в длительной перспективе авторитарные тенденции в формировании политической системы России, игнорирования и подавления гражданских институтов и субъектов. Особенно для судеб политической модернизации. Россия опять на распутье.

Библиографический список

1. Аузан А. Национальная формула модернизации. URL: [http://www. polit.ru/lectures/2009](http://www.polit.ru/lectures/2009).
2. Левада-центр: Общественное мнение-2008. М.: Левада-Центр, 2008.
3. Мерсиянова И. В. Тенденции развития гражданского общества (по результатам эмпирического исследования). М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
4. Митрошенков О. Граждане не заметили диктатуры закона // Независимая газета. 2003. 11 февр.
5. Патнэм Р. Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4.
6. Практика межсекторного взаимодействия. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах. М.: Минэкономразвития, НИУ-ВШЭ, 2010.
7. Сморгунев Л. В. Государство и политика модернизации: доклад на Всероссийском Семинаре «Политическая модернизация в России: между авторитарным и демократическим выбором». Курск: Курский гос. ун-т, 2010.
8. Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 2010. URL: [http://news. kremlin.ru/transcripts/6693/print](http://news.kremlin.ru/transcripts/6693/print)
9. Токвиль А. де Демократия в Америке. М., 1992.

10. Якимец В.Н., Исаева Е.А. Рейтинг субъектов РФ по продвижению Механизмов межсекторного социального партнерства и описание нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность гражданского общества в Ярославской области // Оценка состояния и развития гражданского общества России. Проблемы, инструменты и региональная специфика/Труды института системного анализа РАН. М., 2010. Т. 57.
11. *Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R. Y.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy. New York, 1993.
12. *Putnam R.* Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America // *Political Science and Politics*. 1995. Vol. 28, №4.
13. *Rhodes R.A. W.* The New Governance without Government. In: *Understanding Governance Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability*. Maidenhead: Open University Press. 2003.
14. *Touraine A.* Modernity and Identity // *International Journal of Social Science*. 1988. Nov. № 118.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО И ПРОФСОЮЗЫ В СИСТЕМЕ ЗАДАЧ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

.....

М.А. Молокова¹

В статье проблемы взаимодействия власти и гражданского общества рассматриваются через такой традиционный институт представительства социально-трудовых интересов наемного труда, как профсоюзы. Показывается непростая эволюция профсоюзного движения в сторону развития полноценного социального партнерства. В этом процессе традиционные профсоюзы утрачивают роль истинного защитника социальных интересов большинства представителей наемного труда. Во многом эта роль перешла к альтернативным профсоюзам. Но они малочисленны и их действия не меняют общую, неудовлетворительную ситуацию по соблюдению принципов справедливости в области интересов наемного труда и не способствуют формированию консенсусной политической культуры в российском обществе.

Ключевые слова: социальное партнерство, традиционные профсоюзы, альтернативные профсоюзы, кризис, консенсусная культура.

The problems of interaction between government and civil society through such a traditional institution of representation of social and labor interests of wage labor, as labor unions. Shows the evolution of the difficult trade-union movement in the direction of development of a healthy social partnership. In this process, the traditional trade unions are losing the role of the defender of the social interests of the majority of the representatives of employees. In many ways, this role was transferred to an alternative trade unions. But they are few and their actions do not change the overall, unsatisfactory situation on the principles of justice in the interests of employees and do not contribute to the formation of a consensual political culture in the Russian society.

Key words: social partnership, the traditional trade unions, alternative trade unions, crisis, consensus culture.

Современная мировая ситуация показывает, что государство утрачивает свое монопольное положение как единственный инструмент политики, оно оказывается опутанным сложной сетью других общественных

¹ Молокова Маргарита Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Юго-Западного государственного университета. Эл. почта: peggy2007@yandex.ru

и политических организаций и институтов, которые сформировались в среде гражданского общества и стали по-новому выстраивать систему своего взаимодействия с государством.

Проблема формирования конструктивного взаимодействия между государством и гражданским обществом является одной из ключевых в процессе осовременивания политической системы общества. К тому же, как показывает практика, характер их взаимоотношений непосредственно влияет на эффективность функционирования политической системы как целостного образования, которому для сохранения стабильности необходимо наличие постоянной обратной связи с внешней средой. Нынешняя система социального партнёрства представляет собой реальный механизм осуществления прямых и обратных связей между обществом и государством и служит своеобразным общественным институтом поддержания динамического равновесия в современном социуме. Главная цель функционирования данной системы — развитие каналов взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом для достижения социального консенсуса как на макроуровне — в масштабах всего общества, так и на микроуровне — в пределах отдельной территории или предприятия.

Более определенно о позитивной корреляции между развитием гражданского общества и осовремениванием политической системы в направлении демократических ценностей говорят исторические факты. История промышленного капитализма на Западе свидетельствует: распространение и законодательное закрепление профсоюзных прав и свобод (а это один из важных критериев демократии) способствовало переходу от экстенсивных к интенсивным методам промышленного производства, подталкивало к созданию и применению новой техники, приучало к солидарным действиям и правовым процедурам в урегулировании конфликтов между наемным трудом и капиталом.

Было бы неверно механически переносить особенности эпохи промышленного капитализма на современность. Наиболее развитые страны, на которые ориентируется российская политика модернизации, вступили в постиндустриальную эпоху. Роль демократических прав и свобод в стимулировании инновационного развития особенно значима, она приобретает новые измерения, отражающие требования новой эпохи. В российских реалиях потребность в защите социальных прав на труд и достойный заработок в глазах населения выступает первым маркером движения в демократическом направлении и возрастания роли гражданской консолидации.

Недемократический характер российского капитализма запустил и вырастил глубинное противоречие между узкоклановой формой присвоения общественного богатства и необходимостью актуализации (интенсификации) социальных форм общественного развития, когда требуется прекратить «перевод богатства во власть» (Р. Дарендорф) и сделать реальностью

гражданские и социальные права для всех, а не только для избранных. Именно поэтому финансово-экономический системный кризис, наиболее остро проявившись в социальной сфере (в стране закрывались предприятия, росла безработица, сокращалась заработная плата и снижались реальные доходы большинства граждан), начал возвращать к жизни большую политику, задевающую интересы больших социальных групп и публично предъявляющую вопросы к представителям правящего класса: почему Россия упала глубже многих развивающихся экономик, в том числе и соперников по BRIC.

Социальное партнерство как *консенсусный тип* социального взаимодействия индивидов и их организаций, обладающих разными статусами, но выступающих при этом в качестве равноправных, самостоятельных субъектов, согласовывающих свои действия на основе взаимного учета интересов и потребностей, выросло из социального конфликта и стало альтернативным выходом из глобального экономического кризиса 1930-х гг., породившего множество конфронтационных столкновений. Социальное партнерство как принципиально новый тип общественных отношений, пронизывающий все сферы общества, и прежде всего социально-трудовую, утверждается как система в общественной жизни Запада со второй половины XX столетия. Формирование и эволюция теории социального партнерства взаимосвязана с проблемами возникновения и развития «организаций труда», «производственных ассоциаций». Наиболее полно идеи справедливого обмена между товаропроизводителями, борьбы различных социальных сил представлены в исследованиях П. Прудона и Л. Бланки. Идеи общественной солидарности раскрываются в трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Р. Дарендорфа.

По своему содержанию политика социального партнерства — это цивилизованная форма человеческого общежития, обеспечивающая защиту интересов людей наемного труда, предпринимателей (работодателей), органов государственной власти путем стремления к договору, достижению консенсуса, выработки и осуществления единой позиции по важнейшим направлениям социально-экономического развития. Следовательно, к субъектам социального партнерства относятся наемные работники, работодатели и государство. Соответственно, институтами, представляющими их интересы, выступают профсоюзы, общественные объединения и партии, объединения работодателей, правительство, а также органы государственной власти и местного самоуправления.

Переход российского общества к иному строю, основанному на частной собственности, конкуренции и личной инициативе, без смягчающей социальной поддержки стал мучителен для большинства россиян. Все посткоммунистические общества платят за переход к рынку и демократии определенную социальную цену. Весь вопрос состоит в том, какова она. Ведут ли реформы к большей социальной справедливости, большей экономической

эффективности и устойчивости общества или нет? Иначе говоря, какой ценой мы платим за прогресс и во имя чего? Процесс модернизации в России стартуется на фоне «плохих» социальных показателей.

Так, социальный уровень развития России значительно отстает от экономического. Если по экономическому уровню мы занимаем примерно 50-е место, то по индексу социального развития — 60-е, по средней продолжительности жизни — 100-е место, по жилищным условиям, включая комфортность, — 80-100-е места среди 200 стран мира. Средняя продолжительность ожидаемой жизни в России на 10 лет ниже (в том числе мужчин — на 13 лет, женщин — на 7 лет), чем в развитых странах мира [1, с. 13].

Велико социальное расслоение и неравенство. Средний доход 10% самого богатого населения превышает средний доход на душу населения бедных примерно в 16 раз. Для сравнения: в Западной Европе этот показатель составляет 8 раз, в Японии (до природных катаклизмов весны 2011 г.) — 5-6 раз.

Одновременно новые экономические вызовы требуют повышения качества человеческого капитала. Между тем по уровню образования Россия сейчас занимает 37-е место в мире, тогда как в 1960-е гг. по уровню и качеству образования мы входили в первую пятерку.

Россия сильно отстает от передовых в техническом отношении стран по объему ВВП на душу населения (в 3-4 раза), а это один из самых важных показателей состояния человеческого капитала [5, с. 37].

Помимо этого в стране складываются неблагоприятные социальные процессы. Во-первых, значительно деформировалась социальная стратификация. Неравенство по доходу в России выше, чем в переходных посткоммунистических государствах Европы. Пропасть между бедными и богатыми стремительно увеличивается, демонстрируя растущую поляризацию населения по уровню доходов. Как отметил В. В. Шмаков в своей речи на VII съезде ФНПР, «сегодня в России есть одно государство, но два народа. Один народ в состоянии тратить на собственные прихоти ежемесячно десятки тысяч долларов. И второй народ, которому рассказывают о том, что увеличение зарплаты никак невозможно. Стоит ли говорить о том, что такой разрыв в доходах невозможен в цивилизованной стране?! Стоит ли говорить о том, что подобная разница в доходах приводит к тому, что и свои конституционные права эти два народа могут реализовывать по-разному. Для детей одних — учеба за границей, для других — летний «отдых» на городском асфальте» [4]. Во-вторых, масштабы бедности в России остаются довольно существенными. Р. В. Римашевская точно заметила, что прожиточный минимум является не границей бедности, а границей нищеты. Лидеры профсоюзов предпочитают использовать понятие «социальный минимум» при обсуждении проблем доходов и бедности с правительством и предпринимателями. Это более

широкое по определению понятие, чем прожиточный минимум, ведь кроме питания еще есть расходы на транспорт, коммунальные услуги и жилье, медицинские услуги и пр. Было подсчитано, что для оплаты всех необходимых товаров и услуг доход рядовой российской семьи должен быть, по крайней мере, в 2 раза выше, чем доход, которым она располагает в настоящее время. Поэтому, по мнению профсоюзов, социальная политика государства должна быть ориентирована не на прожиточный минимум как показатель, обеспечивающий физическое выживание, а на социальный минимум, принимаемый как база для расчетов. Сегодня более половины населения России имеет доход ниже уровня социального минимума.

В этой ситуации главная цель профсоюзов, традиционного элемента гражданского общества, состоит в том, чтобы активно влиять на перераспределение общественного богатства в интересах наемных работников, что означает — в интересах стабильного развития общества и его демократических институтов. Так, согласно А. Гидденсу, профсоюзы возникли для защиты материальных интересов промышленных рабочих: «Тред-юнионы появились в первую очередь как средство компенсации дисбаланса власти между рабочими и работодателями» [12, р. 23].

В условиях незавершенности процессов социальной модернизации, когда не разрешены классические противоречия времен индустриализации, целью модернизации России должно стать не только устойчивое и поступательное развитие экономики, но и качественное увеличение инвестиций в человеческий капитал, в образование, здравоохранение, науку, жилье. В рыночной экономике рост уровня жизни работника возможен либо через серьезное увеличение зарплаты работникам, либо через развитие сети бесплатных услуг. Однако, как подчеркивалось в выступлениях на недавно прошедшем VII съезде ФНПР, «в реальности нет ни того, ни другого». На повестке дня, таким образом, повышение степени социальной защищенности, повышение уровня жизни работников, преодоление чрезмерного социального расслоения общества.

Необходимость формирования системы социального партнерства на всех уровнях общества связана с его кризисным состоянием, требующим согласия в обществе между основными социальными силами для преодоления кризиса. Необходимость возникновения и развития социального партнерства обусловлена объективно. Она связана с тем, что основные субъекты не могут реализовать свои интересы друг без друга, без взаимодействия. Здесь-то и возникает осознание необходимости обеспечения оптимально возможного сбалансирования интересов субъектов, т.е. выхода на путь социального партнерства.

Главная цель социального партнерства состоит в достижении социального согласия, а значит, и мира. Исходя из этого, можно назвать пять основных условий партнерства в социальной сфере:

- 1) взаимное признание интересов сторон (партнера) как важных и правомерных;
- 2) паритетность на всех стадиях партнерских отношений, в том числе и при принятии решений;
- 3) социальную справедливость при регулировании интересов и действий, особенно в сфере труда и распределения доходов;
- 4) поиск и нахождение компромисса при решении спорных и конфликтных вопросов, преследующие главную цель партнерства — достижение социального согласия;
- 5) взаимную ответственность сторон за исполнение (и неисполнение) согласованных решений.

Таким образом, сущность системы социального партнерства составляет *механизм партнерских отношений*, основу которого образуют способы, процедуры, формы, методы взаимодействия, система контроля выполнения принятых договоров, соглашений, организационно-функциональные структуры. Механизм социального партнерства характеризуется постоянно действующим переговорным процессом, политико-правовым обеспечением и нормативным установлением процедур согласования интересов, участием представителей общественных объединений в выработке договоров и соглашений. По иерархическим уровням механизм социального партнерства разделяется на федеральный, региональный, отраслевой и территориальный.

В России отсутствуют оптимальные условия для формирования социального партнерства, подобного западному. Однако нельзя сказать, что такие условия отсутствуют вообще. Конституция РФ провозглашает правовое, социальное государство, ориентацию на социально ориентированную рыночную экономику. Институт социального партнерства официально закреплен рядом правовых актов. И самое главное, в России существует так называемый субъективный фактор — преобладание в общественном сознании ориентации на социальный мир, а не на конфронтацию [2, с. 224].

Сегодня с еще большей остротой встает другой актуальный вопрос: кто сумеет эффективно защитить интересы простых людей, их социально-экономические права? В развитых демократических странах, по определению, это делают прежде всего профсоюзы. А как в России с данной задачей справляются эти столь важные институты гражданского общества? Российские профессиональные союзы действуют на политической арене очень короткий период времени по сравнению с западными профсоюзами. Профсоюзы, существовавшие в советский период, были частью государственной системы управления и ни в какой мере не могут быть причислены к общественным организациям. Всего лишь за последнее десятилетие XX столетия и первое десятилетие нового века многие российские профсоюзы прошли путь

от рабочей самоорганизации, противостоящей работодателям и государству, до института современного российского общества, встроенного в систему социального партнерства.

В былые времена профсоюзы воспринимались населением как служба по социальному распределению путевок, жилья и прочих социальных благ на предприятиях и в организациях. В постсоветское время в связи с углублением противоречий на рынке труда на первое место вышла правозащитная функция: 61% представителей работающего населения на рубеже веков видело главную задачу профсоюзов в борьбе за повышение заработной платы, 58% — в защите от увольнений и безработицы, расширении и укреплении социальных гарантий, 27% по-прежнему считали основной задачей профсоюзов организацию отдыха и досуга трудящихся. Массовые представления о защитной функции профсоюзов мало изменились на протяжении последних 8 лет [9, с. 180]. Сегодня общество ожидает от них прежде всего эффективной, действенной защиты своих трудовых прав. В разгар финансово-экономического кризиса в 2009 г. острота социальных конфликтов в экономике показала себя в полный рост.

В развитых европейских странах наемные работники добились сохранения достойных заработков и привлечения внимания к своим социально-трудовым правам только благодаря упорной борьбе профсоюзов. Статистические данные свидетельствуют, что, несмотря на существенное изменение профессионального состава, трудящиеся, работающие по найму, как и прежде, составляют подавляющее большинство активного населения экономически развитых стран. Это означает, что потенциальная массовая база профсоюзов отнюдь не сократилась, но они изменили, дополнили, **обновили** свои требования с учетом специфических интересов новых слоев наемных трудящихся. Данную задачу профсоюзы западноевропейских стран решают, однако не везде им удается осуществить свою концептуальную и организационную модернизацию в сжатые сроки, что сказывается, конечно, на их численности и влиянии. Согласно официальным статистическим данным за 2007 г., сохраняют без потерь свою массовую базу профсоюзы Скандинавских стран: в Швеции состоят в профсоюзах 78% трудящихся, в Дании — 70,4, в Финляндии — 74,1%, т. е. профсоюзы объединяют от 2/3 до 3/4 трудящихся этих стран. В Австрии, Италии, Ирландии этот показатель составляет около 35% (т. е. треть работающих). В Германии членами профсоюзов являются 22,6% трудящихся, в Испании — 16,3%, во Франции — 8,3% [8, с. 43].

Для того чтобы оценить, насколько профсоюзы некоторых западноевропейских стран учитывают в своей деятельности изменения, происходящие в мире труда и в обществе в целом, следует проанализировать, как изменилась их численность и состав за последние 20-25 лет. Интересен, например, опыт профсоюзов Италии. В 1986 г. три наиболее представительных

профцентра этой страны *Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ)*, *Итальянская конфедерация профсоюзов трудящихся (ИКПТ)* и *Итальянский союз труда (ИСТ)* насчитывали 8,9 млн членов. Несмотря на различия в своих программных установках, три конфедерации поныне осуществляют принцип единства действий, что обеспечивает им доверие трудящихся. В 2007 г. численность членов *ВИКТ*, *ИКПТ* и *ИСТ* достигла 12,4 млн чел., т. е. возросла почти на 40%, при этом численность трех профсоюзов пенсионеров увеличилась с 2,7 млн чел. в 1986 г. до 5,7 млн чел. в 2007 г., иными словами удвоилась, и теперь пенсионеры составляют около половины членов итальянских профсоюзов. Примерно пятая часть — люди преклонного возраста, которые редко выходят из дома, но 80% итальянских пенсионеров — люди мобильные, как принято говорить, с активной гражданской позицией. В основном это бывшие профсоюзные активисты, сторонники левых партий, так что массовый характер митингам и демонстрациям, которые регулярно организуют итальянские профсоюзы, благодаря энтузиазму и дисциплинированности пенсионеров всегда обеспечен, в этом может убедиться всякий, кто посмотрит новостные передачи итальянского телевидения.

Следует отметить, что в течение последних 10-12 лет активизировали свою работу среди пенсионеров и профсоюзы Франции, Испании, Бельгии и других стран Западной Европы. *Европейская федерация профсоюзов пенсионеров* насчитывает около 12 млн членов, эта организация тесно сотрудничает с *Европейской конфедерацией профсоюзов*. Доля трудящихся, которые состоят в профсоюзах, — это, конечно, важный показатель их влияния в обществе, однако отнюдь не главный. Массовое движение протеста против увеличения пенсионного возраста на 2 года, которое организовали профсоюзы Франции, где охват профсоюзным членством самый низкий в Европе (менее 10%), наглядно показал, что нельзя заикливаться на статистических показателях, когда речь идет о социальных движениях, об общественных организациях, о мире труда. Главной причиной недавних демонстраций и забастовок во Франции, за которыми следили все европейцы, включая и российских граждан, было абсолютно не поддающееся ни статистическому учету, ни математическому анализу *мировосприятие* большинства французов: большинство французов не готовы отказаться от своего мнения и от свободной воли, они не готовы быть полностью управляемыми ни абстрактным законом рынка, ни конкретным правительством Саркози [8, с. 13].

В России официальные профсоюзы, входящие в ФНПР, оказались в большинстве случаев недееспособны, а альтернативные — крайне малочисленны и в силу этого слабы. Наемные работники перед угрозой увольнений или неоправданных сокращений заработной платы чувствуют себя экономическими и политически незащищенными, а предприниматели и шире — работодатели — свою безнаказанность и монополизм. Профсоюзов как будто нет! В начале

1990-х гг. традиционные профсоюзы не играли сколь-либо серьезной роли на политической арене и не имели влияния на процесс принятия решений. Они сохранили материальную базу советской профсоюзной системы, но численность их членов упала: люди выходили из профсоюза, так как он представлял скорее интересы администрации, нежели работников, не хотели платить членские взносы, переходили в альтернативные профсоюзы и т.п. Тем не менее из традиционных профсоюзов вышли далеко не все. Многие оставались «на всякий случай», просто потому, что хорошо помнили о роли профсоюзов в недавнее советское время. Кроме того, профсоюзы постарались сохранить свою распределительную функцию, опираясь на налаженные связи в сфере торговли и услуг. Однако даже сами члены этих организаций не рассматривали их как представителей и защитников своих интересов [6, с. 27]. Эта же тенденция сохранилась и в «нулевые» годы.

Зададимся вопросом, являются ли сегодня профсоюзы самостоятельной силой, способной отстаивать и выражать интересы наемных работников? К сожалению, в общественном сознании россиян самостоятельность профсоюзов в целом ставится под большое сомнение. Результаты многих исследований показывают, что многие россияне воспринимают профсоюзные организации как зависимую структуру: либо как слишком слабую для того, чтобы добиться от правительства и работодателей необходимого решения, либо как имитирующую оппозиционность. Даже когда профсоюзы громко заявляют о своем несогласии с правительством, они все равно выглядят в глазах населения приводными ремнями, которые начинают действовать только если это нужно правящим группам.

Насколько влиятельны и сильны наши профсоюзные организации? Самая массовая структура в России — ФНПР, насчитывающая в своих рядах 45 млн чел., т.е. 88% работающего населения не может похвастаться высоким мобилизационным ресурсом. Серьезные исследования показывают, что реальная самоидентификация наемных работников, т.е. чувство принадлежности себя к профсоюзной организации, не совпадает с формальным членством в ней. Лишь треть членов ФНПР ощущают себя действительными членами этой организации. Российские профсоюзы воспринимаются большинством населения и большинством членов профсоюзов как организации, не способные к переговорам с правительством по поводу защиты интересов рядовых граждан. Такое мнение основано не только на оставшихся от советского прошлого стереотипах, в соответствии с которыми профсоюзные организации воспринимались как своеобразный собес под руководством начальства, но и на реалиях последнего времени. Принятый в 2002 г. Трудовой кодекс значительно ущемляет права профсоюзов по сравнению с законами, принятыми в первой половине 1990-х гг. Многочисленные исследования и опросы экспертов свидетельствуют о том, что после принятия нового Трудового кодекса снизился и без того невысокий

авторитет профсоюзов. Так, раньше работодатель должен был согласовывать свои решения с соответствующим профсоюзом, а сейчас только учитывать мнение «профсоюза большинства». В результате проиграли наемные работники, потому что важнейшие события в системе трудовых отношений (прием на работу, увольнение, оплата труда, использование рабочего времени), как правило, происходят с полным пренебрежением работодателей к правам работников. При этом профсоюзы, которые до недавнего времени были наделены настолько обширными правами (в том числе и правом на забастовку), что, казалось, имели возможность диктовать свою волю, стали полностью недееспособны.

Не все профсоюзные организации смирились с таким ущемлением своих законных прерогатив. Возникли так называемые свободные, независимые профсоюзы как альтернатива входящим в состав ВЦСПС-ФНПР отраслевым профессиональным союзам. Эти профсоюзы не могли быть массовыми в силу оппозиционности администрации предприятий и того, что участие в них сопряжено с определенным риском. Но несмотря на это, альтернативным профсоюзам часто удается заставить работодателей считаться с их требованиями. Лидеры и активисты этих профсоюзов, как правило, грамотны, активно участвуют в профсоюзных учебных программах и успешно используют полученные знания в переговорах с директором предприятий и властными структурами. Профсоюзное образование становится важным ресурсом альтернативных профсоюзов лишь после того, как государство и работодатели ощутили угрозу со стороны стихийного рабочего движения. Основной формой действий малочисленных профсоюзов становятся иски в суд, многие из которых удается выиграть. Малочисленность и локальность действий — главные признаки современных альтернативных профсоюзов, их формальная принадлежность к какой-либо из профсоюзных федераций не имеет ключевого значения. Отдельные организации даже входят в состав ФНПР, что не оказывает существенного влияния на их политическую позицию и способы действий. Их главное отличие состоит в том, что они не допускают (или допускают с существенными ограничениями) в свои ряды работодателей. И еще одна особенность — такие организации возникают там, где большинство составляют работники одной профессии. Новые профсоюзы были слабее в экономическом и организационном смысле, чем те, что остались в составе прежних, традиционных. Не без активной роли лидеров ФНПР был принят новый Трудовой кодекс, в котором появились явно дискриминационные по отношению к новым, «малым» профсоюзам положения. В соответствии со ст. 29, 30, 31, 37 легитимным представительством интересов работников признается либо «профсоюз большинства» (как правило, входящий в состав ФНПР), либо, как сказано в ТК, «иной выбранный орган», если «профсоюза большинства» на предприятии не существует. А если на предприятии есть первичная организация ФНПР, иной представительный орган не определяется.

Эта норма содействует явно профсоюзам, которые формально числят в своем составе большинство работников.

От таких новаций в итоге проиграли все профсоюзные организации, включая и саму ФНПР. Отличаясь потенциальной способностью к массовой мобилизации наемных работников в условиях растущей социальной поляризации и конфронтации труда и капитала, профсоюзы столкнулись с острой проблемой поддержания динамического равновесия: как только они устанавливали лояльные отношения с государством и работодателями, получали доступ к ресурсам на национальном и международном уровнях, расширяя возможности влияния на государство и работодателей, так они тут же отрывались от своих корней в среде наемного труда и утрачивали функцию репрезентации и самоорганизации наемных работников, которые тут же начинали создавать альтернативные структуры. Такую судьбу прошли ФНПР и крупные альтернативные профсоюзы 1990-х гг.; как-то еще держатся малочисленные профсоюзы, права которых значительно ограничены новым Трудовым кодексом. Таким образом, локальный уровень действий профсоюзов позволяет сохранить их альтернативность, «приницаемость» в «низовой» среде, независимость, возможность оставаться формой самоорганизации наемных работников и частью гражданского общества, но при этом доступ к ресурсам и участие в политическом процессе существенно ограничены.

Первым межотраслевым «свободным» профсоюзом стал Соцпроф, образованный в апреле 1989 г. В 1991-1992 гг. возникли узкопрофессиональные профсоюзы: Независимый профсоюз горняков России (НПГР), Российский профсоюз докеров (РПД), Российский профсоюз моряков (РПСМ), Российский профсоюз локомотивных бригад железнодорожников (РПЛБЖ) и др. В этот же период создаются региональные профсоюзы, объединяющие первичные организации всех типов (Уралпрофцентр, профсоюз Самарской области «Солидарность» и т. п.). Чтобы объединить подобные ресурсы, в апреле 1995 г., в разгар забастовочных движений, была образована Конфедерация труда России (КТР). В нее первоначально вошли практически все свободные профсоюзы, но вскоре несколько региональных организаций, Соцпроф и некоторые другие отраслевые профсоюзы (в том числе НПГР) вышли из состава КТР и образовали Всероссийскую конфедерацию труда (ВКТ). В составе КТР остались в основном транспортники (докеры, моряки, железнодорожники, авиадиспетчеры, летчики). Сейчас эти структуры достаточно сильны по ресурсу солидарности и по организационным возможностям. Но и они часто вынуждены прибегать к давлению на работодателя не совсем законными способами, поскольку законные невозможно реализовать на практике в связи с новациями в Трудовом кодексе.

В принципе характер деятельности профсоюзов как социально-политического института, который относят к «старым движениям» гражданского общества (в отличие от НКО, НПО), активность которых была в расцвете в XIX в., указывает на незавершенный характер социальной модернизации в современной России. Для задач модернизации это означает фактическое отсутствие в массовых слоях населения готовности действовать сообща и отстаивать свои интересы. Как известно, для того чтобы добиться чего-то важного, следует действовать сообща, вместе с другими, у кого те же проблемы. С этой позицией из года в год соглашается половина респондентов. И практически столько же (48-50% в разные годы) соглашаются с тем, что отстаивать свои интересы можно, только рассчитывая на собственные силы. В результате вместо осуществления каких-либо действий для отстаивания своих групповых интересов большинство населения просто ждет, что государство по доброй воле учтет их пожелания. Это говорит о том, что пока в России в массовых слоях населения так и не произошло формирования групп интересов [3, с. 44]. Иными словами, мы имеем дифференциацию общества, плюрализацию интересов составляющих его групп и отдельных индивидов, даже осознание этой плюрализации, но это пока не привело к осознанию большинством россиян общности своих интересов с интересами конкретного социального класса или иных социальных групп макроуровня и попыткам солидарно отстаивать эти интересы с использованием соответствующих институциональных возможностей. А ведь именно это собственно и является основой гражданского общества, которое возникает там и тогда, где и когда осознание плюрализма интересов членов общества доходит до осознания общности собственных интересов с интересами других социальных групп и совместными выступлениями в их защиту. При такой ситуации огромная ответственность ложится на качество государственного управления, на способность политического класса подчинить действия государственной бюрократии целям стратегического развития страны для того, чтобы она из инструмента управления не превратилась в управляющую силу.

В связи с общей неблагоприятной ситуацией роста социальной напряженности и углубления социальных противоречий и конфликтов все больше заметна тенденция «полевения» профсоюзов, особенно альтернативных. Альтернативные профсоюзы, похоже, окончательно порвали с либеральными и демократическими партийными структурами. Все меньше у них сторонников даже в традиционно популярной среди работников интеллектуального труда партии «Яблоко». Альтернативные профсоюзы на глазах явно «левеют», все больше ориентируясь на коммунистическую (в крайнем варианте) либо на социал-демократическую идеологию [7, с. 48].

В целом отсутствие сильных профсоюзов, способных защитить интересы наемных работников в стране, приводит к потерям для всего

общества. Злоупотребления работодателей, явный эгоизм собственников, перенаправляющих антикризисные финансовые потоки в свою пользу, послужили «горючим» материалом для накопления потенциала социального взрыва во многих регионах и в стране в целом. Последствия социальной и экономической незащищенности формируют чувство тревоги и отчаяния у многих рядовых работников, которые идут на самые крайние и стихийные меры по защите своих прав и интересов своих семей. С таким настроем невозможно конструктивно преодолеть возникший масштабный кризис. Он будет чреват мощными деструктивными социальными и политическими последствиями. Поэтому в превращении профсоюзов в полноценных субъектов социально-трудовых отношений должны быть заинтересованы не только они сами, но и все представители большой политики — от лидеров государства и политических партий до правозащитников и общественных организаций. Возможности диалога профсоюзов и власти позволяют предотвращать несистемные социальные взрывы и конфликты, укрощать эффект «улицы», а простым людям возвращать чувство уверенности в своих конституционных правах и свободах. И только это может способствовать конструктивному настрою и позитивному выходу из кризиса. Только так можно реализовать главные ценности профсоюзного движения — свободу, солидарность, единство и равенство.

Таким образом, очевидно, что механизм социального партнерства в России развивается в условиях глубокого общего кризиса, резко выраженной поляризации коллективно-договорного процесса, несформированности равноправных субъектов, неразвитости элементов гражданского общества, недостаточно разработанной правовой системы регулирования социально-трудовых отношений. *Отсюда происходят серьезные «сбои» в сложной диалектике согласия и противостояния, миролюбия и конфронтации, индивидуализма и коллективизма, заложенных в природе социального партнерства как определенном типе договорных отношений и одном из самых важных способов социального бытия.* Как отмечают исследователи, в современной российской действительности множатся признаки гегемонистской стратегии краткосрочных выигрышей, достигаемых за счет доверия наемных работников к работодателям и властным структурам. Эти выводы подтверждаются и словами из выступления лидера ФНПР М. В. Шмакова: «Мы можем сделать вывод, что декларации, пусть даже правильные, не гарантируют отлаженной работы социального механизма. На практике мы наблюдаем следующее отношение бизнеса к своим социальным партнерам: главное — «провести» свои интересы. Интересами трудящихся при этом можно пренебречь» [4]. И далее: «Мы не собираемся всерьез обсуждать 60-часовую рабочую неделю, которую предлагают ввести для работников господин Прохоров и РСПП. Мы не собираемся всерьез обсуждать предлагаемое ими бесконтрольное расширение сферы применения срочных трудовых договоров и прочие якобы «инновации».

Подобные предложения означают шаг к развязыванию социальной войны. Отдельно отмечу — несмотря на позицию президента и премьер-министра России, солидарную с позицией профсоюзов, позиция бизнеса практически не изменилась. Бизнесмены по-прежнему призывают по максимуму снять ограничения для эксплуатации работников. Этого не будет. Мы не должны этого допустить!» [4]. Таким образом, сокрытие интересов, дезориентирующие акции, стремление не дать опомниться одной стороне и получить выигрыш за ее счет — все это выводит государственную политику за рамки цивилизованного партнерства. Российские предприниматели, бизнесмены, работодатели зачастую не соблюдают никаких правил игры, отбрасывают все, лишь бы заполучить «весь капитал» за счет интересов потребителей или работников. Да и само государство в лице исполнительных органов власти часто не соблюдало взятые на себя обязательства, о чем свидетельствует неисполнение генеральных, отраслевых и региональных соглашений, принятых в 1990-е гг. [10, с. 37]. Все это усиливает социальную напряженность и углубляет степень недоверия во взаимоотношениях основных субъектов социального партнерства. Неужели опять понадобятся массовые, радикальные протесты, для того чтобы трудовое законодательство наконец заработало.

Социальные реалии начала 2010-х гг. выводят социальные противоречия, задевающие интересы больших социальных групп наемного труда, снова на первый план: это и вопросы повышения возраста выхода на пенсию, и попытки крупного бизнеса увеличить продолжительность трудовой недели до 60 часов, и вопросы урегулирования трудовой миграции, проблемы запрета заемного труда и распространения гражданско-правовых договоров на фактические регулярные трудовые отношения; определение минимального размера оплаты труда как нижнего предела вознаграждения за труд без учета компенсационных и стимулирующих выплат; определение новой потребительской корзины в целом по РФ; изменение забастовочного законодательства в части сокращения времени согласительных процедур; восстановление защиты от необоснованных увольнений для неосвобожденных профактивистов и пр. Эти задачи предстоит решать как традиционным профсоюзам, так и альтернативным, независимым профсоюзным организациям. Но главная сверхзадача профсоюзного движения — борьба за полноценное воплощение в жизнь принципов социального партнерства, углубление социальной модернизации на принципах социальной справедливости, солидарности, формирование консенсусной политической культуры, поскольку все это признаки зрелости демократической системы, позволяющей цивилизованно отстаивать позиции больших социальных групп и разрешать социальные противоречия на основе уважения права и Конституции.

Библиографический список

1. 1. Аганбегян А. Г. О приоритетах социальной политики // SPERO, Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 12, весна-лето.
2. 2. Буданова М. А. Предприниматели современной России как субъект социального партнерства // Экономика и политика в переходном обществе: кризис взаимодействия. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
3. 3. Горшков М. К. Аналитический доклад «Готово ли российское общество к модернизации». М: ИС РАН, 2010.
4. 4. Доклад Председателя ФНПР М. В. Шмакова на VII съезде Федерации независимых профсоюзов России. URL: <http://www.fnpr.org.ru/n/2/15/289/6176.html>.
5. 5. Инновационная модернизация в России. Политические очерки/под ред. Ю. А. Красина. М.: ИС РАН, 2011.
6. 6. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.
7. 7. Климова С. На распутье, или Самоопределение российских профсоюзов // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Фонд «Общественное мнение», 2008.
8. 8. Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и политика. М.: Экзамен, 2001.
9. 9. Профсоюзное пространство современной России/под ред. В. Борисова, С. Кларка. М.: ИСИТО, 2001.
10. 10. Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновативному развитию общества. М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
11. 11. *Giddens A. Sociology. Third edition. Cambridge: Polity Press. 1998.*

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «ПЯТЫЙ НАЦПРОЕКТ»

.....

Ж. В. Чернова¹

Статья посвящена анализу современной российской семейной политики. В центре внимания — идеологическая направленность и меры, предпринимаемые государством в отношении семьи. Выделяются этапы формирования и реализации семейной политики, подчеркивается ее некогерентность на уровне идеологии и конкретных механизмов реализации. Пронаталистский вариант приводит к тому, что многие реальные проблемы семьи находятся на периферии семейной политики. Автор предполагает, что государство в семейной политике должно учитывать многообразие современных форм семейных отношений и родительства, включать большее число акторов в обеспечение благосостояния граждан с семейными обязанностями, не ограничиваться исключительно финансовыми поддержками семей.

Ключевые слова: семейная политика, демографический кризис, меры поддержки семьи, благополучие семьи, родительство.

The aim of this article is to analyze the contemporary Russian family policy. The focus of the article is the ideological orientation and a package of measures taken by the State in respect of the family. In this article the author singled out the stages of formation and implementation of family policy. Analysis of this shows that contemporary Russian family policy is not coherent, both at the level of ideology and specific mechanisms for implementation. Pronatalistky oriented family policy leads to the fact that many real problems faced by families are on the periphery of State policy. The author suggests that the state family policy must take into account the diversity of modern forms of family relationships and parenting, to include a larger number of actors in the welfare of the citizens with family responsibilities, and the family policy is not limited solely to financial support for families.

Key words: family policy, demographic crisis, family welfare, contemporary State policy, gender analysis, parenting.

В статье мы анализируем современную российскую семейную политику, сфокусировав свое внимание главным образом на идеологической составляющей мер, предпринимаемых государством в этом направлении, а также ре-

¹ Чернова Жанна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент факультета социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург. Эл. почта: chernova30@mail.ru

конструируем вектор ее развития. Кратко остановимся на рассмотрении отличий постсоветской семейной политики от советской, выделим этапы формирования ее современной версии. Мы исходим из того, что советская семейная политика носила патерналистский характер, когда государство поддерживало женщин как оплачиваемых работников и матерей, а также выполняло отеческие функции в отношении детей [8]. Социальная забота о детях распределялась между государством и матерями, в то время как биологические отцы были отчуждены от своих семейных и родительских обязанностей [12]. Объектом семейной политики выступали исключительно матери и дети, которым предоставлялись денежные и сервисные поддержки со стороны государства. Программы социальной и семейной политики были направлены на создание условий для совмещения профессиональных, семейных и материнских обязанностей, достижения баланса между профессиональной занятостью и материнством. На практике совмещение ролей привело к закреплению двойной нагрузки женщин, формированию гендерной асимметрии в приватной сфере. Этот результат советской семейной политики в настоящее время расценивается как негативный, повлекший за собой формирование паттерна малодетности и снижение уровня рождаемости в целом.

В постсоветский период на смену государственной социалистической экономике пришли рыночные механизмы, активно включающиеся в обеспечение потребностей семьи. Маркетизация заботы о детях связана с развитием негосударственного сектора образовательных услуг, формированием устойчивого спроса и достаточного предложения услуг бэби-ситтеров, сиделок и пр. Изменения произошли и в нормативном дискурсе о семье. Законодательство, регулирующее брачно-семейные отношения, стало более гендерно-сбалансированным. Материнство и детство как объекты заботы со стороны государства были заменены категорией родительства, включающей и отцовство. Универсализм в предоставлении поддержек сменился принципом минимализма при оказании социальной помощи семьям. Если в советский период всем семьям, имеющим детей, обеспечивался определенный и примерно равный набор материальных и сервисных поддержек, то в 1990-х — начале 2000-х гг. на помощь со стороны государства формально могли рассчитывать наиболее нуждающиеся граждане с семейными обязанностями. Качество и способы обеспечения благосостояния семей стали зависеть от социально-экономического статуса ее взрослых членов, увеличилось число акторов, вовлеченных в осуществление социальной заботы о детях. В целом в этот период семья приобрела большую автономию от государственного вмешательства в свою жизнь. Формирование «вертикального общественного договора» [1], при котором государство и общество сосуществуют параллельно, минимизировало возможность и желание государства вмешиваться в приватную жизнь граждан. Все эти политические, экономические и социальные изменения определили специфику семейной политики, разрабатываемой и реализуемой в постсоветский период.

Концепция национальной семейной политики

В России понятие национальной семейной политики было введено в 1991 г. в связи с разработкой Концепции семейной политики Комитетом по делам семьи, семейной и демографической политике при Совете Министров РСФСР. Государственный статус эта Концепция получила в 1996 г. в Указе Президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики», где государственная семейная политика определяется как составная часть социальной политики РФ (п. 2). В новой концепции были учтены такие международно-правовые акты, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о правах ребенка, Венская декларация и Программа действий Всемирной конференции по правам человека, Пекинская декларация и Платформа действий IV Всемирной конференции по положению женщин, а также документы Международной организации труда, Всемирной организации здравоохранения, Детского фонда ООН и других международных организаций (п. 7). Использование этих документов при разработке концепции позволяет говорить о том, что ее авторы стремились вписать новую модель семейной политики в общемировой контекст, используя наработки, которые были уже сделаны мировым сообществом по вопросам семьи, улучшению положения женщин и детей. При этом представленная в концепции модель семейной политики обладает определенной спецификой, отличающей ее как от советского, так и от западных вариантов государственной политики в отношении семьи.

Анализ приоритетных направлений государственной семейной политики, заявленных в данном документе, позволяет говорить о том, что уже на уровне концепции она не является когерентной. Она включает элементы различных моделей семейной политики, реализуемых в западных странах, механическое соединение которых приводит к эклектичности и системному противоречию на уровне как идеологии, так и конкретных мер. Например, положение о том, что поддержка главным образом предоставляется нуждающимся семьям для того, чтобы помочь им выйти из кризиса, а также то, что на федеральном уровне семьи имеют минимальные социальные гарантии и льготы, отсылает нас к либеральной модели семейной политики, где государство минимально вмешивается в жизнь семьи и поддерживает только тех, кто не может обеспечить самостоятельно необходимый уровень жизни. При этом принцип «равноправия между мужчинами и женщинами в достижении более справедливого распределения семейных обязанностей, а также в возможностях самореализации в трудовой сфере и в общественной деятельности (п. 12), а также «распространения на отца прав на льготы в связи с воспитанием детей, предоставляемые в настоящее время на производстве женщине-матери» (п. 19 а) характерен для социально-демократической модели, в которой достижение гендерного ра-

венства не только в публичной, но и приватной сфере (семье и родительстве) выступает приоритетной задачей [13].

Декларируемая ориентация на гендерную сбалансированность делает Концепцию семейной политики прогрессивной, что отличает ее от советской модели, направленной на создание оптимальных условий для совмещения женщинами профессиональных и материнских ролей и не учитывающей семейные обязанности мужчин, за исключением алиментов. В отличие от патерналистской семейной политики, когда семейное и репродуктивное поведение советских граждан было подчинено интересам государства, что лишило семью автономии в обмен на предоставляемую защиту и оказываемые поддержки, новая концепция семейной политики отражала «идеологию общечеловеческих ценностей, приоритета интересов семьи и личности, партнерских отношений семьи и государства, его институтов, которые не подменяют семью, а разделяют с ней ответственность за создание условий ее функционирования» [5].

Таким образом в постсоветский период меняются отношения между государством и семьей, принцип максимального участия и вмешательства сменяется ориентацией на партнерство, когда и государство, и семья становятся субъектами семейной политики, совместно участвуя в осуществлении социальной заботы о детях. Кроме того, увеличивается число акторов, действующих в поле семейной политики, помимо семьи и государства в него включаются работодатели, общественные объединения, политические партии, профессиональные союзы, религиозные конфессии, благотворительные фонды, зарубежные организации, юридические и физические лица (п. 4). Данная концепция может рассматриваться как рамочный документ, выделивший семейную политику в отдельное направление социальной политики государства. Противоречивость декларируемых положений относительно того, кому, на каких основаниях, в каком объеме и с какой целью готово помогать государство, в значительной степени предопределила некогерентность разрабатываемой модели семейной политики, возможность ее переформатирования исходя из прагматических целей. Получившийся «микс» из либеральных идей невмешательства государства в семейную жизнь граждан, минимальной поддержки наиболее нуждающихся и расширения числа акторов семейной политики, а также идеологии гендерного равенства, ориентированной на создание благоприятных условий для совмещения работниками их семейных обязанностей вне зависимости от пола, отражает неопределенность позиции государства в этом вопросе — полностью отказаться от советской патерналистской политики, проводить политику гендерного равенства или поставить семью в ситуацию самообеспечения и ответственности за свое благополучие. Это позволяет рассматривать данную концепцию скорее как попытку обозначить возможные направления действий государства в отношении семьи, а не целостную программу.

Семейная политика начала 2000-х: принцип минимализма

Концепция семейной политики появилась в контексте болезненных социально-экономических трансформаций, которые переживало российское общество: переход к рыночной экономике, изменения в структуре занятости, неспособность государства выполнять социальные обязательства в полном объеме, стремительное расслоение общества по уровню благосостояния. Кроме этих структурных условий на разработку принципов семейной политики оказали воздействие общественный и академический дискурс относительно положения семьи и способов его изменения, активные обсуждения вопросов, связанных с семьей и демографией в российских СМИ. Алармистские настроения, определение текущей ситуации в категориях национальной катастрофы и вымирания нации были характерны не только для узких специалистов, занимающихся вопросами семьи (в качестве примера можно привести работы А. Антонова и В. Медкова [10]), но и для более широкого круга политических и государственных деятелей, общественного мнения в целом. Эта позиция в отношении семьи не была новой, диагностирование кризисного состояния семьи и семейных ценностей в российском обществе произошло еще в позднесоветский период, когда стал воспроизводиться традиционалистский дискурс, связанный с призывами к возврату традиционных ролей мужчины и женщины. Как отмечает Н. Ловцова, «концепция семейной политики России появилась как реакция на резкое ухудшение положения многих семей, на резкий спад рождаемости, отмечая девальвацию моральных норм, рост детской и подростковой беспризорности, безнадзорности, преступности, рост числа социальных сирот» [5], как осознание правительством необходимости принятия специальных мер поддержки семей в «условиях выхода страны из кризиса».

При этом провозглашение «самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития» (п. 9 Указа 1996 г.), по сути, привело к преобладанию идей минимализма в семейной политике, когда вмешательство государства в дела семьи должно быть ограничено, в первую очередь по своему объему, и осуществляться в крайних случаях. Некогерентность разрабатываемой семейной политики, двойственность позиции государства в отношении того, кому и в каком объеме помогать, недостаточность материальных ресурсов для выполнения всех взятых обязательств привели к тому, что в начале 2000-х гг. разрыв между декларируемыми универсалистскими принципами (поддержки семьям с детьми вне зависимости от их экономического и социального статуса) и предоставляемыми поддержками нуждающимся семьям приобрел дискурсивное и законодательное оформление. Дискурсивно он обозначился, когда в Послании Федеральному Собранию РФ 2000 г. В.В. Путин сформулировал позицию государства в социальной сфере следующим образом: «Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности

и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума. Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жены банкиров — без пособия по безработице» [6]. На практике принцип минимализма в семейной политике был реализован в изменении порядка выплаты пособий по уходу за детьми. Если в начале 1990-х гг. ежемесячное пособие семьям, имеющим детей, выплачивалось на каждого ребенка до 18 лет вне зависимости от уровня доходов семей, то в соответствии с Федеральным законом от 30 мая 2001 г. № 66 право на ежемесячное пособие на ребенка стали иметь только те семьи, среднедушевой доход которых не превышает 100% величины прожиточного минимума в субъекте РФ [3, с. 53]. Таким образом, на этом этапе реализации семейной политики произошел отказ от универсалистского принципа оказания прямой денежной поддержки семей с детьми в пользу ограниченной по размеру и числу бенефициариев помощи. Либерализация социальной и семейной политики выражалась в том, что пособия и материальные выплаты предоставлялись по принципу нуждаемости, поддержки определялись экономическим и социальным положением семьи.

Семейная политика после 2006 г.: «пятый нацпроект»

Если семейная и социальная политика предыдущего периода носила кризисный характер и ее можно рассматривать как реакцию на негативные экономические и социальные явления в обществе и попытку минимизировать их последствия в условиях жесткого дефицита финансовых ресурсов государства, то стабилизация и улучшение экономической ситуации в стране, изменения в политическом дискурсе создали структурные условия для того, чтобы семейная политика стала одним из приоритетных направлений деятельности государства. Ее основная задача заключается в решении демографических проблем российского общества, повышении уровня рождаемости и укреплении семьи в целом.

В начале 2000-х гг. демографические проблемы — снижение уровня рождаемости и сокращение численности населения страны — приобрели большое значение, «став предметом особого внимания государства». По мнению экспертов, экономический и социальный кризис, который переживала страна в 1990-е гг., послужил одним из ведущих факторов нарастающей депопуляции. Стабилизация и улучшение экономической ситуации позволили вновь обратиться на государственном уровне к проблеме низкой рождаемости и путей ее преодоления со стороны правительства. В Указе Президента РФ «О Концепции национальной безопасности» от 10 января 2000 г. было отмечено, что «последствиями глубокого социального кризиса являются резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни в стране, деформация демографического и социального состава общества, подрыв трудовых ресур-

сов как основы развития производства, ослабление фундаментальной ячейки общества — семьи, снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения» [11]. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2000 г. демографическая ситуация в стране была названа в качестве первой самой острой проблемы, требующей неотлагательного решения: «Нас, граждан России, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И, если верить прогнозам, а прогнозы основаны на реальной работе, реальной работе людей, которые в этом разбираются, этому посвятили всю свою жизнь, уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Я прошу вдуматься в эту цифру: седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией. Сегодня демографическая ситуация — одна из тревожных» [6]. В политическом дискурсе демографическая проблема определяется в категориях кризиса, выживания нации, связывается с угрозой национальной безопасности в целом [9]. Происходит обоснование необходимости реализации специальных государственных программ, поскольку укреплению российской государственности способствует не только рост экономических показателей, но и увеличение численности населения, в том числе путем повышения уровня рождаемости.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2006 г. тема демографической ситуации в стране и способов ее преодоления стала ключевой. В этом документе проблема низкого уровня рождаемости уже не рассматривается в категориях сохранения нации, а приобретает более личное и конкретное звучание. Основной причиной, мешающей женщинам принять положительное решение о рождении второго и третьего ребенка, по мнению главы государства, является материально зависимое положение в семье, так как она «родила второго ребенка и на долгое время выбывает из трудовой деятельности, теряя свою квалификацию». Неуверенность женщин в завтрашнем дне, необходимость делать выбор между работой, возможностью обеспечить приемлемый образ жизни своим детям и повторным материнством — все эти в первую очередь материальные обстоятельства определяют низкий уровень рождаемости, (вос) производят малодетную семью в качестве наиболее распространенной модели. Для того чтобы улучшить материальное положение матерей, были предприняты следующие меры: увеличение размера пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет (для первого ребенка до 1,5 тыс. р.², для второго — 3 тыс. р. ежемесячно); предоставление работающим женщинам пособий по беременности и родам, а также по уходу за ребенком в размере не менее 40% от прежнего заработка; введение компенсации затрат на детское дошкольное воспитание для первого ребенка на сумму

² Размер пособий приведен на момент оглашения Послания Президента РФ к Федеральному Собранию в 2006 г., каждый год размер пособий индексируется.

20%, для второго и третьего — 50 и 70% соответственно; увеличение стоимости родовых сертификатов, а также введение самой действенной, по мнению власти, меры материальной поддержки — материнского капитала, т. е. материальные выплаты при рождении второго (последующего) ребенка в размере 250 тыс. р.

Материнский капитал как мера семейной политики направлена на то, чтобы экономически поддержать женщин, родивших второго и последующего ребенка, компенсировать их финансовые потери из-за ухода с рынка труда в связи с рождением ребенка, а также повысить их социальный статус как матери. Эта государственная инициатива, на наш взгляд, очень показательна для характеристики современной российской семейной политики. Во-первых, была четко обозначена позиция государства в вопросах регулирования воспроизводства населения, которое артикулировало свою заинтересованность в увеличении рождаемости, установило в качестве нормативного образца определенную «репродуктивную норму» (сначала два, а потом три ребенка). Во-вторых, было признано, что именно материальные причины являются ведущими для женщин при принятии решения о рождении второго ребенка и, следовательно, именно экономические стимулы со стороны государства должны быть задействованы для того, чтобы мотивировать женщин выполнить «репродуктивную норму», поднять социальный престиж материнства и повысить рождаемость в целом. В-третьих, государство взяло на себя обязательства по материальной поддержке женщин, причем уровень поддержки напрямую связан с количеством и очередностью детей. Все это позволяет нам обозначить современную семейную политику России, начавшуюся с 2007 г., как пронаталистскую, направленную на решение демографических проблем преимущественно через материальные поддержки и стимулирование рождения нескольких детей в семье (двух и более).

Вновь обращение к вопросам семьи и детства прозвучало в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2010 г. Необходимо отметить, что тема детей не является «сквозной» для предыдущих посланий, где семейная проблематика поднимается исключительно в контексте образования и заботы о здоровье школьника. Большое внимание, отведенное в Послании 2010 г. вопросам политики в отношении детства, позволяет рассматривать данный политический документ в качестве следующего шага в построении современной российской семейной политики. В связи с этим встает вопрос о том, насколько они связаны, в чем заключается отличие нового прочтения демографического вопроса от уже проводимой политики. Как и в Послании 2006 г., демографическая проблема определяется как одна из приоритетных, как вызов нации. В качестве основных направлений государственной политики в отношении не столько семьи, сколько детства перечислены следующие: забота о здоровье ребенка и матери, развитие детской медицины, поддержка молодых и многодетных семей, поощрение благотворительности в отношении семьи и детства,

увеличение числа детских дошкольных учреждений и развитие вариативных форм дошкольного образования, забота о беспризорных и детях с ограниченными физическими возможностями, борьба с насилием в отношении детей. Для решения демографической проблемы в Послании 2010 г. предлагается ряд мер, встроенных в логику уже проводимой пронаталистски ориентированной политики (введение регионального материнского капитала, выделение земельного участка многодетным семьям, введение дополнительных налоговых преференций многодетным родителям).

В этом документе представлено новое прочтение демографического вопроса, его новизна заключается не в наборе мер и не в определении направленности семейной политики, которая по-прежнему ориентирована на повышение уровня рождаемости за счет прямых материальных поддержек со стороны государства, а в изменении смысловых акцентов. Если в начале 2000-х гг. преодоление демографического кризиса в стране определялось в категориях сохранения нации и национальной безопасности и необходимости сохранения страны — понятиях довольно абстрактных для простого обывателя, то в Послании 2010 г. основным мотивом всех предлагаемых действий становится стремление каждого родителя обеспечить благополучие своих детей: «И по большому счёту всё, что мы делаем, мы делаем для тех, кого любим сильнее всего, — для наших детей, потому что мы хотим, чтобы они жили лучше нас, чтобы они были лучше, чем мы, чтобы смогли сделать то, что, может быть, не успеем сделать мы. Чтобы из их успехов сложилось успешное будущее нашей великой России» [7]. Меняется схема построения смысловой конструкции семейной политики — от индивидуального родительского желания сделать счастливым своего ребенка к процветанию всей страны. Кроме того, в данном документе трехдетная семья рассматривается как «главный путь преодоления демографического кризиса», позиционируется как желательный образец репродуктивного поведения граждан. Двухдетная семья, способная обеспечить простое воспроизводство, сменяется трехдетной семьей, дающей государству желаемый прирост населения. Для поддержания и увеличения числа таких семей государство планирует оказывать им как прямые поддержки (предоставление земельных участков, налоговые преференции), так и идеологические, пропагандируя этот образ в социальной рекламе. В качестве успешного примера такой PR-акции приводится информационная кампания в Алтайском крае о знаменитых людях в России, которые были третьими детьми в семье.

Таким образом, Послание 2006 г. было знаковым для формирования современной модели семейной политики в России [15]. В начале 2000-х гг. только намечился переход к эксплицитной пронаталистской направленности действий государства в отношении семьи; социальная политика в целом имела черты либеральной модели с фокусом поддержки наиболее нуждающимся категориям граждан. После Послания 2006 г. стало очевидным, что преодоление демо-

графического кризиса и решение семейного вопроса является пятым национальным проектом, для успешной реализации которого государство готово мобилизовать как экономические, так и идеологические ресурсы (в качестве примера можно привести проведение Года семьи в России в 2008 г.). В этот период обозначился устойчивый тренд в направленности государственной поддержки: от предоставления помощи малоимущим и нуждающимся гражданам с семейными обязанностями (что было характерно для политики 1990-х — начала 2000-х гг.) к уделению особого внимания и заботы благополучной семье. Семейная политика, направленная на абстрактную семью, перестает оцениваться как эффективная, поскольку она не привела к ожидаемым результатам (стабильно высокий уровень рождаемости, снижение числа разводов, укрепление семейных ценностей); государственные программы начинают диверсифицироваться, объект заботы становится все более дробным (выделение особого направления семейной политики адресованной молодой семье). При этом существенных изменений в идеологии и мерах проводимой политики не происходит, сохраняется пронаталистская направленность и минимальная компенсация рисков, связанных с рождением и воспитанием детей. Некогерентность государством проводимой семейной политики выражается в противоречии между декларируемыми поддержками семьи и конкретными мерами, предпринимаемыми государством. В качестве наиболее яркого примера рассогласованности официального дискурса и конкретных механизмов реализации семейной политики можно привести принятие в конце 2010 г. Закона № 343-ФЗ, серьезно сокращающего выплаты по больничным и пособиям по уходу за ребёнком. По-прежнему вопрос о переопределении гендерных ролей, преодолении различных видов дискриминации как мужчин, так и женщин в профессиональной и семейной сферах не входит в повестку дня семейной политики. Однако вопрос о гендерном неравенстве в домашней сфере и родительстве напрямую связан с проблемой дискриминации женщин вообще, поскольку необходимость совмещения роли жены и матери, выполнения домашней работы накладывает существенные ограничения на возможности их профессиональной реализации, закрепляет более низкий экономический статус по сравнению с мужчинами, делает их объектами заботы и поддержки со стороны государства.

Гендерный анализ семейной политики позволяет реконструировать идеологию государства в отношении семьи, выделить образец семейных отношений, который конституируется в качестве нормативной модели. Ряд исследователей отмечают, что объектом семейной политики выступает «здоровая, благополучная и традиционная семья» [5, с. 327]. Принцип минимализма, на котором строилась семейная политика 1990-х — начала 2000-х гг., в сочетании с либеральными идеями о необходимости рассчитывать на собственные силы сделали именно такой тип семьи наиболее привлекательным в глазах государства. Физическое здоровье и материальное благополучие членов семьи исключали их из числа бе-

нефициариев помощи, сводя оказываемые поддержки к символическим акциям (учреждение таких праздников, как День матери в 1998 г., День семьи, любви и верности в 2008 г., празднование в 2008 г. Года семьи). В риторике современных официальных документов, как и в советский период, главное внимание уделяется женщинам-матерям и детям, тогда как роль мужчины-отца в обеспечении благополучия семьи в широком смысле слова непосредственно не проговаривается. В то же время государству, материально поддерживающему матерей с двумя и более детьми (в этом состоит отличие от советской семейной политики, в которой эксплицитно не задавалась так называемая репродуктивная норма для женщин), отводится ведущая роль при формулировании принципов семейной политики. В официальном дискурсе в качестве нормативной модели семьи, на которую ориентируется государство в своей политике, выступает благополучная молодая семья³ [4]. Модель благополучной молодой семьи предполагает наличие юридически оформленных отношений между супругами: «благополучной считается та семья, члены которой проживают в зарегистрированном браке»; это полная семья: «благополучная семья должна быть полной и состоять из супружеской пары (родителей) и детей»; она предполагает выполнение «репродуктивной нормы»: «благополучная семья должна иметь такое количество детей, которое обеспечивает расширенное воспроизводство населения по данному региону» [14]. Если раньше в риторике документов в основном использовались такие понятия, как «российская семья» (Концепция национальной семейной политики), «семья с двумя и более детьми» (Концепция демографической политики), то введение категории благополучной семьи указывает на неотрадиционалистскую ориентацию современной семейной политики, нормализующую официально зарегистрированные браки и не учитывающую множество типов семей.

Пронаталистский вариант семейной политики, в пользу которого сделало выбор государство, не учитывает целый ряд проблем, с которыми сталкиваются родители, когда речь идет не только о рождении, но и воспитании детей. Меры государственной поддержки, которые провозглашаются сегодня, фактически охватывают период от зачатия до младенчества. При этом большое количество конкретных проблем, стоящих перед родителями в их повседневной жизни, остаются на периферии семейной политики. К их числу можно отнести в первую очередь высокий уровень реальных затрат семьи, связанных с рождением и воспитанием ребенка, что может привести к тому, что многие меры современной семейной политики, по выражению Т. Гурко, могут сработать в ситуациях социального неблагополучия. В то время как планирование рождения второго и последующего ребенка высокообразованными высококвалифицированными женщинами может оставаться под вопросом, поскольку «образованные матери, не работающие значительную часть времени, теряют

³ Данная категория достаточно подробно представлена в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, утвержденной 8 мая 2007 г. Министерством образования и науки России.

квалификацию, возможности карьерного роста именно в эпоху информационных обществ, когда постоянно обновляются технологии» [2, с. 11]. В данном случае представляется необходимой и более эффективной разработка семейной политики, ориентированной на семью с обоими работающими родителями, предоставление специальных поддержек женщинам для выполнения материнских и профессиональных обязанностей.

Другая проблема — острый дефицит мест в детских дошкольных заведениях, который по-прежнему сохраняется несмотря на предпринимаемые попытки изменения данной ситуации. Существенное сокращение дошкольных образовательных заведений в 1990-х гг. в период резкого снижения рождаемости, отсутствие возможности аккумулировать и использовать поддержку со стороны старших родственников ставит перед родителями проблему организации ухода и заботы о детях, что особенно актуально в случае молодых родителей, чьи мамы и папы, т.е. бабушки и дедушки ребенка, находятся в трудоспособном возрасте и не могут посвятить этому все свое время. Решение этой проблемы видится в уделении должного внимания со стороны государства не только расширению количества детских садов, но и повышению качества предоставляемых ими услуг. Наряду с квартирным вопросом, который как и в советский период актуален для многих семей, важной проблемой, относящейся к сфере семейной политики, по нашему мнению, остается несовершенство законодательства, касающегося алиментов, отсутствие юридически закрепленных вариантов опеки над ребенком после развода. Высокий уровень разводов, характерный для современной России, также следует учитывать при разработке государством мер по поддержке семьи. Будущие родители, главным образом матери, должны быть уверены, что в случае развода они и дети получают необходимую поддержку и внимание со стороны отдельно проживающего отца. Кроме того, государство должно быть заинтересовано в том, чтобы мужчины-отцы больше участвовали в осуществлении ухода и заботы о детях, в создании гендерного равенства в семейной сфере, когда и мать, и отец принимают должное материальное и эмоциональное участие в воспитании детей как в браке, так и в случае развода. В современном варианте семейная политика направлена на формирование и поддержку только определенного, традиционного типа семьи, в то время как она должна быть направлена на удовлетворение потребностей всех семей, признавать разнообразие форм семьи и быть более гибкой в своей реализации. Государство должно расширять число акторов, участвующих в формировании и реализации семейной политики, не сводить все свои действия к патерналистской заботе о матерях и детях, поддерживать и развивать корпоративные практики по поддержке родителей (бизнес-ясли, кредиты на покупку жилья, оплата услуг няни).

Библиографический список

1. Аузан А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М.: ОГИ, 2006.
2. Гурко Т. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // Власть. 2008. № 6.
3. Климантова Г. Государственная семейная политика современной России: учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2004.
4. Концепция государственной политики в отношении молодой семьи: утв. 08.09.2007 г. Министерством образования и науки России. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya25.html>
5. Ловцова Н. «Здоровая, благополучная семья — опора государства»: гендерный анализ семейной социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 3/4.
6. О Концепции национальной безопасности: Указ Президента РФ от 10.01.2000. URL: [http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc; base=LAW; n=25677](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=25677).
7. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2000 год. URL: http://www.intelros.ru/2007/01/17/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2000_god.html
8. Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию: 2010. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637>
9. Рабжаева М. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6.
10. Розенхольм А., Савкина И. «Роди патриота — спаси Россию!»: (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В.В. Путина) // Гендерные исследования. 2009. № 18.
11. Социология семьи: учебник/под ред. А. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005.
12. Чернова Ж. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1, 2.
13. Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
14. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.
15. Ярская-Смирнова Е. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 2000-Х ГГ.

.....

Д. С. Кокорхоева¹

В статье выявлена институциональная трансформация органов власти республик Северного Кавказа в условиях реформ российского федерализма 1999-2010 гг. Установлены противоречия между формальными и неформальными институтами власти в регионе. Используется метод сравнительного анализа, неинституциональный подход.

Ключевые слова: институциональная трансформация, органы власти, республики Северного Кавказа в 2000-х гг., российский федерализм.

In article institutional transformation of power organs of North Caucasus republics in the conditions of reforms of the Russian federalism (1999–2010) is revealed. Contradictions between formal and informal institutes of the power in this region are established. The method of the comparative analysis and the neoinstitutional approach are used.

Key words: institutional transformation, power organs, North Caucasus republics in 2000-s, Russian federalism.

Актуальность темы состоит в выявлении политических аспектов институциональной трансформации власти на материалах полиэтничных республик Северного Кавказа, где неформальные практики и нормы культуры во многом определяют содержание официальных властных структур.

В политической науке институты понимаются в качестве устойчивых общественных практик или моделей (образцов) социального взаимодействия, поведения субъектов политики [39, с. 32]. Ядро политических институтов составляют нормы и правила политического действия [44, р. 3-16]. Чем выше степень повторяемости, регулярность, тем больше оснований говорить об устойчивости политических институтов. Политическая институционализация рассматривается как «процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» (по С. Хантингтону) [39, с. 32, 34-37].

¹ Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ингушского государственного университета. Эл. почта: dugurhan@mail.ru

Цель статьи — выявить политический аспект институциональной трансформации органов власти в республиках Северного Кавказа вследствие реформ федерализма 1999-2010 гг.

Проблема является предметом научной дискуссии. Концепции институционализации федерализма в России противоречивы. Сложились традиции поддержки асимметричной этнической федерации (Р. Г. Абдулатипов [1], Р. Я. Евзеров [8]) и, напротив, симметричной территориальной модели (С. С. Митрохин [21], Н. М. Добрынин [5], В. Р. Филиппов [38]). Обосновывали договорной тип федерации А. Ф. Болтенкова [2], В. Н. Лысенко [19], М. В. Столяров [36]. Модель конституционной федерации аргументируют А. В. Зиновьев [9], Н. М. Добрынин [5], И. А. Конюхова [18]. Высказываются противоречивые мнения о реформах 2000-х гг.: от радикальной поддержки (В. Н. Иванов [11]) и даже проектов унитаризации (А. Б. Зубов [10]) до резкой критики рецентрализации (Н. В. Петров [37], А. Н. Медушевский [20]). Этнонациональные проблемы федерализма оценивает Л. М. Дробижева [7]. К числу достижений она относит отделение этничности от государственного строительства. Гарантацией стабильности в полиэтничных регионах назван равный доступ к власти этнических групп [9].

Реформы российского федерализма 2000-х гг. стали объектом внимания зарубежных авторов. Так, в Великобритании опубликованы сборники статей под редакцией К. Росса [41, 42], посвященные политическим реформам в российских регионах 2000-х гг. Важна монография Дж. Кана [40]. Финский политолог П. Содерлуна, исследуя динамику российского федерализма, выявил потенциал глав исполнительной власти регионов быть «вето-игроками» по отношению к центру (т. е. самостоятельными политическими субъектами, способными блокировать решения федеральной власти) [43].

Кратко охарактеризуем институциональное состояние органов власти республик в 1990-х гг. В условиях «перестройки» институциональная и идеологическая неопределенность стимулировала децентрализацию власти. Декларация о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. инициировала принятие аналогичных документов в автономных республиках и областях. Декларации о государственном суверенитете республик, в свою очередь, вызвали институциональную неопределенность, поиск модели центр-региональных отношений. Широкий объем полномочий региональной власти закреплен в Федеративном договоре, подписанном РФ с субъектами Федерации 31 марта 1992 г., а также в договорах о разграничении полномочий и предметов ведения. Конституции республик (1991-1995 гг.) закрепили положения о государственном суверенитете республики в составе РФ, о договорном характере взаимоотношений с федеральным центром [13].

Таким образом, институционализация органов власти в республиках Северного Кавказа 1990-х гг. оказала центробежное влияние на политиче-

ский процесс. Система органов власти республик сформировалась под влиянием децентрализованного, этнического, договорного федерализма 1990-х гг. Асимметричная договорная модель Федерации в 1990-х гг. поощряла этнополитическую мобилизацию, вызывая популярность идей суверенитета и этнопреференциального строения органов власти. Региональная элита в 1990-х гг. автономно определяла порядок формирования органов государственной власти, нормы и процедуры политического представительства. Но вследствие дефицита ресурсов доминирующие акторы политики (региональные элиты) избрали компромиссный путь отстаивания интересов по отношению к Федерации.

Качественные изменения системы центр-региональных отношений в русле рецентрализации власти начинаются осенью 1999 г. и идут по настоящее время. Согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти РФ» от 6 октября 1999 г. воссоздано единство структуры органов власти федерального и регионального уровней [27]. Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина от 13 мая 2000 г. о создании федеральных округов обеспечил воссоздание единства исполнительной власти по вертикали [24].

Президенты республик и спикеры законодательных собраний регионов лишились статуса членов Совета Федерации РФ, что способствует более последовательной реализации принципа разделения властей. Вместе с тем региональные органы власти получили право контроля над органами местного самоуправления, что способствует консолидации элит и ресурсов их влияния.

Важным институтом рецентрализации власти стал Конституционный Суд Российской Федерации. Летом 2000 г. КС РФ отменил ряд положений Конституции Республики Адыгея в части, закрепляющей суверенитет республик РФ, паритетное этническое формирование органов власти, договоры о разграничении полномочий и предметов ведения с РФ, государственное двуязычие [15, с. 17-18]. По толкованию Конституционного Суда РФ, на всей территории государства суверенитет принадлежит только многонациональному народу Российской Федерации, а не отдельным этническим группам. Применение термина «государство» к республикам не отражает признание государственного суверенитета этих субъектов РФ, а фиксирует особенности их конституционно-правового статуса [15, с. 21-23]. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. власть субъектов РФ не суверенна, а является частью единой системы государственной власти РФ.

Изменен механизм избрания законодательных органов власти субъектов Федерации, в том числе республик. 12 июня 2002 г. издан Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [29]. Субъекты Федерации до июля 2003 г. ввели в своем законодательстве нормы, обеспечивающие распределение

не менее 50% депутатских мандатов между кандидатами, выдвинутыми избирательными объединениями и блоками.

Новая система центр-региональных отношений приобрела завершенность в декабре 2004 г. с принятием федеральных актов о косвенных выборах высших должностных лиц в субъектах РФ [25]. Тем самым статусы президентов республик в составе России, глав администраций краев и областей признаны равными. Введена процедура отзыва высшего должностного лица субъекта РФ в случае нарушения им законодательства, неоднократного невыполнения своих должностных обязанностей [25]. Позитивный момент в отмене выборов глав исполнительной власти республик — назначение высших должностных лиц в регионах — мог стать эффективным инструментом в борьбе с клиентелизмом, коррупцией и криминализацией власти. Низкий уровень соревновательности, который наблюдался на выборах в северокавказских республиках в 1990 — начале 2000-х гг., не соответствовал демократии — некоторые главы республик, возглавлявшие их с советских времен, избирались по три и четыре срока подряд (В. Коков, М. Магомедов).

Одновременно с укреплением вертикали власти менялись взгляды представителей политической элиты Северного Кавказа как на политический статус республик, так и на распределение полномочий с федеральным центром. Например, Президент Северной Осетии А. Дзасохов на одной из пресс-конференций указал на нецелесообразность существования института президентства в республиках, подчеркнув, что титул «президент» может носить только глава государства, а руководители республик, входящих в состав Российской Федерации, должны именоваться по-другому [4]. Осенью 2010 г. аналогичную точку зрения высказал Президент Чеченской Республики Р. А. Кадыров. Его инициатива получила поддержку руководителей большинства республик и привела к принятию 29 декабря 2010 г. Федерального закона о переименовании высших должностных лиц республик. Принято стандартное название «глава республики».

Изменен и механизм формирования представительных органов власти республик. 11 июля 2001 г. принят Закон «О политических партиях». Партии стали единственным видом общественных объединений, обладающим правом выдвигать кандидатов на выборах, что исключало этнические и религиозные организации из политического процесса [23]. Состав республиканских парламентов свидетельствует о том, что в 1990-е гг. роль политических партий в них была слабо выражена. Поэтому распределение 50% депутатских мандатов среди партий не смогло в корне изменить традиционные практики распределения власти.

Республика Дагестан до 2003 г. была единственным субъектом в составе РФ, где согласно республиканской конституции глава не избирался в ходе прямых всенародных выборов. Председателя и членов Госсовета выбирало

Конституционное собрание, наполовину состоящее из депутатов парламента, а наполовину из «выборщиков», посланных собраниями представителей от каждого избирательного округа. Уникальной была и система выборов в Народное Собрание Республики Дагестан. Для соблюдения этнического квотирования действовала система голосования по многомандатным округам.

Переход к новой системе выборов в законодательные органы субъектов РФ привел к тому, что 10 июля 2003 г. Конституционное собрание Дагестана изменило конституцию республики. Упразднен Государственный Совет и введен пост Президента. Изменен порядок формирования Народного Собрания: из 72 депутатов — 36 от территориальных округов и 36 по партийным спискам. То есть в новой конституции устранены отличия структуры исполнительных и законодательных органов власти Дагестана от других субъектов РФ [14].

Председатель Госсовета Дагестана М. Магомедов во время выступления на Конституционном собрании республики отметил следующее: «Мы... пришли к твердому убеждению, что просить о каких-то исключениях из общих правил для Дагестана на нынешнем этапе нет необходимости... *сохранять и далее положение, выделяющее Дагестан среди других субъектов Российской Федерации, было бы политически некорректным*, не соответствовало бы, в некотором смысле, твердой воле дагестанцев жить и развиваться по единым для всех россиян законам» [6, с. 1, 3].

В развитии федеративных отношений важным шагом стала нормализация обстановки в Чечне и создание институциональных основ органов власти Чеченской Республики как субъекта Российской Федерации. В июне 2000 г. Указом Президента РФ сформирована временная система органов исполнительной власти в Чеченской Республике, в нее вошли временная администрация и территориальные подразделения федеральных органов власти [28, ст. 2545]. Главой временной администрации был назначен бывший муфтий Чечни А. Кадыров, вокруг которого сгруппировались противники сепаратизма. Важным политическим решением стало подписание 19 января 2001 г. Президентом РФ Указа № 52 «О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики». В соответствии с ним временная администрация получила статус постоянной, в Чечне сформировано правительство [26, ст. 278].

Новое руководство Чечни выражало лояльность федеральному центру. Глава администрации Чеченской Республики А. Кадыров в марте 2003 г. заявил, что республика будет стремиться к получению широких экономических льгот, а не к политической независимости. «Мы научены опытом и знаем, к чему приводят разговоры о политическом статусе... Получение широчайшей экономической автономии позволит в кратчайшие сроки восстановить разрушенную войной республику»; «все готовящиеся экономические предложения не будут выходить за рамки конституционного поля России» [12, с. 1].

23 марта 2003 г. в Чечне был проведен референдум по принятию новой конституции республики. Явка на референдум составила 85%; 96% проголосовавших высказались за принятие конституции. 94,9 и 95,8% участников голосования поддержали законы о выборах президента и парламента [33]. Принятие Конституции Чеченской Республики, провозглашающей Чечню частью России, стало успехом на пути достижения стабильности в республике.

Вместе с тем текст новой Конституции Чеченской Республики, принятой 23 марта 2003 г., не во всем соответствует Конституции Российской Федерации. Так, в ч. 1 ст. 1 вводится понятие суверенитета, который определяется как «неотъемлемое качественное состояние республики» [17]. Речь в Конституции Чеченской Республики идет об *ограниченном суверенитете*, который «выражается в обладании всей полнотой власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации» (ст. 1) [17]. На наш взгляд, рассуждения об ограниченном суверенитете республик не имеют смысла, поскольку суверенитет по определению не может быть ограниченным. Вызывает сомнения и правомочность положения ст. 61 Конституции, согласно которой в ведение Чеченской Республики включено «установление республиканских налогов и сборов» [17], так как в силу ст. 72 Конституции Российской Федерации установление принципов налогообложения и сборов в РФ относится к предметам совместного ведения [16]. В целом текст Конституции Чеченской Республики характеризуется стремлением соблюсти соответствие федеральной Конституции, однако коллизии могут создать основу для возникновения противоречий.

На изменении позиций и взглядов региональных элит сказалось обновление их состава. Постепенно на смену тех, кто возглавлял республики в период «парада суверенитетов», пришли лояльные центру политики. Основная волна обновления состава президентов республик Северного Кавказа приходится на 2004-2009 гг. Чаще всего смена власти носила компромиссный характер и выражала договоренности между федеральной и республиканскими элитами. Так, А. Каноков стал президентом Кабардино-Балкарской Республики в 2005 г. вследствие тяжелой болезни В.М. Кокова. М. Алиев, а позже М. Магомедов получили пост президента Республики Дагестан по причине пожилого возраста предшественников, причем соблюдался принцип этнического баланса власти. В Чеченской Республике смена президента вызвана смертью А. Кадырова от рук террористов (2004 г.) и последующим соперничеством территориальных кланов. В Республике Адыгея федеральная власть предпочла дожидаться истечения срока полномочий Х.М. Совмена (2007 г.), несмотря на острый конфликт главы республики с представительным органом и полпредством Президента РФ по Южному федеральному округу. Лишь в двух случаях новые президенты (Ю.-Б. Евкуров в Ингушетии и Т. Мамсуров в Северной Осетии)

пришли к власти вследствие массовых кампаний народного недовольства предшественниками.

Одной из важных функций законодательного собрания в республиках стала роль институционального канала прохождения в исполнительную власть и органы местного самоуправления, причем, учитывая традиции доминирования директората и госслужащих — канала достаточно узкого. На наш взгляд, ослабленная ротация депутатского корпуса и возможности перемещений парламентариев внутри системы государственного управления могут иметь как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, эти процессы могут привести к замыканию народных представителей на своих узкогрупповых и карьерных интересах, что отрицательно влияет на эффективность законодательной власти. С другой стороны, они способствуют появлению в составе региональных парламентов опытных профессионалов и стабилизации политической ситуации. Какая из этих тенденций будет преобладать, судить трудно. На республиканских выборах лидирует партия власти «Единая Россия». При этом новое правило, требующее расширения партийного участия в организации представительных органов власти на региональном уровне, сочетается с неформальными внутриэлитными процедурами распределения депутатских мест между бизнесом и госслужбой.

Обозначившаяся тенденция подтвердилась на региональных выборах. 27 ноября 2005 г. состоялись выборы в Парламент Чеченской Республики. «Единая Россия» получила 16 мест, КПРФ и СПС — по 2. [34]. 12 марта 2006 г. состоялись выборы в Государственный Совет — Хасэ Республики Адыгея. Голоса избирателей распределились между четырьмя партиями: «Единой Россией» — 34%, КПРФ — 15%, «Российской объединенной промышленной партией» — 13% и «Аграрной партией России» — 11%. Эти выборы продемонстрировали самый большой уровень соревновательности в республиках в период действия новой избирательной системы (оппоненты **власти** набрали около 55% голосов) при очень низкой явке избирателей (46,42%). Это не характерно для северокавказских республик. «Единая Россия» получила менее 35% голосов избирателей, а партии, не прошедшие 5-процентный барьер, в сумме набрали более 16% голосов [31].

Одним из ключевых вопросов при формировании органов государственной власти в Адыгее остается проблема этнического паритета и пропорционального представительства русского и адыгейского населения. Такой паритет сохраняется в законодательном органе. Из 54 депутатов Госсовета — Хасэ 24 русских (44%), 27 адыгов (50%), 2 украинца (4%) и 1 армянин [31].

Изменение федерального законодательства потребовало от руководства Республики Дагестан пересмотра Основного закона. 10 июля 2003 г. принята новая Конституция РД, в соответствии с которой однопалатный парламент республики должен состоять из 72 депутатов: 36 избираются

от территориальных округов, 36 — по партийным спискам. Расширение партийного участия и отмена выборов по многомандатной системе, требование федерального законодательства, запрещающее формировать партии по профессиональному или национальному признаку, поставили вопрос: как быть с устоявшейся практикой формирования властных структур по принципу этнических квот? В 1990-е гг. из 121 территориального округа Республики Дагестан 66 со смешанным составом населения были национально идентифицированы, а в 55 округах, где проживало моноэтническое население, ограничений для выдвижения кандидатами в депутаты не было. В многонациональных округах определено 12 аварских округов, 12 кумыкских, 10 русских, 7 даргинских, 5 табасаранских, 5 азербайджанских, 4 лезгинских, 4 чеченских, 3 лакских, 2 татских, 1 цахурский. Еще один округ предназначался для выдвижения представителя любой национальности [30].

Дагестан как субъект Российской Федерации не может выходить за рамки правового поля, установленного федеральным законодательством. Кроме того, парламент, сформированный по национальному признаку, а не по партийной принадлежности, препятствует демократизации. Но сложившийся обычай не удастся быстро переломить. Население Дагестана привыкло голосовать за персоны, а не за партии, поэтому устоявшиеся неформальные правила приходится встраивать в новые институты. Такое заключение напрашивается на основе анализа выборов в Дагестане, состоявшихся 11 марта 2007 г. Для прохождения партии в парламент установлен 7-процентный барьер, а из бюллетеней исключена графа «Против всех». Народное Собрание Республики Дагестан сформировали пять партий: у «Единой России» 47 мест, у «Справедливой России» 8 мест, у «Аграрной партии России» 7 мест, у КПРФ и партии «Патриоты России» по 5 мест. В Хунзахском районе, откуда родом тогдашний президент Дагестана М. Алиев, за партию «Единая Россия» проголосовали более 99% избирателей [22].

В Народном Собрании представлены все 14 многочисленных народов Дагестана, которые прежде по закону были представлены в Госсовете республики. Несмотря на отмену многомандатных округов, паритет основных этнических групп претерпел незначительные изменения. Отмечено снижение доли русских (с 8 до 5%). Изменения доли народов можно объяснить снижением количества депутатов (со 121 до 72 чел.) и необходимостью нахождения в парламенте хотя бы по одному представителю ногайцев, азербайджанцев, рутульцев, агулов, цахуров, татов. Вместе с тем система этнического квотирования сохранена. 51,3% — депутаты, переизбранные с прошлого созыва, из них 43,2% директоров предприятий [22].

Итак, анализ институциональной трансформации органов власти республик Северного Кавказа в 2000-х гг. позволяет сделать следующие выводы. Был введен институт полномочного представителя Президента РФ в Южном феде-

ральном округе, который фактически координирует действия органов власти республик. Высшие должностные лица республик и председатели их представительных органов с 2001 г. не могли входить в Совет Федерации, были отстранены от прямого участия в законотворчестве. Поправки, внесенные в Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации», установили новые «правила игры» для региональной власти, сделав практически невозможным возврат к договорной модели отношений. Была предусмотрена ответственность руководителей республик за неисполнение федеральных законов, возможность их отрешения от должности Президентом РФ или отзыва голосованием граждан республики. Наконец, в декабре 2004 г. отменены прямые выборы высших должностных лиц всех субъектов РФ, в том числе национальных. Принципы формирования органов государственного управления республик теперь определяются только федеральной Конституцией и федеральными законами, которые закрепили новую институциональную среду и стали универсальными для всех территориальных и национальных субъектов РФ. Важным процедурным фактором стало то, что в ходе федеративной и избирательной реформ произошло смещение позиций региональных элит Северного Кавказа в сторону лояльности федеральному центру. Республиканские органы власти ревизовали конституции и законы своих субъектов федерации и привели их в соответствие с федеральной Конституцией и законами.

Библиографический список

1. Абдулатипов Р.Г. Федералогия. СПб.: Питер, 2004.
2. Болтенкова Л.Г. Развитие федерализма в России: вопросы теории, истории и социально-политической практики. М.: Изд-во РАГС, 2004.
3. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Политические исследования. 2006. № 2.
4. Дзасохов А. Пресс-конференция ИТАР-ТАСС. 22 октября 2002 г. URL: <http://www.presidentosetia.ru>
5. Добрынин Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2003.
6. Доклад Председателя Конституционной комиссии, Председателя Государственного Совета Республики Дагестан М.М. Магомедова на Конституционном собрании РД 10 июля 2003 г. // Дагестанская правда (Махачкала). 2003. 10 июля (№ 146).
7. Дробижина Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. 2005. № 2.
8. Евзеров Р.Я. О соучастии политологов в решении проблем федерализма в современной России // Проблемы федерализма: российский и мировой опыт. М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003.

9. Зиновьев А.В. Концепция радикальной реформы федеративного устройства России // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 6.
10. Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм // Полис. 2000. № 5.
11. Иванов В. Путин и регионы: централизация России. М.: Европа, 2006.
12. Кадыров А. Сегодня для нас важнее экономическая свобода (интервью записал К. Исламов) // Грозненский рабочий. 2003. 18 марта (№ 2).
13. Конституции республик в составе РФ (сборник документов). М.: Манускрипт, 1995.
14. Конституция Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во Народного Собрания Республики Дагестан, 2003.
15. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России/рук. Л.В. Лазарев, Т.Г. Морщакова, Б.А. Страшун и др. М.: Институт права и публичной политики, 2005.
16. Конституция Российской Федерации. М., 2008.
17. Конституция Чеченской Республики: принята 23.03.2003. URL: <http://www.chechnya.gov.ru>
18. Конюхова И.А. Структура РФ: современное состояние и перспективы совершенствования // Государство и право. 2007. № 2.
19. Лысенко В.Н. Современные тенденции и перспективы федеративных отношений в России // Политическая регионалистика: теория и практика. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2003.
20. Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М.: Изд-во ГУ — ВШЭ, 2002.
21. Митрохин С.С. Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России // Центр-регионы — местное самоуправление. М.; СПб.: Летний сад, 2001.
22. Мусаев М. Три семерки карандашом или Правильные итоги выборов в Дагестане // Северный Кавказ (Нальчик). 2007. 27 марта (№ 12).
23. О политических партиях: Федеральный закон РФ от 11.07.2001 № 95. М.: Изд-во Федерального Собрания РФ, 2001.
24. О полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13.05.2000. № 849 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 20.
25. О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации: Указ Президента РФ от 27.12.2004 № 1603. URL: <http://www.kremlin.ru>
26. О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики: Указ Президента РФ от 19.01.2001 № 52 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 4.
27. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42.

28. Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике: Указ Президента РФ от 8.06.2000 № 1071 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2000. № 24.
29. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67. URL: [http:// www.gd2003.cikrf.iu](http://www.gd2003.cikrf.iu)
30. Османов Г. Нужно ли учитывать национальный фактор при формировании парламента Дагестана? // *Дагестанская правда*. 2007. 7 февр.
31. Официальный сайт Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея. URL: [http:// www.gschra.ru](http://www.gschra.ru)
32. Официальный сайт Народного Собрания Республики Дагестан URL: [http:// www.nsrdr.ru](http://www.nsrdr.ru)
33. Речкалов В. «Этого налима не зацепишь!» // *Известия*. 2003. 25 марта.
34. Саидов А. Российский медведь в чеченских горах // *Голос Чеченской Республики (Грозный)*. 2005. Декабрь (№ 22).
35. Саква Р. Российский федерализм на перепутье // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2005. № 1.
36. Столяров М. В. Россия в пути: Новая федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма и регионализма в Российской Федерации и странах Западной Европы. Казань: Фэн, 1998.
37. Федеральная реформа 2000-2003 Т. 1: Федеральные округа/ред. Н. В. Петров. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2003.
38. Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003.
39. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс — Традиция, 2004.
40. *Kahn J. Federalism, democratization, and the rule of law in Russia*. Oxford: Oxford Univeisity Press, 2002.
41. *Regional politics in Russia*/ed. by C. Ross. Manchester: Manchester Univeisity Press, 2002.
42. *Russian politics under Putin*/ed. by C. Ross. Manchester: Manchester University Press, 2004.
43. *Soderlund P. The dynamics of federalism in Russia. The study of formal and informal resources of the regional Chief Executives in Russian Center-Region relations*. Abo: Abo Academy University Press, 2006.
44. *The Oxford handbook of Political Institutions*/ed. by R.A. W. Rhodes, S.A. Binder, B. A. Rockman. Oxford, 2006.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

.....

А. И. Кудактина¹

Показаны возможности применения различных теорий политической социализации при изучении политической картины мира. Центральным понятием современной политической картины мира является адекватное представление о власти, определенные политические взгляды и ценности. Понятие политической картины мира неразрывно связано с процессом политической социализации, так как именно агенты, механизмы и факторы политической социализации формируют восприятие власти, ее поддержку. Сегодня актуальны исследования, связанные с тем, как и в каких условиях личность принимает решение о выборе той или иной властной фигуры, на каких психологических механизмах основано политическое восприятие граждан.

Ключевые слова: политическая картина мира, политическая социализация, власть, политические ценности, политическое сознание.

Considering different theories of political socialization capabilities of their application in studying of political pattern of the world were shown (presented). The central conception of the modern political pattern of the world is an adequate notion about authority, special political views and values. The conception of political pattern of the world is inseparable linked to the process of political socialization, as exactly agents, mechanisms and factors of political socialization forming the perception of authority, its support. Nowadays the researches considering with, on what condition people makes a decision about choosing this or that authoritative personality, on what psychological mechanisms the political perception of citizens are based, are very actual.

Key words: political patterns of the world, political socialization, authority, political values, political consciousness

Любое общество нуждается в стройной системе политического воспитания, целью которой является формирование гражданской позиции и обучение правилам поведения будущего гражданина. Ввиду актуальности данной проблемы для современного российского общества государственная система

¹ Кудактина Анфиса Игоревна – соискатель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: anf2403@yandex.ru

образования предпринимает шаги по политическому и гражданскому воспитанию молодого поколения. Однако они не всегда эффективны, поскольку зачастую не учитывают возрастных особенностей. Между тем начальный этап политической социализации чрезвычайно важен для будущего политического поведения гражданина. В данном контексте наша работа, посвященная изучению политической картины мира дошкольников в процессе политической социализации, приобретает особую актуальность. Отметим, что рассматриваемая проблема имеет междисциплинарный характер (опирается на разработки известных социологов, детских психологов, политологов, педагогов). В работе доказывается возможность и необходимость перенесения методов психологии в проблемное поле социально-политических исследований.

На наш взгляд, современная политическая картина мира складывается из адекватного представления о власти, определенных политических взглядов и ценностей. Понятие политической картины мира неразрывно связано с процессом политической социализации, так как именно агенты, механизмы и факторы политической социализации формируют восприятие власти, ее поддержку. Человеку для его становления в качестве гражданина необходимо сформировать систему политических ценностей, идей, в которые он может верить, и ориентации в политической среде, которые позволят ему адаптироваться к ней. Таким образом, политическая социализация на уровне индивида представляет собой перевод требований системы в структуру личности, интериоризацию ее ключевых политико-культурных элементов.

Под политической картиной мира понимают подвижную систему связанных образов и представлений о власти, ее механизмах и конфигурации в окружающей действительности [7]. Ее составляют прежде всего представления о власти в реальной политической системе, политические символы, образы «друзей» и «врагов» и т. п. Изменение политической картины мира происходит по мере накопления человеком знаний и жизненного опыта под влиянием целой системы факторов и институтов. К факторам мы относим место жительства, условия жизни и социально-политический контекст, события личной жизни и семейной истории, отношение к власти как стержню политической картины мира. Основными институтами, влияющими на изменения политической картины мира, являются семья, система образования, СМИ, профессиональный коллектив, политические и общественные организации, армия, церковь и др. Изменения политической картины мира могут спровоцировать как события, связанные с личной биографией, так и масштабные социальные преобразования. Траекторию изменения политической картины мира (т. е. направление, глубину и динамику происходящих изменений) во многом определяет сформированная в детстве политическая поддержка власти. Использование концепта политической картины мира дает возможность для изучения личностно-психологического измерения политики как в период трансформа-

ций политической системы, так и в эпоху стабилизации. Сегодня актуальны исследования, связанные с тем, как и в каких условиях личность принимает решение о выборе той или иной властной фигуры, на каких психологических механизмах основано политическое восприятие граждан и каковы законы политической психологии, которые позволяют людям ориентироваться в мире политических образов и символов. Ведь понятно, что в эпоху новых коммуникативных технологий избиратель имеет дело именно с властью образов, приобретающих характер не просто отражения реальной власти, но переходящей в новое качество и замещающей свои реальные прототипы. Политические стереотипы, шкала социальных норм и ценностей, политическая и социальная идентичность — вот те компоненты, которые формируют в нашем сознании политическую картину мира. В процессе передачи политических взглядов, идей, ценностей, представлений и норм от одного поколения к другому происходит процесс политического созревания индивида, формирование его политического Я, развитие собственных взглядов на мир. Если большинство членов общества имеют совпадающие политические ориентации, цели и ценности, достигается стабильность политической системы данного общества. Поэтому так важны представления о политическом и государственном строе общества, о власти и характере политической идеологии, которые закладываются на самом раннем этапе социализации, еще у ребенка, в результате общения с родителями, учителями и другими неполитическими субъектами, обладающими социальной властью. В этой связи наиболее актуален вопрос о том, как развить в подрастающем поколении чувство уважения к отечеству, власти и авторитету вообще, которое со временем перерастает в чувство уважения к политической власти и политическому авторитету, формируя политическую картину мира.

Наше исследование выполняется в рамках проблемы влияния процесса политической социализации на формирование политической картины мира. Политическая социализация рассматривается по аналогии с общей социализацией, как процесс включения человека в политическую систему. С точки зрения системы в процессе политической социализации происходит воспроизводство ее институтов, осуществляется преемственность важнейших политических ценностей. Необходимость этого процесса для сохранения системы связана с приходом в политику новых поколений. Но со сменой политического ландшафта даже в рамках одного жизненного цикла возникает необходимость рекрутировать новых участников, снабдить их официальными ценностями и тем самым укрепить систему. Возможности теорий политической социализации подробно изучены зарубежными и отечественными учеными. Выделим основные концепции, которые, на наш взгляд, наиболее глубоко раскрывают проблемы политического менталитета и человеческого измерения политики, механизмов политического поведения, политического участия, что в целом оказывает влияние на формирование политической картины

мира. Рассматривая различные теории политической социализации, отметим возможности их применения в изучении политической картины мира.

Термин «политическая социализация» был впервые введен в 1959 г. американским ученым Г. Хайменом и в дальнейшем получил устойчивое распространение в научном лексиконе. Основные направления, по которым развивалась теория политической социализации в этот период, можно определить следующим образом: это, во-первых, анализ *процесса* политической социализации, во-вторых, изучение *агентов*, влияющих на процесс социализации, в-третьих, исследование *продукта*, который получается на «выходе» процесса политической социализации, т. е. политическое сознание, политические представления, ориентации, установки — то, что, по мнению Л. Пая и С. Вербы, составляет, по сути, политическую культуру. Процесс политической социализации в рамках бихевиористской парадигмы, преобладавшей в политической науке в тот период, интерпретировался как воздействие политической среды на личность путем передачи определенных моделей поведения через систему организованных общественных институтов и ценностей. При этом социализируемые индивиды или группы выступали пассивными объектами социализации, а сам процесс социализации предполагал вертикальные отношения между социализирующими и социализируемыми. Многие ученые, занимавшиеся в 1960-1970-е гг. проблемой политической социализации, считали *семью* индивида главным социализирующим агентом на этапе латентной политической социализации. Важнейшими факторами, оказывающими влияние на этот процесс, ученые называли ценностные ориентации родителей (М. А. Кон), структуру власти в семье (Т. Парсонс, Б. Сезар), воспитательные стратегии, складывающиеся в семье (Т. Адорно, С. Томкинс, Д. Баумринд, Э. Миллер). Тезис о значительном (если не решающем) влиянии семьи как социализирующего агента на последующие политические представления личности оказался одним из самых спорных в теории политической социализации. Так, уже в конце 1970-х гг. гипотеза о детерминирующей роли семьи была подвергнута критике и переосмыслению. В частности, Р. Найеми и Б. Собешек в 1977 г. в сравнительном исследовании влияния на социализацию семьи, школы, сверстников, медиа и политических событий выяснили, что влияние семьи не столь решающее, а корреляции между политическими ориентациями родителей и детей весьма низкие. Вместе с тем ряд исследований, проведенных уже в 1990-е гг., частично «реабилитировали» гипотезу о решающем влиянии семьи на формирование последующих политических установок модели. Семья и группа сверстников оказались наиболее изученными агентами политической социализации. Влиянию других агентов социализации, например, школы, СМИ, политических партий, общественных движений, церкви, деловых кругов и т. д., было уделено гораздо меньше внимания. В лучшем случае воздействие каждого из таких агентов изучалось как отдельная и независимая переменная, что отнюдь не добавляло единства в общую картину.

Теоретическим ответом на запросы изменившейся социальной и политической реальности стала предложенная в 1986 г. Р. Мерелманом принципиально новая модель механизма усвоения и ретрансляции политических ценностей и установок. Согласно его идее *горизонтальной* (lateral) политической социализации, этот процесс представляет собой непрерывный выбор из широкого числа возможных и конкурирующих между собой образов мира и моделей поведения, количество которых постоянно увеличивается в результате взаимоотношений между равными участниками процесса социализации на горизонтальном уровне. В горизонтальной социализации отношения между объектом и агентами социализации добровольные, равные и временные. Личность социализируемого объекта становится центром модели, в отличие от модели вертикальной социализации, где личность оказывалась своеобразным концом цепочки влияний. В фокусе исследования, по мнению Р. Мерелмана, оказывается вопрос о том, каким образом в процессе социализации формируются те правила, которые позволяют индивиду ориентироваться и выбирать между множеством конкурирующих образов социальной и политической реальности. Концепции устойчивости детских и юношеских представлений о политике противопоставляется концепция открытости к изменениям в течение жизни. Согласно этой концепции, политические диспозиции могут с равной долей вероятности изменяться в течение всей жизни, политические ориентации людей отражают тот период социализации, который переживает человек в данный момент, занимая определенную позицию в социуме и политической системе, членом которой он является. Ф. Васбурн считает, что эти модели политической социализации следует рассматривать не как отдельные и противостоящие друг другу концепции, а как взаимодополняющие подходы. Он предлагает следующую модель процесса политической социализации: стадия жизненного цикла, на которой находится индивид (детство, подростковый возраст, юношество, зрелость и старость), и агенты социализации (семья, в которой воспитывался индивид, школа, церковь, СМИ, его работа и политический опыт) представляют собой интерактивные системы.

По мнению Н. Дж. Смелзер, И. Истона, Дж. Денниса, одной из основных функций образования является социализация. Политическая обстановка оказывает огромное воздействие на образование на всех уровнях — от местного до общегосударственного. Американские ученые определяют политическую социализацию исключительно как те процессы развития, посредством которых человек приобретает политические ориентации и образцы поведения. Изучая политическую социализацию, они соединили политическую теорию с результатами эмпирических исследований, выделили основные этапы политической социализации: это политизация, персонализация, идеализация, институционализация. Ученые обосновали идею о том, что основой политических убеждений человека являются общие установки, корни которых лежат в его детстве, с дет-

ским опытом связано дальнейшее отношение гражданина к политической власти, к государству, формирование политической картины мира [5, с. 110].

Свой вклад в развитие теорий политической социализации и возможности их применения в изучении политической картины мира внесли и многие отечественные ученые. Роль СМИ в процессе политической социализации исследовала О. Н. Аксенова [1, с. 17]. Она рассмотрела особенности восприятия политической телеинформации молодежью. Телевидение как доминирующее средство массовой информации способно оказывать огромное влияние на формирование мнения, образа жизни, моды, стандартов потребления. Большинство молодежи, желая быть в курсе событий, смотрит общественно-политические передачи, чтобы ориентироваться в повседневной жизни, учитывать происходящее в политической жизни общества и в соответствии с этим строить свою жизнь, планы на будущее, удовлетворять познавательные потребности, знать мнение знаменитых людей о жизненно важных проблемах. Анализ показал, что молодежь с большим удовлетворением смотрела бы передачи, если бы в них говорили правду. Аживая информация, неоправдавшиеся ожидания вызывают негативные ощущения, разочарования людей и надолго фиксируются в их сознании, формируя негативное восприятие картины мира [1].

Средства массовой информации — периодические печатные издания (газеты, журналы, информационные бюллетени), радио, телевидение, видео, кинематограф, Интернет, будучи одним из важных институтов современного общества [9, с. 78], так или иначе оказывают влияние почти на все сферы и институты современного общества, включая политику, образование, семью, религию. Они играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания. Восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и мире в целом, осуществляются через СМИ и с их помощью. Главной функцией средств массовой информации в обществе является их активное участие в процессе социализации (политической социализации в частности) подрастающего поколения [9, с. 81]. Политическая социализация — это процесс вхождения человека в мир политики, формирования политических представлений, ориентаций и установок, усвоения опыта, норм и традиций политической культуры, что в целом дает представление о политической картине мира.

Система политической социализации, сложившаяся в советский период, была, как отмечают исследователи, во многом утрачена без какой-либо замены новыми институтами [2, с. 123]. В настоящее время наше общество переживает сложный процесс становления единой российской нации — нации россиян. Значительная роль в этом процессе должна отводиться политической социализации, протекающей и в образовательной сфере. Как показали результаты опроса, наиболее важным институтом социализации выступает школа, на втором месте — СМИ, на третьем — вузы. Различное воздействие агентов поли-

тической социализации находит свое выражение в системе электоральных предпочтений молодежи. Анализ обобщенных данных подтверждает предположение об осязательном воздействии этнического фактора на политические предпочтения.

А. В. Федоренко одной из особенностей политической социализации в современном российском обществе считает то, что она все еще сохраняет черты советской политической социализации [8, с. 129]. Это относится прежде всего к политическому сознанию и политическому поведению граждан. Важной особенностью российской политической социализации является то, что она осуществляется в условиях переходного периода, трансформации политической системы. Отсюда и ее трансформирующий, становящийся, колеблющийся характер. Ей свойственны прерывистость (дискретность), неоднозначность, разновекторность. Она не имеет твердой идеологической основы, не контролируется и не определяется (даже в главных чертах) соответствующими государственными структурами. Важная особенность политической социализации в современной России обусловлена ее включенностью в мировые глобализационные процессы. Речь в данном случае идет не только о мультикультурализме и плюрализме ценностей, не только о том, что в современных условиях стало гораздо труднее отстаивать свою национальную идентичность (уникальность), но и о существовании неких мировых тенденций трансформации основных институтов демократии, а также институтов и целей политической социализации. Сегодня успешность политической социализации подразумевает приобщение к национальной политической культуре, к политической культуре глобализирующегося мирового сообщества, личное (успешное) участие в политической жизни, адекватную ориентацию в мировом политическом пространстве, приобщение, через освоение общечеловеческих норм и ценностей.

По мнению Н. А. Янковской, процесс социализации начинается с младенчества, основным агентом социализации для ребенка является семья [13]. Роль отца, матери, братьев, сестер и межличностные отношения между ними задают «психобиологическую матрицу» взаимоотношений. Она влияет на интеллектуальное, эмоциональное, речевое, нравственное развитие ребенка в раннем возрасте и определяет его вкусы, предпочтения в дальнейшем. Сформированная у ребенка в процессе семейного воспитания и обучения в начальной школе позитивная Я-концепция в дальнейшем оказывает существенное воздействие на успешность его обучения в средней школе. Она способствует максимальной интеллектуальной, эмоциональной и социальной самореализации ребенка, а значит, выступает одним из важных факторов его успешной социализации. Создание единой государственной модели социализации возможно при переходе семейных ценностей из разряда официальных, декларируемых государством в область реальных жизненных ценностей кон-

кретного человека и дальнейшем формировании у него определенной политической картины мира.

В последнее время многие модели, существующие в теории политической социализации, перестают быть адекватными в изменившихся как на геополитическом, так и на национальном уровнях политических условиях [4, с. 26].

Применительно к нашей работе наиболее фундаментальными и интересными представляются исследования Е. Б. Шестопа и И. В. Самаркиной. Согласно Е. Б. Шестопал, концепция политической социализации — неотъемлемая часть политической науки и может быть использована как надежный и тонкий инструмент политического контроля, как средство внедрения в сознание личности господствующих политических целей и ценностей, незаметное для человека и не вызывающее у него чувство протеста [11]. Е. Б. Шестопа при разработке концепции политической социализации были подробно описаны разные школы и направления политической науки. В результате исследований их представителей стихийно сложилась ориентация, учитывающая личностный подход к политике. Данные исследования приняли междисциплинарный характер, требующий знаний смежных областей изучения личности. На стыке философии, социологии, психологии и политологии образовалась концепция, сторонники которой ставят своей задачей анализ механизмов вхождения личности в политику. Основная особенность этих исследований — изучение не только различных моделей политического поведения, но и представлений о мотивации, установках, воле, личности в целом как необходимых факторах, которые играют роль посредников между средой и поведением. Политологи, использующие идеи психологии бихевиоризма, все чаще наряду с поведенческими механизмами политической социализации обращаются к тем или иным структурам сознания, картине мира человека. В процессе социализации формируется весь набор разнообразных установок, которые становятся для личности источником последующего политического поведения. Чем интенсивнее, стабильнее и информативнее политическая установка (отношение), тем более вероятно, что личность будет действовать в соответствии с ней. Подробный анализ процесса становления политического сознания показал, что наличие развитого политического сознания служит гарантией стабильного участия, четкой идеологической ориентации, без которых немислим «политический человек». Но хотя любая политическая система заинтересована в пополнении своих рядов, в поддержке сторонников, возможны разные стратегии достижения этой цели, разные тактические приемы и методы. Особенно интересна в этом плане работа Е. Б. Шестопа «Образы власти в России конца XX века» [12]. В центре внимания общества образ власти, политика и процесс манипулирования образами. Важными являются условия, в которых личность принимает решение о выборе той или иной властной фигуры, психологические механизмы политического восприятия граждан, законы политической психо-

логии, позволяющие людям ориентироваться в мире политических образов и символов.

По мнению И.В. Самаркиной, политическая социализация — процесс интегрирования и освоения отдельным человеком как членом определенного сообщества и гражданином государства основных элементов соответствующей обществу политической культуры. В узком понимании политическая социализация — это сознательное и целенаправленное внедрение политических ценностей, убеждений, навыков и т.д. Данную задачу выполняют различные институты, которые ставят своей целью создание благоприятных условий для принятия людьми господствующего социального порядка и его ценностей, а также неприятие альтернативных социальных систем. В широком смысле политическая социализация — это вся система политического воспитания как формального, так и неформального, целенаправленного и не предусмотренного на всех этапах жизненного цикла, включая не только сугубо политическое, но и неполитическое обучение, которое сказывается на политическом поведении и установках [6, с. 24].

Итак, первичная политическая социализация как важнейший этап, необходимый при формировании политической картины мира дошкольников, требует дальнейшего исследования, поскольку именно в раннем возрасте начинается формирование картины мира, политической идентичности, политических ценностей, патриотических чувств к отчизне, что в дальнейшем обеспечит поддержку политической системы. Различные исследования отечественных и зарубежных ученых по политической социализации дали возможность описать систему институтов и факторов, влияющих на формирование политической картины мира такой малоизученной возрастной группы, как дошкольники. А дополнительные исследования в рамках смежных дисциплин (социологии, педагогики, философии, психологии) детально раскроют понятие политической картины мира.

Библиографический список

1. Аксенова О.Н. Особенности восприятия политической телеинформации молодежью // Социологические исследования. 2006. № 4.
2. Бобков А. Процессы политической социализации в высшей школе // Высшее образование в России. 2008. № 4.
3. Истон Д., Деннис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 3.
4. Преснякова Л.А. Теория политической социализации // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. 2002. № 2.
5. Смелзер Н.Дж. Социология // Социологические исследования. 1991. № 5.
6. Самаркина И.В. Школьный учебник в процессе политической социализации в период постсоветской трансформации политической системы (на примере контент-

- анализа учебников для начальной школы): автореф. ... дис. канд. полит. наук. Краснодар, 2001.
7. Самаркина И.В. Публичная сфера в политической картине мира: структура, практики взаимодействия и векторы трансформации // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. Краснодар: КубГУ, 2010.
 8. Федоренко А.В. Политическая социализация в современной России и проект «коммуникативной демократии» // Вестник РУДН. 2005. № 8.
 9. Чаевич А.В. Роль средств массовой информации в процессе политической социализации российской молодежи // Сервис plus. 2007. № 2.
 10. Шестопал Е.Б. Личность и политика. М.: Мысль, 1988.
 11. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000.
 12. Шестопал Е.Б. Образы власти в России конца XX века. М.: МОНФ, 2000.
 13. Янковская Н.А. Социализация как форма усвоения нравственных норм и ценностей // Доклады (тезисы) III Всероссийского социологического конгресса. Круглый стол 13. Социализация молодежи и подростков: проблемы и перспективы. М.: ИС РАН, 2008.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«___» _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью